

Суеверия колдовства

Говард Уильямс

The Superstitions of Witchcraft

Howard Williams

The Project Gutenberg eBook of The Superstitions of Witchcraft.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Superstitions of Witchcraft

Автор: Говард Уильямс

Дата выхода: 1 октября 2007 [eBook #22822]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Джули Баркли, Сюзан Фланаган и группой онлайн-распределенной корректуры проекта "Гутенберг".

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ "СУЕВЕРИЯ КОЛДОВСТВА" ***

Электронный текст подготовлен Джули Баркли, Сюзан Фланаган и Командой по распределенной онлайн корректуре проекта "Гутенберг".
(<http://www.pgdp.net>)

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА:

Этот электронный текст содержит акцентированные греческие буквы. Если какой-либо из этих символов не отображается должным образом - в частности, если диакритические знаки не появляются непосредственно над или под буквой - возможно, у вас несовместимый браузер или недоступные шрифты. Если проблему решить не удастся, используйте вместо этого обычный текстовый файл.

Транслитерации и исправления показаны всплывающими окнами, подчеркнутыми красным цветом. Дополнительные изменения указаны в [примечаниях транскриптора](#) в конце электронного текста.

СУЕВЕРИЯ КОЛДОВСТВА.

LONDON
НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КО".
НЬЮ-СТРИТ СКВЕР

СУЕВЕРИЯ КОЛДОВСТВА.

BY HOWARD WILLIAMS, M.A.

ST. JOHN'S COLLEGE, CAMBRIDGE.

'Somnia, terrores magicos, miracula, sagas,
Nocturnos lemures, portentaque Thessala rides?

ЛОНДОН:
LONGMAN, GREEN, LONGMAN, ROBERTS, & GREEN.
1865.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книга "Суеверия колдовства" призвана представить последовательный обзор характерных форм и фактов вероучения, которое (если в настоящее время оно кажется мертвым или, по крайней мере, безвредным в христианстве) в XVII веке было живой и животрепещущей верой, из-за которой тысячи жертв были отправлены в камеру пыток, на кол и на эшафот. И по сей день память о его сверхчеловеческом искусстве в разных его проявлениях увековечена в повседневном языке народов Европы.

Вера в колдовство, действительно, в своем полном развитии и самых страшных результатах, является современной более, чем средневековой, христианской более, чем языческой, и протестантской не менее, чем католической.

СОДЕРЖАНИЕ.

Часть I.

ГЛАВА I.

Происхождение, распространенность и разнообразие суеверий - вера в колдовство, самая ужасная форма суеверия, наиболее процветавшая в XVI и XVII веках - настроения Аддисона, Блэкстоуна и юристов XVIII века по этому вопросу - халдейская и персидская магия - еврейское колдовство - его важное влияние на христианскую и современную веру - греческая аптека и колдовство - ранние римские законы против колдовства и магических чар - преступления, совершенные, В период империи в связи с колдовскими практиками - общие преследования за магию при Валентиниане и Валенсе - германские и скандинавские сагэ -

существенное различие между восточным и западным колдовством - вероятное происхождение общей веры в злой принцип [стр. 3](#)

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Компромисс между новой и старой верой - колдовство в ранней церкви - настроения отцов и постановления соборов - влияние платоников - исторические, физиологические и случайные причины приписывания колдовства женскому полу - мнения отцов и других писателей - колдовской договор [47](#)

ГЛАВА II.

Суровость Карла Великого - Англосаксонское суеверие - Нормандская и арабская магия - Влияние арабской науки - Магометанская вера в магию - Рабинское обучение - Роджер Бэкон - Преследование тамплиеров - Алиса Кайтелер [63](#)

ГЛАВА III.

Колдовство и ересь, намеренно спутанные церковью - Средневековая наука тесно связана с магией и колдовством - Невежество в физиологии - причина многих народных предрассудков - Жанна д'Арк - Герцогиня Глостерская - Джейн Шор - Преследование в Аррасе [84](#)

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА I.

Булла Иннокентия VIII - новый стимул к активному преследованию колдовства - "Malleus Maleficarum" - его уголовный кодекс - многочисленные казни в начале XVI века - анализ христианской демонологии - различные мнения о природе демонов - общая вера в общение демонов и других нечеловеческих существ с человечеством [101](#)

ГЛАВА II.

Три вида ведьм - Различные способы колдовства - Способ путешествия ведьм - Субботы - Анафемы пап против этого преступления - Бык Адриана VI - Современное свидетельство суровости гонений - Необходимый триумф ортодоксальной партии - Германия, наиболее подверженная суеверию - Акты парламента Генриха VIII против колдовства - Елизавета Бартон - Акт 1562 года - Казни при правительстве королевы Елизаветы - Случай колдовства, о котором рассказал Реджинальд Скот [126](#)

ГЛАВА III.

Открытие колдовства", опубликованное в 1584 году - "De Præstigiis Dæmonum" Виера и т. д. - Ноде - Жан Боден - "De la Démonomanie des Sorciers", опубликованное в Париже в 1580 году - его авторитет - Нидер - дело о колдовстве в Уорбойсе - доказательства, приведенные на суде

- примечательно тем, что послужило основанием для введения ежегодной проповеди в Хантингдоне [144](#)

ГЛАВА IV.

Астрология в древности - Современная астрология и алхимия - Торральво - Приключения доктора Ди и Эдварда Келли - Просперо и Комус, типы теургического и гоэтического искусств - Маги на сцене в XVI веке - Окультиные науки в Южной Европе - Причины неизбежных ошибок донаучных веков [157](#)

ГЛАВА V.

Колдовство в Южной Европе - Причина сохранения демонологического вероучения среди протестантских сект - Кальвинисты, наиболее фанатичная из реформатских церквей - Колдовство, санкционированное в Авторизованной версии Священного Писания - Акт о ведьмах 1604 года - Иаков VI. "Демонология" - Ликантропия и казни во Франции - Французские провинциальные парламенты активно принимают законы против различных колдовских практик - Колдовство в Пиренеях - Назначенная комиссия по расследованию - Результаты - Демонология в Испании [168](#)

ГЛАВА VI.

Одержимость во Франции в XVII веке - Урбен Грандье и монастырь в Лудуне - Экзорцизм в Эксе - Экстатические явления - Мадлен Бавент - Ее жестокое преследование - Католическое и протестантское колдовство в Германии - Демонологические страхи и переживания Лютера - Причина в его исключительном положении и чрезвычайных обстоятельствах его жизни и времени - Сожжение ведьм в Бамбурге и Вюрцбурге [186](#)

ГЛАВА VII.

Шотландия - одна из самых суеверных стран Европы - Рассказ Скотта о варварствах, совершаемых на судах над ведьмами при Якове VI - Судьба Агнес Сэмпсон, Эуфен МакКалзеан и т. д. - Неразумное поведение судов - Причины добровольных признаний ведьм - Свидетельство сэра Дж. Маккензи и т. д. - Суд и казнь Маргарет Барклай - Подсчет количества ведьм, пострадавших от смерти в Англии и Шотландии в XVI и XVII веках - Ведьмы, сожженные заживо в Эдинбурге в 1608 году - Ланкаширские ведьмы - сэр Томас Овербери и доктор Форман - Маргарет Флауэр и лорд Росс [203](#)

ГЛАВА VIII.

Литература Европы семнадцатого века доказывает универсальность и ужас колдовства - самые острые и самые либеральные ученые убеждены в его реальности - Эразм и Фрэнсис Бэкон - юристы предвзято относятся к законодательству - судебное утверждение Мэтью Хейла - сэра Свидетельство Томаса Брауна - Джон Селден - Английская церковь наименее свирепая из протестантских сект - Джуэлл и Хукер - Независимая терпимость - Колдовство при пресвитерианском правительстве - Мэтью Хопкинс - "Избранные случаи совести" Гаула - Судебные и народные методы обнаружения ведьм - Обнаружение ведьм - Профилактические чары - Колдуны - легальный и многочисленный класс в Англии и Шотландии - Ослабление суровости преследований под протекторатом [219](#)

ГЛАВА IX.

Sadducismus Triumphatus Гланвила - его взгляды на колдовство и демонологию - "Уверенность в мире духов" Бакстера и т. д. - Суд над ведьмами в Бури-Сент-Эдмунд сэром Мэттом. Эдмунда сэром Мэтью Хейлом, 1664 г. - Доказательства, представленные в суде - Две ведьмы повешены - Три повешены в Эксетере в 1682 г. - Последние ведьмы, казненные в Англии по приговору суда - Однообразие доказательств, представленных в суде - Нападки Уэбстера на колдовство в 1677 г. - Суды над ведьмами в Англии в конце XVII в. - Французские парламенты подтверждают дьявольскую реальность этого преступления - Колдовство в Швеции [237](#)

ГЛАВА X.

Колдовство в английских колониях в Северной Америке - Пуританская нетерпимость и суеверие - "Последние памятные события" Коттона Мазера - Одержимость демоническим духом - Доказательства, представленные комиссии - Извинения, принесенные властями - Внезапное прекращение разбирательства - Реакционные настроения против агитаторов - Салемское колдовство - последний случай судебного преследования в больших масштабах в христианстве - Философы начинают разоблачать суеверие - Заслуженные труды Уэбстера, Беккера, и других - их аргументы могли дойти только до образованных и богатых слоев общества - они лишь частично получили право голоса - суеверие продолжает преобладать среди простолюдинов - отмена закона о ведьмах в Англии в 1736 году - судебные и народные преследования в Англии в восемнадцатом веке - Суд над Джейн Уэнхем в Англии в 1712 году - Мария Рената сожжена в Германии в 1749 году - Ла Кадьер во Франции - Последняя ведьма сожжена в Шотландии в 1722 году - Последние случаи колдовства - Протестантские суеверия - Колдовство в экстра-христианском мире.христианском мире [259](#)

ЧАСТЬ I.

ДРЕВНЯЯ ВЕРА.

ГЛАВА I.

Происхождение, распространенность и разнообразие суеверий - вера в колдовство как самая ужасная форма суеверия - наибольший расцвет в XVI и XVII веках - настроения Аддисона, Блэкстоуна, и юристов восемнадцатого века по этому вопросу - халдейская и персидская магия - еврейское колдовство - его важное влияние на христианскую и современную веру - греческая аптека и колдовство - ранние римские законы против колдовства и магических чар - преступления, совершенные в империи в связи с колдовскими практиками - общие преследования за магию при Валентиниане и Валенсе - германские и скандинавские сагэ - вероятное происхождение общей веры в злой принцип.

Суеверие, продукт незнания причин, склонности искать разгадку явлений вне и помимо природы, и вытекающего отсюда естественного, но необоснованного страха перед

неизвестным и невидимым (невежественно называемым сверхъестественным), является одновременно универсальным по степени и различным по видам своего деспотизма. Опыт и разум доказывают, что, будучи присущим человеческому разуму и, по-видимому, сосуществуя с ним, он, естественно, берет начало в конституции человечества: в невежестве и неопределенности, в инстинктивном сомнении и страхе *перед Неизвестным*. Случайность может умерить его силу у отдельных народов и личностей; и всегда есть исключительные умы, чей природный темперамент и упражнение разума способны освободить их от рабства обманчивого воображения. В массе же человечества зародыш суеверия, готовый принять всегда новую форму и иногда новую силу, неистребим. Самые жестокие нападки не в силах искоренить его: подобно гидре, далеко не всегда уничтожаемой, казалось бы, смертельным ударом, он часто поднимает свою многоголовую форму с удвоенной силой.

Будет более философским сожалеть о несовершенстве, чем высмеивать глупость человеческой природы, когда будет полностью признан тот факт, что суеверные чувства - это не только результат простого варварства или вульгарного невежества, которые, конечно же, будут изгнаны цивилизацией и знаниями, но и коренное явление в жизни каждого человека, варварского или цивилизованного, язычника или христианина. Просветительское влияние науки, насколько оно распространяется, неотразимо; и ее прогресс в определенных пределах кажется уверенным и почти всемогущим. Но, к сожалению, оно ограничено в степени своего влияния, а также неопределенно по продолжительности; разум же пользуется слабым господством по сравнению с невежеством и воображением.¹ Если великое дело истории - учить на опыте, то никогда бесполезно изучать причины и факты злонамеренного вероучения, уходящего корнями глубоко в невежественные страхи человечества; но против повторения фатальных последствий фанатизма, очевидных в самых ранних и самых последних записях мира, не может быть достаточной гарантии.

¹ То, что "спекуляция имеет в каждом предмете человеческого исследования три последовательные стадии; на первой из них она стремится объяснить явления сверхъестественными силами, на второй - метафизическими абстракциями, а на третьей, или конечной, ограничивается выяснением их законов последовательности и подобия" ("*Система логики*" Дж. С. Милля), является обобщением позитивной философии и теорией исторической науки, согласующейся, вероятно, с прогрессом знаний среди философов, но едва ли применимой к массе человечества.

Сны, магические ужасы, чудеса, ведьмы, призраки, предзнаменования - вот некоторые из различных форм, которые суеверие изобрело и превознесло, чтобы нарушить покой как общества, так и отдельных людей. Самые экстравагантные из них не нужно искать в отдаленных эпохах человеческой расы или даже в "темных веках" европейской истории: они достаточно очевидны в законодательстве и теологии, а также в народных предрассудках XVII века.

Вера в адское искусство колдовства - это, пожалуй, самое ужасное, но и самое абсурдное явление в религиозной истории мира. Из миллионов жертв, принесенных в жертву на алтарях религии, это особое заблуждение может претендовать на значительную долю. По самым скромным подсчетам, с момента возникновения христианства было сожжено или повешено девять миллионов человек.² Дохристианская античность испытала на себе его огромную силу, а примитивная вера христианства легко приняла и вскоре развила его. Однако торжествующей Церкви было предписано проявить ее в величайших ужасах: и если мы сожалеем о слишком доверчивой или покладистой вере ранней воинствующей Церкви или о неосвященном невежестве язычества, то мы можем с еще большим негодованием осудить жестокую политику католицизма и варварскую глупость протестантского

богословия, которое могло сознательно наказывать за невозможное преступление. Упрек протестантизму в том, что эти гонения наиболее яростно разгорались в эпоху, породившую Ньютона и Локка. По сравнению с его зверствами даже марианские сожжения кажутся пустяком: и можно не сомневаться, что фанатичное рвение "кровавой королевы" не менее презрительно, чем легковое варварство судей семнадцатого века. Период с 1484 года (год, когда Иннокентий VIII опубликовал свой знаменитый "Молот ведьм", ратифицированный 120 лет спустя парламентским актом Якова I. С 1484 по 1680 год (год, когда Иннокентий VIII издал знаменитый "Молот ведьм", ратифицированный 120 лет спустя актом парламента Якова I) можно было бы не без оснований назвать эпохой дьяволопоклонничества; и мы почти поддаемся искушению принять теорию Жердушта и волхвов и представить, что Ахриман тогда был главным в вечной борьбе; вообразить, что Злой, как во времена Человека из Ура, "ходит по земле и ходит вверх и вниз по ней". Дошло до того, что в наши дни, по мнению более рационального наблюдателя XVII века, считается частью религии приписывать дьяволу великие чудеса; и те обвиняются в неверности и извращенности, кто не решается поверить в то, что тысячи людей рассказывают о его силе. Тот, кто этого не делает, считается атеистом, потому что не может убедить себя в том, что есть два Бога, один добрый, а другой злой³ - утверждение, которое не является простой гиперболой или преувеличением истины: существуют определенные доказательства фактов, а также совпадающие свидетельства различных писателей.

2 По словам доктора Шпренгера (*Жизнь Мухаммеда*). Замечание Цицерона о том, что нет ни одного цивилизованного и образованного, ни одного дикого и варварского народа, который бы не верил в то, что будущее может быть предсказано определенными людьми (De Divinatione, i.), оправдано как верой христианства, так и язычества; и это так же верно в отношении колдовства, как и в отношении пророчества или гадания.

3 Д-р Бальтазар Беккер, Амстердам, 1691 г., цитируется в "*Институтах церковной истории*" Мосхайма, изд. Рид.

Те (сравнительно немногие), чей разум и человечность в равной степени восставали против ужасной догмы, громко заявляли о преобладающих предрассудках. Однако такие протесты, по крайней мере, долгое время были слабыми и бесполезными - их бессильно захлестывал непреодолимый поток общественного мнения. Все слои общества были почти в равной степени заражены чумой, не знавшей различий по классу или рангу. Если богословы (как епископ Джуэлл, один из самых уважаемых богословов англиканской церкви, публично заявлявший по известному поводу одновременно о своей вере и своих опасениях) или юристы (как сэр Эдвард Коук и судья Хейл) безошибочно фиксировали свое несомненное убеждение, они были связаны, это очевидно, один класс - богословием, другой - законодательством. Столь необычное легкое верие вызывает удивление даже у богословов; но что можно думать о преднамеренном мнении непредубежденных писателей недавней эпохи, подтверждающих возможность, если не действительное происхождение, фактов, в которые верится?

Взвешенное суждение Аддисона, чье остроумие и выдающиеся достоинства стиля были особенно направлены на искоренение почти всех видов популярной глупости того времени, могло бы заявить: "Когда я слышу сообщения, которые поступают со всех частей света, не только из Норвегии и Лапландии, из Ост- и Вест-Индии, но и от каждого отдельного народа в Европе, я не могу не думать, что существует такое общение и торговля со злыми духами, как то, что мы выражаем названием колдовства..... Короче говоря, когда я рассматриваю вопрос о том, существуют ли в мире такие люди, которых мы называем ведьмами, мой разум раздваивается между двумя противоположными мнениями; или, скорее, чтобы свободно

выразить свои мысли, я верю в целом, что существует и существовала такая вещь, как колдовство, но в то же время не могу отдать должное ни одному конкретному современному случаю этого.⁴ Если бы потребовалось дополнительное доказательство того, как почтение к авторитетам и всеобщим обычаям может подчинить себе разум и понимание. Язык и решение Аддисона приняты сэром У. Блэкстоуном в "Комментариях к законам Англии", который укрывается за чувствами этого знаменитого автора; а Гиббон сообщает нам, что "французские и английские юристы нынешнего века [второй половины прошлого столетия] допускают *теорию*, но отрицают *практику* колдовства" - несомненно, под влиянием духа прошлого законодательства своих стран. В Англии знаменитое постановление подвластного парламента Якова I против преступлений колдовства и т. д. было отменено в середине правления Георга II, и наши законы санкционируют народное преследование, если не законное наказание, лишь спустя 130 лет.

⁴ *Spectator*, No. 117. Чувства Аддисона по родственному вопросу очень похожи. Пишущий о вульгарном вероисповедании призраков, он добавляет эти замечательные слова: "В то же время я считаю человека, которого так пугает воображение призраков и привидений, гораздо более разумным, чем того, кто, вопреки сообщениям всех историков, священных и светских, древних и современных, и традициям всех народов, считает появление духов баснословным и беспочвенным. Не в силах довериться общему свидетельству человечества, я должен довериться отношениям конкретных людей, которые живут сейчас и которым я не могу не доверять в других вопросах фактов". Сэмюэл Джонсон (чьи предрассудки были равны только его диапазону знаний) доказал свою веру в известном случае, если после этого он продвинулся настолько далеко, чтобы считать вопрос о реальности "призраков" *нерешенным*. Сэр В. Скотт, писавший в то время, когда глубокие метафизические изыскания Юма получили широкое распространение (это заметно), настроен весьма скептически.

Происхождение колдовства и вульгарного дьяволизма следует искать в грубых зачатках религиозного или суеверного чувства, которое, известное среди нынешних диких народов как фетишизм, вероятно, преобладало почти повсеместно в самые ранние века; в то время как более возвышенная магия обнаруживается в религиозных системах древних халдеев и персов. Халдея и Египет первыми, насколько известно, стали культивировать науку магии: первый народ долгое время давал известное название профессиональным практикам этого искусства. Цицерон (*De Divinatione*) восхваляет, а еврейские пророки часто высмеивают их мастерство в гадании и способы заклинания. История Даниила свидетельствует о том, как высоко почиталась и приносила доход магическая или прорицательская способность. Хаздимы, или халдеи, - каста священников, населявшая обширную и ровную страну, - должно быть, вскоре занялись столь полезным для их интересов изучением блестящих небесных просторов. Путем длительных и "ежедневных наблюдений" должны были быть достигнуты значительные знания; но в младенчестве астрономия неизбежно принимала форму эмпирического искусства, которое под названием астрологии привлекало серьезное внимание и озадачивало умы средневековых студентов, изучавших науку или магию (почти синонимичные термины), и которое до сих пор сохранилось в Англии в популярных альманахах. Естественными объектами почитания жителей Ассирии были славные светила - солнце и луна; и если их поклонение звездам и планетам выродилось во множество абсурдных фантазий, веривших в тесную связь и подчиненность человеческой судьбы небесным влияниям, можно признать, что религиозные чувства такого рода в своей первобытной простоте были более рациональными или, по крайней мере, возвышенными, чем большинство других религиозных систем.

Нет необходимости проследивать восточные верования в магию дальше, чем они повлияли на современные верования; но в божествах и джинах Персии более четко прослеживается духовное существование иудейской и христианской веры. От персидских жрецов происходит как название, так и практика магии. Злой принцип магии, более поздней иудейской, а затем и западного мира, зародился в системе (утверждающей Зороастра в качестве своего основателя), которая учила о двойственности богов. Философский законодатель, неспособный проникнуть в тайну империи зла и несчастий в мире, был убежден, что существует равная и антагонистическая сила представителю света и добра. Отсюда вечная борьба между Ормуздом с добрыми духами или джинами, амчаспандами, с одной стороны, и Ахриманом с дэвами (которые могут представлять infernalную команду христианства) - с другой. Египет, в Моисееву и Гомеровскую эпохи, кажется, достиг значительного мастерства в магии, а также в химерии и астрологии. Как заумная и эзотерическая доктрина, она была строго ограничена жрецами или немногими избранными, которые были допущены к посвящению. В магическом мастерстве магам, успешно подражавшим чудесам Моисея, помогал, по-видимому, легердемон, похожий на тот, что применяют индусские жонглеры в наши дни.⁵

⁵ Имена двух из этих магов, Яннеса и Ямбриса, сохранились в откровении или традиции.

В персидской теологии теневое представление о дьяволе Западной Азии полностью отличалось от грубой концепции христианства. Ни злой принцип магианства, ни ведьмы Палестины не имеют много общего с христианскими. Ни договор о подчинении дьявольской силе, ни infernalная печать или знак такой роковой лиги, ни празднования Сатаны и его ведьм⁶, ни подобные материалистические представления не могли соответствовать духу иудаизма или хотя бы магианства. Нетрудно найти причину этого существенного несходства. Религия и законы Моисея сурово насаждали простое единство, не позволяя проявлять воображение, а волхвы столь же сурово выступали против идолопоклоннических форм. Чудовищная идея, вроде "Сатаны и его ведьм", была для них невозможна. Христианство, религия Запада, получило свои *телесные* идеи демонологии от божеств и демонов язычества. Сатиры и фавны Греции и Рима отчасти повторяют форму и, возможно, некоторые черты вульгарного христианского дьявола. Знания о магических искусствах евреев, вероятно, были почерпнуты из их египетской жизни, в то время как бедуины Аравии и Сирии (родственные народы), возможно, привили менее научные обряды фетишизма. Именно в ранних рассказах об этом народе колдовство, независимо от его характера и профессии, с сопутствующими искусствами гадания, некромантии, заклинаний и т. д., представляется наиболее процветающим. Моисеево наказание: "Не позволяй жить ведьме" и всеобъемлющее предписание: "Не должно быть среди вас того, кто заставит сына своего или дочь свою пройти через огонь, или того, кто занимается гаданием, или наблюдателем времен, или чародеем, или колдуном, или заклинателем, или общающимся со знакомыми духами, или волшебником, или некромантом", одновременно указывают на масштабы и ужас этой практики. Валаам (этот двусмысленный пророк), живший на границе Аравии и Палестины, был обхаживаем и страшен как волшебник, который мог опутать целые армии с помощью заклинаний. Его слава распространялась далеко и широко; сирийские племена вызвали его из своего дома за Евфратом в горах Месопотамии, чтобы отразить вторжение врага. Этот великий маг, похоже, повсеместно считался "соперником и возможным завоевателем Моисея".⁷

⁶ Сэр В. Скотт, *"Письма о демонологии"*.

⁷ Лекции декана Стэнли об иудейской церкви.

Примерно в то время, когда каста священников должна была уступить место профанической монархии, запрещенные практики были настолько известны, а зло настолько велико, что новоизбранный принц "изгнал" (как рассказывает Иосиф) "гадателей, некромантов и всех, кто занимался подобными искусствами". Его беседа с ведьмой при этих обстоятельствах имеет некоторое сходство с современной *диаблерией*. Рационалистическая интерпретация этой сцены, предложенная Реджинальдом Скотом, может быть рекомендована критикам-комментаторам, которые так долго не могли ее объяснить. Он отвергает общепринятое мнение о том, что женщина из Эндора была агентом дьявола, и, не обращая внимания ни на какие тайны, считает: "Эта пифонистка, будучи *чрево вещательницей*, то есть говорящей как бы из глубины своего живота, ввела себя в транс и так издевалась над Саулом, отвечая Саулу от имени Самуила своим фальшивым полым голосом".⁸ Институт, очень популярный среди иудеев Первого храма, часто упоминаемый в их писаниях - школы пророков - был (не исключено) того же рода, что и школы Саламанки и Салерно в средние века, где магия публично преподавалась как заумная и полезная наука; и когда Иеху оправдывает свое поведение по отношению к царице-матери обвинением в колдовстве, он лишь предвосхищает способ, распространенный и успешный в Европе в шестнадцатом и семнадцатом веках. Иудейский пророк говорит о вавилонских царях, что они усердно занимались искусством, и упрекает их в том, что они практиковали против святого города.

⁸ *Discoverie of Witchcraft*, lib. viii. chap. 12. Возможно, эта иллюзия была придумана в Дельфах, где в центре храма находилась пропасть, из которой выходил пьянящий дым, когда жрица должна была объявить о божественных откровениях. Сидя над пропастью на треножнике, пифия вдохновлялась, судя по всему, усыпляющими и дурманящими снадобьями.

И все же, если верить национальному историку (не говоря уже об общепринятых преданиях), халдейский монарх мог по праву завидовать, хотя и не надеялся подражать, совершенству бывшего князя своей ныне малоизвестной провинции. Иосиф говорит о Соломоне, что, помимо прочих достижений, "Бог дал ему возможность научиться тому мастерству, которое изгоняет демонов, что является наукой, полезной и целебной для людей. Он составил такие заклинания, которые облегчают страдания, и оставил после себя способ применения экзорцизма, с помощью которого изгоняют демонов, чтобы они никогда не возвращались".⁹ История Даниила хорошо известна. В плену двух племен, взятых в почетное рабство, он вскоре вошел в высший свет, поскольку, как нам сообщают, преуспел в гадании, превосходившем все искусство халдеев, которые сами так славились этим. Вдохновенный еврей предсказал сон или видение, которое озадачило "магов, и астрологов, и колдунов, и халдеев", и тут же был вознагражден величайшим даром, оказавшимся в распоряжении капризного деспота. Большинство апологетов колдовства, в частности авторы "*Malleus Maleficarum*", принимают утверждение автора истории Даниила о том, что Навуходоносор был "изгнан из людей и ел траву, как вола", в его очевидном смысле, объясняя его как явное заявление о том, что он был телесно превращен в вола, подобно тому как спутники Улисса были превращены в свиней цирцеанскими колдовствами.

⁹ *Древности*, книга viii. 2. Перевод Уистона.

Представления евреев о добрых или, по крайней мере, злых духах или ангелах были получены во время их вынужденного пребывания в Вавилоне, под властью то ли ассирийцев, то ли персов. По крайней мере, "сатана" впервые безошибочно обнаруживается в личной форме в поэме Иова, произведении, которое, по мнению критиков, было написано после реставрации. В космогонии и законодательстве Моисея автор не вводит, явно или подразумевая, существование злого принципа, если только змей из Парадизского рассказа,

который был довольно произвольно так метаморфозирован, не представляет его;¹⁰ в то время как выражения в книгах, вульгарно считающихся до завоевания, по меньшей мере сомнительны. С этого времени (с пятого века до н.э.), говорит немецкий демонолог, поскольку евреи жили среди поклонников Зороастра и таким образом познакомились с его доктринами, обнаруживается, частично в противоречии с более ранними взглядами на их религию, множество догматов, преобладающих среди них, происхождение которых невозможно объяснить иначе, как действием доктрин Зороастра: к ним относится общее принятие теории сатаны, а также добрых и злых ангелов.¹¹ В период римского правления или вассалитета колдовские практики, как они представлены в христианских писаниях, были очень популярны. В них часто фигурируют дьяволы или демоны, а также "князь дьяволов"; а *бесноватые* могут представлять собой жертв колдовства. Талмуд, если в утверждениях апологетов колдовства есть доля правды, вспоминает многих добродетельных евреев, обвиненных в этом преступлении и казненных прокуратором Иудеи.¹² Экзорцизм был очень популярной и прибыльной профессией.¹³ Симон Магус, маг (*par excellence*), нечестивый претендент на чудодейственные силы, который "околдовал народ Самарии своими чарами", прославлен Евсевием и последующими христианскими писателями как плодовитый родитель ереси и колдовства.

¹⁰ Несколько остроумных замечаний на тему змея и т. д. можно найти в книге *"Восточная жизнь"*, часть ii. 5, by H. Martineau.

¹¹ Хорст, цитируется в *"Истории магии"* Эннемозера. Часто отмечалось как необычное явление, что "избранный народ", столь склонный в прежние времена по любому поводу к идолопоклонству и его жестоким обрядам, после своего восстановления под эгидой персов с тех пор неизменно выступал, даже яростно, против любого знака, противоречащего единству Божества. Но магианская система была в равной степени против идолопоклонства.

¹² Епископ Джуэлл (*Апология Церкви Англии*) утверждает, что по злобе своих соотечественников Христос был обвинен в том, что он был жонглером и волшебником - *præstigiator et maleficus*. В апостольских повествованиях и посланиях колдовство, чародейство и т. д. часто описываются и осуждаются. Только секта саддукеев отрицала существование демонов.

¹³ Общую веру жителей Палестины в трансцендентную силу экзорцизма иллюстрирует чудо такого рода, о котором рассказывает Иосиф. Оно было продемонстрировано перед Веспасианом и его армией. Он [Елеазар, один из профессионалов] приложил к ноздрям бесноватого кольцо с корнем одного из тех сортов, о которых упоминал Соломон; после этого он извлек демона через ноздри; и когда тот сразу же упал, он попросил его больше не возвращаться в него, все время упоминая Соломона и произнося заклинания, которые он сочинил. А когда Елеазар хотел продемонстрировать зрителям, что обладает такой силой, он ставил в некотором отдалении чашу или таз, наполненный водой, и приказывал демону, когда тот выходил из человека, опрокинуть его и тем самым дать зрителям понять, что он покинул человека". Это представление было воспринято зрителями с презрением или легковерием в соответствии с их верой: но легковерие верующих вряд ли могло превзойти легковерие большого числа образованных людей, которые в наше время обнаруживают в чудесах животного магнетизма или в фокусах жонглеров инфернальное или сверхъестественное воздействие.

То, что колдовство, или каким бы термином ни выражалась эта преступная практика, преобладало среди поклонников Иеговы, очевидно из повторяющихся анафем как в их собственных, так и в христианских писаниях, не говоря уже о традиционных легендах; но и

еврейские, и греческие выражения, похоже, включают в себя, по крайней мере, использование наркотиков и, возможно, яда. ¹⁴ Еврейское вероучение, как оно раскрыто в их писаниях, заслужило славу, которой оно не имело бы в противном случае, потому что на нем были основаны богословами, католическими и протестантскими, аргументы и апология реальности колдовства, взятые из священных писаний, с изобретательностью, слишком распространенной и успешной в поддержке особых предрассудков и интересов даже самого чудовищного рода. ¹⁵

¹⁴ *Хашаф и Фармакея*. Библейские критики, однако, склонны принимать в строгом смысле перевод яковинских богословов. Поскольку в LXX, - говорит Паркхерст, лексикограф Н.Т., - это существительное [pharmakeia] и ему подобные всегда отвечают какому-нибудь еврейскому слову, обозначающему некие магические или колдовские трюки; и поскольку слишком известно, чтобы на этом настаивать, что подобные inferнальные практики всегда преобладали и все еще преобладают в идолопоклоннических странах, я предпочитаю другой смысл - заклинания".

¹⁵ В последнее время "трезвые брови, одобряющие текстом" институт рабства: божественный, по их мнению; величайшее зло, от которого страдает человечество, по словам Александра фон Гумбольдта. См. "Личный рассказ".

Рассматривая этот феномен в том виде, в каком он существовал у греков и римлян, следует отметить, что если греки, по-видимому, в основном переняли идеи Востока, то римское суеверие было итальянского происхождения. Цицерон тщательно объясняет, что соответствующие выражения для обозначения способности к предсказаниям или предвидению (*manteia* и *divinatio*) указывают на разный характер этого явления у этих двух народов: первое было результатом своего рода безумия, второе - искусным и божественным мастерством. Греческие традиции заставляли их верить, что магическая наука была принесена из Египта или Азии их старыми философскими и законодательными мудрецами. Некоторые из самых выдающихся основателей философских школ были популярно обвинены в ее поощрении. Пифагор (это жалоба Платона), как говорят, ввел своим соотечественникам искусство, полученное из его зарубежных путешествий; обвинение, которое напоминает имена Роджера Бэкона, Альберта Магнуса, Галилея и других, которые должны были заплатить штраф за преждевременное знание подозрениями своих современников. Говорят, что Ксенофан был единственным из философов, кто признавал существование или провидение богов и в то же время полностью дискредитировал гадания. Из стоиков Панэтий был единственным, кто осмелился даже усомниться. Некоторые из них доверяли только одному или двум конкретным способам, таким как сны и безумие; но в основном все формы этого вида божественного откровения принимались безоговорочно. ¹⁶

¹⁶ Цицерон во второй книге "О гадании" берется опровергнуть аргументы стоиков, "сила ума которых, будучи обращена в сторону морали, не сгибалась в сторону религии". Гадательные способности в целом делятся на искусственные и естественные.

Собственно наука о магии развивается в поздних философских школах, к которым в значительной степени примешивается восточная теология или демонология. Аполлоний Тианский, современный пифагореец, является самым известным магом древности. Этот великий чудотворец язычества родился в начале христианской эры, и было замечено, что его чудеса, хотя и совершенно независимые от них, удивительным образом совпадают по времени и виду с христианскими. ¹⁷ По словам его биографа Филострата, этот необычный человек (чьи путешествия и исследования, как нас уверяют, простирались через весь Восток

и даже Индию, через Грецию, Италию, Испанию, северную Африку, Эфиопию и т. д.) должен был обладать научными знаниями, которые, по сравнению с теми, что были у его современников, можно считать почти сверхъестественными. Экстраординарные достижения подсказали ему в более поздней жизни, чтобы вызвать благоговение вульгарных людей, наделив себя магическими способностями. Говорят, что Аполлоний помогал Веспасиану в борьбе за трон Цезарей; затем, когда его обвинили в поднятии мятежа против Домициана, и когда он добровольно сдался императорскому трибуналу в Риме, он избежал грозившей гибели благодаря своему сверхчеловеческому искусству.

17 Объявление Протеем матери о рождении Аполлония и воплощение самого Протея, хор лебедей, которые пели от радости по этому случаю, изгнание бесов, воскрешение мертвых и исцеление больных, внезапные появления и исчезновения Аполлония, его приключения в пещере Трофония, священный голос, призвавший его после смерти, к которым можно добавить его притязания как учителя, имеющего власть реформировать мир, "не могут не навести на мысль, - пишет автор *"Словаря греческой и римской биографии"* ис., под ред. д-ра В. Смита, "параллельные отрывки в евангельской истории".

О заклинаниях, чарах и магических соединениях в практике греческого колдовства можно найти множество примеров в трагической и комической поэзии Греции; хорошо известны *фильтры*, или любовные чары, Феокрита. Названия Колхиды, Халдеи, Ассирии, Иберии, Фракии могут указать на происхождение значительной части эллинских колдовств. И все же, если более почтенные науки могли быть иностранного происхождения, Эллада не была лишена чего-то похожего на колдовство современной Европы. Адская богиня Геката, греческая знаменитость, является всемогущей покровительницей своих современных христианских рабов; она председательствует на собраниях ведьм в христианстве с такой же торжественностью, но с гораздо большей злобой. Первоначально небесного ранга, в результате позднейшей метаморфозы связанная, если не лично идентичная, с Персефоной, царицей Аида, Геката была наделена многими из характерных атрибутов современного дьявола или, скорее, ведьмы. Тройственная богиня в различных обликах бродила по ночам с душами умерших, пугая трепещущих деревенских жителей своими явлениями и адскими спутниками, жутким воем и воем адских псов, которые всегда возвещали о ее приближении. Она часто посещала перекрестки дорог, гробницы и мрачные места, особенно любясь местностями, прославившимися кровавыми убийствами. Хобгоблины, различные злобные демоны и духи, вызывавшие живой ужас у средневековых народов, имели свои прототипы в сказочной стране Греции, в гекатейских хобгоблинах (как и латинские *larvæ*, и т.д.), Эмпусе, Мормо и других продуктах испуганного воображения, знакомых изучающим греческую литературу по комическим страницам Аристофана. **18** От самых ранних литературных записей до последних времен язычества как государственной религии, от гомеровских Цирцеи и Улисса (последнего многие признают настоящим волшебником) до эпохи Аполлония или Апулея, магия и колдовство, как философская наука или как вульгарное суеверие, занимали, очевидно, более или менее отчетливое место в народной мифологии старой Греции. Но в языческой истории ни Греции, ни Рима мы не читаем о холокостах жертв, как в христианской Европе, сожженных на алтарях ужасного суеверия. **19** Повод для написания трактата Апулея "О магии" несколько романтичен. По пути в Александрию философ, будучи не в состоянии продолжать путешествие, был гостеприимно принят в особняке некоего Сициния Понтиана. Здесь, во время интересного периода своего выздоровления, он пленился или был пленен любовью матери хозяина, богатой вдовы, и вскоре влюбленные соединились узами брака. Родственники Пудентиллы, возмущенные потерей столь желанного и, возможно, долгожданного состояния, подали иск против Апулея за то, что он добился ее расположения с помощью чар или заклинаний. Дело рассматривалось перед проконсулом Африки, и

апология обвиняемого старается убедить судей, что любовь вдовы можно вызвать и без сверхчеловеческих средств.²⁰

18 В частности, у *батраков*. Ужас перед адским явлением свирепого Горго в Аиде ослепил щеки даже смелого Одиссея (Od. xi. 633). Спутников Гекаты сравнивали, и не без оснований, с чудовищными стражами ада; чем они

Не уродливее и ночная ведьма, когда, призванная
В тайне, по воздуху скачет она
Заманивает запахом младенческой крови, чтобы танцевать
с лапландскими ведьмами".

19 Исключительным случаем, по мнению Демосфена, является женщина, осужденная в год, или в течение года или двух, после казни Сократа.

20 Святой Августин, осуждая платонические теории Апулея о посредничестве и заступничестве демонов между богами и людьми и разоблачая его магические ереси, использует повод насмеяться над тем, что он избежал своей справедливой участи, не исповедовав, подобно христианским мученикам, свою истинную веру, когда произносил свою "очень обильную и красноречивую" апологию (*De Civitate Dei*, lib. viii. 19). В "*Золотом асе*" греческого романтика II века, который, как и его современник великий рационалист Лукиан, заслуживает похвалы за то, что разоблачил (возможно, более остроумно, чем успешно) некоторые из самых абсурдных предрассудков того времени, его читателей развлекают историями, которые могут довольно точно отражать настроения XVII века.

Гиббон, ссылаясь на Петрония, отмечает, что римские суеверия, как можно предположить, были скорее италийского, чем варварского происхождения. Этрурия снабдила народ Ромула наукой гадания. В начале истории Республики закон очень четко определяет колдовство. В децемвиральном кодексе к преступлению колдовства или ворожбы прилагается крайнее наказание: "Пусть будет капитально наказан тот, кто заколдовал плоды земли или любым видом ворожбы (*excantando neque incantando*) выманил кукурузу своего соседа на свое поле" и т. д., - постановление, над которым глумились в "*Институтах*" Юстиниана, по словам Сенеки. Грубая и невежественная древность, повторяя юристов Юстиниана, верила, что дождь и бури можно привлечь или отвести с помощью заклинаний или чар, невозможность которых не нуждается в объяснении ни одной философской школой. Сто пятьдесят лет спустя после закона децемвиров был принят *Lex Cornelia*, который обычно цитируется как направленный против колдовства: но, хотя он, возможно, включает в себя более теневое преступление, он, кажется, был направлен против более "существенного яда". Поводом и причиной послужило осуждение 170 римских дам за отравление под видом заклинаний. Сулла, будучи диктатором, возродил этот закон *de veneficiis et malis sacrificiis*, за нарушение которого полагалось наказание в виде "запрета на огонь и воду". Сенаторские анафемы или даже анафемы принцепса были неэффективны, чтобы остановить постоянно растущие злоупотребления, которые к концу первого века империи достигли угрожающей высоты.²¹

21 Следует заметить, что *veneficus* и *maleficus* - это значимые термины для обозначения преступников у италийцев.

Общая деградация нравов часто сопровождается, справедливо замечено, соответствующим ростом самого дикого легковерия и покорным подчинением внешним религиозным обрядам в умиловление разгневанного божества. Так было в Риме, когда красноречие Цицерона, а

затем возмущенная сатира Ювенала или спокойные насмешки философствующего Лукиана,²² пытались утвердить "надлежащий авторитет разума". По правде говоря, говорит Цицерон, суеверие распространилось, как поток, по всему земному шару, угнетая умы и интеллект почти всех людей и используя слабость человеческой природы.²³ Историк "Упадк и падения Римской империи" обосновывает и иллюстрирует эти сетования философа Республики на конкретном примере колдовства. "Народы и секты римского мира с одинаковым доверием и одинаковым отвращением признавали реальность этого inferнального искусства, способного контролировать вечный порядок планет и добровольные действия человеческого разума. Они ужасались таинственной силе заклинаний и заклинаний, сильнодействующих трав и отвратительных обрядов, которые могли угасить или вернуть жизнь, повлиять на страсти души, взорвать творения и вырвать у неохотно идущих демонов секреты Будущего. Они с дикой непоследовательностью верили, что сверхъестественная власть над воздухом, землей и адом осуществляется из самых мерзких побуждений злобы или корысти какими-то морщинистыми ведьмами или странствующими колдунами, которые проводят свою безвестную жизнь в нищете и презрении. Такие тщетные страхи нарушали покой общества и счастье отдельных людей, а безобидное пламя, незаметно растопившее восковое изображение, могло получить мощную и пагубную энергию от испуганного воображения того, кого оно злонамеренно изображало. От настоя трав, которые, как предполагалось, обладали сверхъестественным воздействием, было легко перейти к более существенному яду; и глупость человечества иногда становилась орудием и маской самых жестоких преступлений".²⁴

²² Если бы философские аргументы Мениппа (*Nekrikoi Dialogoi*) могли удовлетворить интерес жрецов или невежество людей последующих времен, адские костры шестнадцатого и семнадцатого веков могли бы не гореть.

²³ *De Divinatione*, lib. ii.

²⁴ *История упадка и падения Римской империи*, ххv. Это описание в большей степени относится к христианской и более поздним империям.

Латинская поэзия эпохи Августа и последующего периода изобилует иллюстрациями, а ведьмы Горация, Овидия и Лукана являются известными классическими типами.²⁵ Проперций характеризует Стригу как "достаточно смелую, чтобы наложить законы на луну, околдованную ее заклинаниями", а Петроний заставляет свою ведьму, столь же могущественную, как фессалийская колдунья Стрепсиада, восклицать, что сама форма луны вынуждена спуститься со своего места во вселенной по ее приказу. Для ознакомления с различными композициями и заклинаниями, вошедшими в обиход, достаточно обратиться к страницам римских поэтов. Формы заклинаний и ужасные обряды горацанской саганы Канидия (*Epod. v.* и *Sat. i. 8*) или сцены, описанные в напыщенных стихах поэта гражданской войны (*De Bello Civili*, vi.), где вся природа покорна, схожи, но более привычны в драматических сочинениях елизаветинской эпохи. Однако более мрачные черты этой практики представлены в пламенных декламациях Ювенала, слишком точно демонстрирующих противоестественные злодеяния, совершаемые в форме и под маской любовных приворотов и чар. Римские дамы на самом деле приобрели значительное мастерство, достойное Борджиа или Бринвилье, в искусстве отравления и использования наркотиков. Пресловутая ведьма, как в древние, так и в современные времена, очень часто принадлежала, подобно овидиевым дипсам, к настоящему и отвратительному классу сводников: морщинистые ведьмы были опытны в искусстве обольщения, а также в использовании яда и наркотиков, более привычных для богатых классов (*Sat. vi.*). Великий сатирик писал во второй половине первого века христианства; но даже в эпоху Августа

подобные преступления были достаточно распространены, чтобы Овидий перечислил их среди всеобщих зол, привнесенных железным веком (*Metamorphoses*, i.). Деспотическая воля самих князей была напрасной; зло было слишком глубоко укоренившимся, чтобы поддаться даже указам властителей мира. Сами *дивы* также не гнушались посвящать себя в inferнальные или небесные науки. Нигидий Фигул и два Фрасилия - магические или математические имена, тесно связанные с судьбами двух первых императорских принцев. Нигидий предсказал, а возможно, и способствовал будущему возвышению Октавиана, а старший Фрасилий, знаменитый родосский астролог, умело отождествил его судьбу с жизнью своего доверчивого, но тираничного ученика. Утверждается, что искусство Фрасилла помогло суеверному тирану предотвратить казнь нескольких намеченных жертв его ненависти или каприза, сделав *их* безопасность условием *своего* существования. Историк ранней империи рассказывает о заклинаниях, которые могли "влиять на разум и усиливать болезни" Германика, племянника Тиберия. "Там были обнаружены, - говорит Тацит, - выкопанные из земли и из стен дома останки человеческих трупов, чары и заклинания, имя Германика, начертанное на свинцовых табличках, полусгнивший пепел, покрытый разлагающейся материей, и другие приемы, с помощью которых, как считается, души посвящаются божествам ада".²⁶

²⁵ "Канидия из Горация, - говорит Гиббон, - вульгарная ведьма". Эрихто из Лукана - нудная, отвратительная, но иногда возвышенная". Любовные чары Канидия и Медеи в основном обязаны "*Фармакеутрии*" Феокрита.

²⁶ *Annales*, ii. 69. Рассказывая о математиках и астрологах времен Гальбы, которые подталкивали правителя Лузитании на опасный путь к высшему сану, историк в своем неподражаемом языке и стиле правдиво характеризует их как "класс людей, которым нельзя доверять власть имущим, которые обманывают ожидающих; класс, который всегда будет запрещен и сохранен в нашем государстве".

В IV веке первый христианский император ограничил законные занятия магией полезным использованием для сохранения или восстановления плодов земли или здоровья человеческого тела, в то время как практика вредоносных чар капитально наказывалась. Наука тех, провозглашает императорский новообращенный, кто, погрузившись в магические искусства, уличен либо в покушении на жизнь и здоровье своих ближних, либо в *очаровании* умов скромных особ к занятию развратом, должна быть отменена и заслуженно наказана самыми суровыми карами. Но ни в каких видах уголовных обвинений не должны участвовать те средства, которые применяются для блага отдельных людей или безвредно используются в отдаленных местах для предотвращения преждевременных дождей, в случае виноградников, или вредного воздействия ветров и града, от которых не может пострадать здоровье и доброе имя человека; но чья практика имеет похвальную пользу в предотвращении рассеивания и разрушения как даров Божества, так и трудов людей.²⁷

²⁷ Код. Юстиниан, lib. ix. tit. 18.

Константин, проводя различие между хорошей и плохой магией, между *теургией* и *гоэтикой*, сохраняет различие, сделанное язычниками - различие, игнорируемое поздней христианской церковью, в системе которой "все демоны являются адскими духами, и всякая торговля с ними - идолопоклонство и отступничество". Христианское рвение обвинило императорского философа и отступника Юлиана в том, что он прибегал - без особого толку - ко многим магическим или некромантическим обрядам; разрезал мертвые тела мальчиков и девственниц по предписанному методу; воскрешал мертвых, чтобы выяснить результаты своей восточной экспедиции против персов.

Через несколько лет после смерти Юлиана в христианской империи начались гонения на колдовство, которые по своей жестокости, если не по глупости, могут быть сопоставимы только с аналогичными сценами в пятнадцатом или семнадцатом веке. Оно началось вскоре после окончательного разделения Востока и Запада в царствование Валентиниана и Валенса, в 373 году н.э. Несчастных обвиняемых с одинаковой яростью преследовали в Восточной и Западной империях, а Рим и Антиохия стали главными аренами, на которых завершилась кровавая трагедия. Гиббон сообщает нам, что она произошла во время криминальной консультации, когда двадцать четыре буквы алфавита были расставлены вокруг магического треножника; танцующее кольцо, помещенное в центр, указывало на первые четыре буквы в имени будущего принца. Смертоносная и бессвязная смесь измены и магии, яда и прелюбодеяния давала бесконечное количество градаций вины и невинности, оправданий и отягчающих обстоятельств, которые в этих процессах, похоже, были сбиты с толку злобными или испорченными страстями судей. Они легко узнали, что степень их внимательности и проницательности оценивалась императорским двором по количеству казней, вынесенных их соответствующими трибуналами. Не без крайней неохоты они выносили оправдательные приговоры; но охотно принимали на веру показания, запятнанные лжесвидетельством или добытые под пытками, чтобы доказать самые невероятные обвинения против самых уважаемых персон. Ход расследования постоянно открывал новые темы для уголовного преследования; дерзкие доноски, чья ложь была обнаружена, безнаказанно уходили в отставку, но несчастной жертве, обнаружившей своих настоящих или мнимых сообщников, редко позволялось получить расплату за свое бесчестие. Из самых отдаленных уголков Италии и Азии молодых и пожилых людей тащили в цепях к трибуналам Рима и Антиохии. Сенаторы, матроны и философы погибали в бесчестных и жестоких пытках. Солдаты, назначенные охранять тюрьмы, с ропотом жалости и негодования заявляли, что их численность недостаточна, чтобы противостоять бегству или сопротивлению множества пленников. Самые богатые семьи были разорены штрафами и конфискациями; самые невинные граждане дрожали за свою безопасность; о масштабах зла можно судить по экстравагантному утверждению одного древнего писателя [Аммиана Марцеллина], что в неблагополучных провинциях пленники, изгнанники и беглецы составляли большую часть жителей. Философ Максим, - добавляет он, - по справедливости был обвинен в магии, а молодой Хризостом, случайно нашедший одну из запрещенных книг, отдал себя на растерзание".²⁸

28 История упадка и падения Римской империи, ххв.

Сходство с ужасной катастрофой в Аррасе, записанной хронистами пятнадцатого века, за исключением грубейших нелепостей последней, почти полное. Валентиниан и Валенс, которые, похоже, подражали зверской славе семьи Сезара, вместе со своими министрами, скрывали, вероятно, под маской напускного легковерия истинные мотивы мести и корысти.

Римский мир, христианский и языческий, был подвержен преобладающему страху. Однако эта часть земного шара охватывала лишь малую часть человеческой расы. Записи истории неполны и несовершенны; они более ограничены во времени, чем в масштабах. В любой период история представляет собой не более чем несовершенный отчет о жизни нескольких конкретных народов. По необходимости ограничиваясь почти полным знакомством с историей той части земного шара, которая была включена в "Римскую империю", мы почти забываем о своем глубоком незнании той значительно большей части земной поверхности, внеримского мира, охватывающего тогда, как и сейчас, как цивилизованные, так и варварские народы. Китайская империя (самая необычная, пожалуй, и чья древность намного превосходит древность любой из известных), охватывающая в своих пределах две

трети населения земного шара; утонченный и изобретательный народ Индостана, огромное население, на Востоке: В Западном полушарии существуют народы, останки которых вызывали восхищение испанских захватчиков; различные дикие племена Африканского континента; кочевое население Северной Азии и Европы; почти все они в большей или меньшей степени, по свидетельству прошлых и нынешних наблюдений, испытывали огромные страхи, свойственные вульгарному демонизму.²⁹

²⁹ Можно смело утверждать, по словам одного знаменитого современного философа, что народные религии в представлении их самых вульгарных приверженцев действительно являются разновидностью демонизма. *Primus in orbe deos fecit timor*", или, по более полному выражению одного из современных авторов, "Страх сделал дьяволов, а слабая надежда - богов".

У племен, которые во времена Сезара или Тацита населяли леса Германии, а также, возможно, у скандинавов, появились более возвышенные идеи, зародыши выродившихся народных предрассудков. Во всех германских племенах, по свидетельству современных писателей, женщины пользовались большим уважением, и считалось, что в их умственных или духовных способностях есть что-то даже божественное. Очень многих своих женщин они считали пророчицами, а при суеверном страхе - даже богинями". История сохранила имена некоторых из этих тевтонских *божеств*. Веледа, по пророческому вдохновению или благодаря высшему гению, руководила советами своего народа и в течение нескольких лет успешно противостояла продвижению имперского оружия.³⁰ На их *божественный* суд выносились важные государственные и религиозные вопросы, и не удивительно, если, наделенные сверхъестественными способностями, они, подобно другим пророкам, помогали сбываться своим предсказаниям. Бритты и галлы, принадлежащие к кельтской расе, в своих религиозных системах, похоже, больше походили на восточных людей, чем на тевтонов или италийцев. Говорят, что задолго до того, как римляне вступили с ними в контакт, у них была развита магическая наука, а жрецы, как и в Индии или Египте, передавали тайны только привилегированному кругу лиц, причем в условиях глубокой секретности. Магическая наука британских друидов была настолько совершенна, что Плиний (*Hist. Nat.* xxx.) был вынужден предположить, что персидские волхвы, должно быть, заимствовали свою систему из Британии. В большинстве своем кельты тогда, как и в наши дни, отличались особой стойкостью вероучения, в сохранении которого была заинтересована жреческая каста. С другой стороны, более свободная религия тевтонских народов, скандинавов и германцев, без особого труда приняла особые представления южных завоевателей; а колдовская мифология северных варваров с готовностью признала власть Эрихто управлять действиями природы, предотвращать или сбивать ход стихий, прерывать влияние солнца, отводить или вызывать бури, влиять на страсти души, очаровывать или привораживать жестокую госпожу и т. д., со всеми обычными некромантическими обрядами. Но если они могли признать свойства итальянской Стриги, то эти народы в то же время сохраняли должное уважение к почитаемой Саре - немецкой Гексе.

³⁰ Ауриния - латинское название еще одной из этих почтенных саг. Тацит, *Histor.* iv. 61, и *Germania*, viii.

Из всех исторических народов древней Европы скандинавы, пожалуй, больше всех были проникнуты убеждением в действенности магии; этот факт достаточно хорошо объясняется их местом жительства и привычками. В "Эддах" Один, вождь иммигрантов в первом веке и великий национальный законодатель, представлен как хорошо сведущий в этом сверхъестественном искусстве; а герои скандинавских легенд десятого-двенадцатого веков особенно жаждут посвящения. Скальды, как и брамины или друиды, владели огромными

тайнами; их *рунические* символы были мощными чарами, направленными против врагов, вредного воздействия сглаза или смягчения обиды возлюбленного.³¹ Северяне, за исключением некоторых народов Центральной Европы, таких как литовцы, которые не были христианизированы до XIII или XIV века, из-за своих бродячих привычек, а также, возможно, из-за своей удаленности, были одними из последних народов Европы, которые отказались от своего старого вероисповедания. Движимые бедностью и надеждами на грабеж, пираты Балтики долгое время оставались ужасом европейских берегов; но, не имея политического статуса, они были обычными преступниками христианства. Они были реликтами дикой жизни, уступавшей в Европе место более цивилизованным формам общества, и продолжали безнаказанно совершать свои беспорядочные грабежи только из-за отсутствия союза и организации среди своих соседей. Но они находились в переходном состоянии: побережья и страны, которые они прежде довольствовались опустошением, они начинали находить своим интересом колонизацию и культивирование. В новых интересах и занятиях цивилизацией и торговлей могло возникнуть естественное отвращение к дикарским традициям религии, чьи боги и герои были в основном олицетворением войны и грабежа, под чьими знаменами они терпели тяготы и лишения пиратской жизни, наслаждаясь грабежом. К национальным божествам, которыми пренебрегали, вскоре стали относиться с нескрываемым презрением, по крайней мере, вожди, а простые люди, крепостные или рабы все еще были погружены (как и в христианской Европе) в глупое суеверие.

³¹ Следующая история демонстрирует влияние колдовства среди последователей Одина. В конце десятого века страшные морские разбойники Йомсбурги отправились в один из своих периодических походов и огнем и мечом опустошали побережье Норвегии. Прославленный норвежский ярл Хакон собрал все свои силы и отплыл с флотом из 150 судов на встречу с пиратами. Тщетно пытаясь прорвать вражеский строй, Хакон отступил со своим флотом к побережью и обратился за советом к известной колдунье, которой он безоговорочно доверял на все случаи жизни. С притворной неохотой колдунья наконец сообщила ему, что победа может быть достигнута только путем принесения в жертву его сына. Хакон не стал медлить и принес своего единственного сына в жертву, после чего, вернувшись к своему флоту и заняв привычное место в первых рядах сражающихся, возобновил бой. Ближе к вечеру пираты Джомсбурга были настигнуты и застигнуты сильным штормом, уничтожившим или повредившим их корабли. Они были убеждены, что видели саму ведьму, сидящую на носу кораблей ярла с тучами ракет, летящих с кончиков ее пальцев, каждая стрела несла смертельную рану. С теми из своих приверженцев, кто избежал колдовского поединка, пиратский вождь постарался поскорее покинуть место гибели, заявив, что дал обет сражаться с людьми, но не с ведьмами. Этот рассказ не противоречит ответу одного из воинов на запрос короля Святого Олафа: "Я не христианин и не язычник; у меня и моих товарищей нет другой религии, кроме справедливой уверенности в своей силе и в удаче, которая всегда сопутствует нам в войне; и мы считаем, что это все, что необходимо" - Mallet's *Northern Antiquities*.

Когда умы людей повсеместно неустойчивы и им хочется - это универсальное и необходимое для государств - новых объектов поклонения, более подходящих для передовых идей и требований, система религии, более цивилизованная и рациональная, чем древняя, будет принята без особых трудностей, особенно если она не будет слишком исключительной. И все же скандинавы необычайно упорно хранили формы культа своих предков; ведь если исландцы, как говорят, приняли христианство в начале XI века, то жители Норвегии были полностью обращены в христианство лишь несколько позже. Залы Валгаллы, должно быть, были со вздохом покинуты в обмен на менее понятные радости спокойного и бесчувственного рая. Древний норвежский закон предписывает королю и епископу со всей

возможной тщательностью следить за теми, кто занимается языческими практиками, использует магические искусства, поклоняется джинам определенных мест, гробниц или рек, кто переносит себя дьявольским способом перемещения по воздуху с места на место. На крайнем северном полуострове (среди лапландцев), куда едва ли проник свет науки или цивилизации, колдовство по-прежнему процветает, как и во времена Одина; и лапландцы в настоящее время, возможно, столь же доверчивы в этом отношении, как и древние северяне или современные племена Африки и южной части Тихого океана. До введения новой религии (любопытный факт) германцы и скандинавы, а также евреи были знакомы с действенностью обряда крещения младенцев. В норвежской хронике XII века, рассказывающей о норвежском дворянине, жившем во времена правления Харальда Харфрага, говорится, что он вылил воду на голову своего новорожденного сына и назвал его Законом, по имени его отца. Сам Харальд был крещен таким же образом, а про младенца-язычника святого Олафа рассказывают, что мать крестила его, как только он родился. Ливонцы соблюдали ту же церемонию, а письмо, направленное папой Григорием III святому Бонифацию, великому апостолу германцев, предписывает ему, как поступать в подобных случаях. Вероятно, полагает Маллет, все эти люди хотели таким обрядом уберечь своих детей от колдовства и злых чар, которые злые духи могли использовать против них в момент их рождения. Несколько народов Азии и Америки приписывали подобную силу омовениям такого рода; не обошли этот обычай и римляне, хотя они не полностью ограничивали его новорожденными младенцами. Любопытное магическое использование инициационного и сакраментального обряда, невежественно предвосхищенное, похоже, неосвященной верой языческого мира.

При рассмотрении особенностей колдовства, преобладавшего в древнем мире, очевидно, что суеверие в том виде, в каком оно существовало у народов Востока и Запада, в древности и в наше время. Эти естественные или случайные различия вытекают, по-видимому, из следующих причин: (1) Существенное различие между демонологией Востока - браминизмом, буддизмом, магизмом, иудаизмом, магометанством - и демонологией Запада, язычества и христианства, основанной на их соответствующих *идеалистических* и *реалистических* тенденциях. (2) Гадательные или некромантические способности обычно рассматривались на Востоке как почетные свойства; в то время как на Западе они были низведены до преступных глупостей inferнального договора. Магическое искусство - благородная культивируемая наука, прерогатива касты священников: колдовство в строгом смысле этого слова, в основном, было оставлено самым низким, и, как правило, самым старым и уродливым представителям женского пола. В одном случае знахарь был хозяином, в другом - рабом демонов. (3) Положение женского пола в западном мире всегда было прямо противоположно его статусу на Востоке, где женщины считались существами низшего порядка, а потому неспособными к искусству, предназначенному для высших одаренных особей мужского пола. Современное колдовство может быть прослежено до той, возможно, самой древней формы религиозной концепции, фетишизма, который все еще преобладает в своих крайних ужасах среди диких народов в разных частях мира. Ранняя практика магии не была бесчестной по своему происхождению, она была тесно связана с изучением естественных наук - астрономии и хиромантии.

Магическая система, интересная для нас тем, что повлияла на более позднее иудейское вероучение, а затем и на христианское, которое, как и большинство развитых вероучений, ссылалось на конкретного основателя, Зердушта (Заратустру из Зенда), возможно, возникла именно таким образом. В поисках решения этой интереснейшей, но неудовлетворительной проблемы - причины преобладания зла на земле - человечество по своему невежеству и страхам вынуждено было представить, помимо идеи единого высшего существования, автора и источника добра, антагонистическое влияние - источника и представителя зла.

Физические явления, наблюдаемые каждый день; чередование света и тьмы, солнечного света и облаков; изменения и противоположности во внешнем мире, легко могли бы послужить аналогией миру нравственному. Таким образом, рассвет и солнце, тьма и бури, в удивленном сознании ранних обитателей земного шара, возможно, вскоре приняли существенные формы личных и противоборствующих божеств.³² Таково, по-видимому, происхождение олицетворений Индры и Вритры с их подчиненными служителями (Ормузд, Ахриман и т. д. в "Зенд-Авесте") в ведийских гимнах, а также первых религиозных представлений других народов. После этой попытки примирить противоречия и неровности природы путем установления дуализма богов, чьими уделами являются счастье и несчастье рода человеческого, легко было перейти к убеждению в высшей активности злобного бога. Доброжелательная, но эпикурейская безопасность первого божества, казалось бы, не должна была заботиться о том, чтобы победить или предотвратить злобные замыслы другого. Весь инфернальный аппарат более поздних веков был легко снабжен иллюзорным и неразумным воображением.

³² Деспотизм языка и его огромное влияние на судьбу, а также на различные мнения человечества хорошо показаны профессором Максом Мюллером. "С одной точки зрения, - заявляет он, - истинная история религии была бы не более и не менее чем отчетом о различных попытках выразить невыразимое" (*Лекции по науке о языке*, вторая серия). Порок ведьм, как и многие другие абсурды, можно косвенно отнести к извращению языка.

ЧАСТЬ II.

ВЕРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

ГЛАВА I.

Компромисс между новой и старой верой - колдовство в ранней церкви - настроения отцов и постановления соборов - платоническое влияние - исторические, физиологические и случайные причины приписывания колдовства женскому полу - мнения отцов и других писателей - колдовской договор.

При случайном или небрежном наблюдении может показаться удивительным, что христианство, чей первоначальный дух, если не всеобщая практика, был направлен на просвещение; чья исповедуемая миссия заключалась в "разрушении дел дьявола", не смогло опровергнуть, а также рассеять некоторые из самых пагубных верований языческого мира; что его окончательный триумф в пределах Римской империи или насколько он распространился за ее пределы, не сопровождался исчезновением, по крайней мере, самых отвратительных практик суеверия. Опыт и более широкий взгляд на прогресс человеческих идей покажет, что рост религиозного восприятия происходит постепенно: воспитание

коллективного человечества происходит так же, как и воспитание отдельного человека. Так, по выражению биографа Карла V, варварские народы при обращении в христианство меняли не дух, а объект своего религиозного культа. Многие идеи старой религии сознательно допускались первыми распространителями христианства, которые справедливо полагали, что новые догмы будут легче внедряться в грубые и простые умы их неопитов, если не будут слишком строго бескомпромиссными. Об этом компромиссе свидетельствуют как прошлые, так и нынешние факты. Некоторые из первых пропагандистов христианского дела считали своим долгом наносить как можно меньше вреда существующим предрассудкам³³. Этого разумного метода до сих пор придерживаются католические, хотя и осуждаемые протестантскими, миссионеры современности.³⁴ Не редко случалось, что целая нация обращалась и крестилась почти в один день: масса людей принимала или, скорее, соглашалась с доводами миссионеров, подчиняясь воле или примеру своего князя, за поведением которого они следовали, как следовали бы за ним в поле. Так было при обращении франкского вождя Хлодвиг и саксонского Этельберта. Но если святой Августин или святой Бонифаций, а также более ранние миссионеры имели большой успех в убеждении простой веры германцев без письменного откровения и чудес, чем современные эмиссары в побуждении индусов отказаться от своих Вед, то их было легче убедить в фактах, чем в причинах их веры. Не следовало ожидать и того, что такие новобранцы (если можно так выразиться) полностью откажутся от предрассудков, которыми они были пропитаны с младенчества.

³³ В качестве примера можно привести высказывание одного из покойных профессоров богословия в Кембриджском университете. Языческие храмы, - говорит профессор Блант, - стали христианскими церквями; алтари богов - алтарями святых; завесы, ладан, лампы и подношения остались прежними; *аквамариум* по-прежнему служил сосудом для святой воды; святой Петр стоял у ворот вместо Кардеи; святой Рокк или святой Себастьян в спальне вместо фригийских пенатов; святой Николай был знаком сосуда вместо фригийских пенатов. Николай был знаком сосуда вместо Кастора и Поллукса; *Mater Deum* стала Мадонной; милостыня *pro Matre Deum* стала милостыней для Мадонны; праздник *Mater Deum* стал праздником Мадонны, или *Женским днем*; *Hostia* или жертва теперь была Хозяином; "*Lugentes Campi*", или мрачные регионы, - Чистилищем; приношения *Manes* были мессами для мертвых". Параллель, смеет он утверждать, может быть проведена в гораздо большей степени и т. д.

³⁴ В соответствии с этим планом первые прозелиты в Германии и на севере часто сводились (нам говорят) к замене имен Христа и святых на имена Одина и богов в тостах, произносимых на их вакхических празднествах.

Масштабы распространения и практики колдовства при торжествующей церкви очевидны из многочисленных постановлений и анафем соборной церкви, которая, чаще всего относясь к нему как к страшной реальности, иногда осмеливалась осуждать или пыталась осудить его как самозванство и заблуждение. Как гражданские, так и церковные законы были исключительно суровы по отношению к *гоэтическим* практикам. Во всех законах христианских императоров, - говорит Бингем, - которые давали индульгенции преступникам на пасхальный праздник, *venefici* и *malefici*, то есть магические практики против жизни людей, всегда исключались как виновные в слишком отвратительном преступлении, чтобы быть включенными в общее помилование, предоставляемое другим преступникам".³⁵ В более ранней церковной истории сменяющие друг друга соборы или синоды много раз выступали против них. Анцирский собор (314 г.) запрещает это искусство под названием *фармация*: несколько лет епитимьи назначается тому, кто принимает мага в своем доме.

Каноны святого Василия, более суровые, назначают тридцать лет в качестве необходимого искупления. Гадание по жребию или путем обращения к священным писаниям, как впоследствии к Вергилию, было, по-видимому, очень любимым способом узнать будущее. Духовенство поощряло этот вид гадания и торговало им: в галликанской церкви он был печально известен. Некоторые считают, - сообщает нам благочестивый автор "Древностей христианской церкви", - что обращение святого Августина произошло благодаря такого рода консультациям; но эта мысль - большая ошибка и очень вредна для него, поскольку его обращение было вызвано провидческим призывом с небес, как у святого Павла". И исповеди этого выдающегося святого цитируются, чтобы доказать, что его обращение из глубин порока и разврата к строгой трезвости новой веры было обусловлено законным использованием Священного Писания. Святой Златоуст порицает своих современников за то, что они своими незаконными расспросами подвергали веру презрению язычников, многие из которых были мудрее, чем прислушиваться к подобным причудливым самозванствам.

35 Bingham's *Origines Ecclesiasticæ*, xvi.

Святой Августин жалуется, что орудия сатаны, исповедующие эти искусства, использовали "имя Христа перед своими лигатурами, чарами и прочими приспособлениями, чтобы соблазнить христиан принять ядовитую наживку под прикрытием сладкого и медового зелья, чтобы горькое спрятать под сладким и заставить людей пить его, не различая, к их гибели". Еретиков первобытных и средних веков обвиняли в том, что они творят чудеса и распространяют свои проклятые доктрины с помощью магического или инфернального искусства. Тертуллиан, а за ним и Евсевий, осуждают архиерея Симона Мага за то, что он совершал свои поддельные чудеса таким образом: а Иреней заявил о еретике Марке, что когда он освящал евхаристию в чаше с вином и водой, то одним из своих жонглерских трюков придавал ей пурпурно-красный цвет, как будто в результате долгой молитвы-призыва, чтобы можно было подумать, что благодать свыше перегоняет кровь в чашу по его призыву. Корреспондент Киприана, знаменитого африканского епископа, описывает женщину, которая притворялась "вдохновленной Святым Духом, но на самом деле находилась под действием дьявольского духа, с помощью которого она подделывала экстазы, притворялась пророчицей, совершала много чудесных и странных вещей и хвасталась, что заставит землю двигаться. Не то чтобы дьявол [осторожно утверждает он] обладал столь великой силой, чтобы двигать землю или сотрясать стихии своим повелением; но злой дух, предвидя и понимая, что будет землетрясение, притворяется, что делает то, что, как он предвидит, скоро произойдет. И этой ложью и хвастовством дьявол покорил умы многих людей, чтобы они повиновались ему и следовали за ним, куда бы он их ни повел. А ту женщину он заставил ходить босиком по снегу в самую глубь зимы, и она не чувствовала ни беды, ни вреда, бегая таким образом. Но в конце концов, после многих подобных проделок, один из церковных экзорцистов обнаружил, что она обманщица, и показал, что это был злой дух, которого раньше принимали за Святого Духа".³⁶

36 *Origines Ecclesiasticæ*, xvi. Экзорцисты были признанным и уважаемым орденом в Церкви. См. о "Энергуменах" или "бесноватых" в id. iii. Юрист Ульпиан во времена Тертуллиана упоминает орден экзорцистов как хорошо известный. Святой Августин (*De Civit. Dei*, xxii. 8) по собственному свидетельству рассказывает о некоторых необычных исцелениях в своей епархии Гиппо.

Христианское колдовство было более грандиозным, чем даже колдовство более древних времен, как по своему происхождению, так и по практике. Дьяволы христианства были метаморфозами божеств старых религий. Новообращенный христианин был убежден, и отцы Церкви серьезно настаивали на этом, что оракулы Дельф или Додоны были вдохновлены в времена невежества и идолопоклонства великим Врагом, который использовал жреца или жрицу как средство для осуществления своих вечных планов злобы и бед. Однако в момент божественного воплощения (так утверждалось с уверенностью) прорицательские храмы были закрыты навсегда, и демонам больше не разрешалось вводить человечество в заблуждение, выдавая себя за языческих божеств. Теперь они должны были найти другое средство для достижения своей цели. Искать было недолго. Находились люди, которые в силу своего злого нрава или в надежде на временную выгоду готовы были рискнуть своими будущими перспективами и посвятить душу и тело служению аду. Отцы и великие толкователи христианства своими настроениями, трудами и претензиями на чудодейственную силу изгнания духов значительно способствовали распространению общепринятых мнений. Иустин Мученик, Ориген, Тертуллиан, Иероним были убеждены, что они находятся в вечном конфликте с разочарованными демонами старого мира, которые вдохновляли оракулов и узурпировали поклонение истинному Богу. И не всегда это было только духовное состязание: они вступали в борьбу лично и телесно. Святому Иерониму, как и Святому Дунстану в десятом или Лютеру в шестнадцатом веке, пришлось сражаться с воплощенным демоном.

Экзорцизм - магическое или чудесное изгнание злых духов с помощью торжественной формы - был универсальным способом утверждения верховного авторитета ортодоксальной церкви против надуманных притязаний еретиков.³⁷

³⁷ Искусство изгнания бесов, действительно, сохранилось в протестантской части христианской церкви до недавнего времени. *Изгоняющая* сила, что примечательно, является единственной претензией протестантов на чудодейственную привилегию. Формула *de Strumosis Attrectandis*, или форма прикосновения к королевскому злу (аналогичное утверждение), была одной из признанных должностей английской церкви во времена королевы Анны или Георга I.

Христианское богословие первого века даже в значительной степени было обязано платоническим доктринам, преподававшимся в александрийской школе; а демонология третьего века получила значительные вкрапления из спекуляций неоплатонизма, примирителя между греческой и восточной философией. Фило-Иудей (чьи примирительные теории, продемонстрированные в его попытке доказать происхождение греческих религиозных или философских идей от идей Моисея, были гениально имитированы толпой современных последователей) был первым, кто взялся адаптировать еврейскую теологию к греческой философии. Плотин и Порфирий, основатели новой школы платонизма, в третьем веке познакомили своих христианских сограждан с большим количеством ангелов или демонов.³⁸ Было замечено, что "таков был мягкий дух античности, что народы были менее внимательны к различиям, чем к сходству своих религиозных культов. Греки, римляне и варвары, встречаясь перед своими алтарями, легко убеждали себя, что под разными именами и с разными церемониями они поклоняются одним и тем же божествам".³⁹ Магианство и иудаизм, однако, были мало проникнуты духом терпимости; и чем чище форма религиозного культа, тем яростнее, слишком часто, кажется, преследование различных верований. Христианство, в котором было что-то от духа иудаизма, из которого оно возникло, было вынуждено поверить в то, что более древние религии должны были иметь дьявольское происхождение. Весь языческий мир был вдохновлен и управлялся злыми духами. Язычники

обожеествляли, христиане дьяволизировали природу".⁴⁰ Именно в этом факте обнаруживается совершенно противоположный дух античного и средневекового мышления, очевидный в жизни, литературе, в общих идеях древней и средневековой Европы.

38 Знания, соответствующие нашему положению и силам, весь комплекс моральных, естественных и математических наук, игнорировались новыми платониками; в то время как они истощали свои силы в словесных спорах метафизики, они пытались исследовать тайны невидимого мира и учились примирять Аристотеля с Платоном по вопросам, в которых оба эти философа были столь же невежественны, как и все остальное человечество. Поглощая свой разум в этих глубоких, но бессодержательных размышлениях, они подвергали свой ум иллюзиям фантазии. Они льстили себе, что владеют секретом освобождения души из телесной тюрьмы, утверждали, что знакомы с демонами и духами, и путем весьма необычного переворота превратили изучение философии в изучение магии" - *The Decline and Fall of the Roman Empire*, chap. xiii.

39 Египтяне, почти единственное исключение из политеистической терпимости, похоже, стали нетерпимыми из-за количества антагонистических богов-животных, которым поклонялись в разных частях страны, перечисляемых Ювеналом, который описывает последствия религиозной вражды, проявившейся в борьбе фракций между Омби или Коптосом и Тентирой - Sat. xv.

40 *Жизнь Гете*, автор Г. Х. Льюс.

Женский пол всегда был наиболее вовлечен в преступление христианского колдовства. Какова была причина этого всеобщего пристрастия, по народным представлениям, именно этого пола, интересно узнать. На Востоке и в Греции эпохи Симонида или Еврипида, или, по крайней мере, в ионических государствах, женщины - существа низшего порядка, не только из-за их более слабых природных способностей и социального положения, но и из-за их природной склонности ко всякого рода злодеяниям. И если они не исполняли роль христианских ведьм, то были искусны в токсикологической практике. У латинской расы и многих европейских народов женский пол занимал более выгодное положение; может показаться непоследовательным, что в христианстве, где Богиня-Мать была чуть ли не высшим объектом почитания, женщина должна быть низведена до рабыни Сатаны. У северных народов считалось, что они наделены сверхъестественной силой, и универсальные способности итальянской ведьмы уже упоминались. Но церковь, которая не допускала ни одного чуда, выходящего за рамки законности, и все же не могла отрицать факт отсутствия чуда, была вынуждена утверждать, что оно имеет дьявольское происхождение. Так *жрица древности* стала *ведьмой*. Таков исторический рассказ. С физической точки зрения, причину можно обнаружить в том, что природная конституция женщин делает их органы *воображения* более возбудимыми для экстатических состояний пророческих или некромантических искусств. Во всех случаях религиозного или другого мозгового возбуждения женщины (это вопрос опыта), как правило, наиболее легко приводятся в состояние, необходимое для ожидаемого сверхъестественного визита. Их истерическая (*hystera*) природа в достаточной степени указывает на происхождение таких галлюцинаций. Их магические или фармацевтические атрибуты могут быть заимствованы из жизни дикарей, где мужчины почти исключительно заняты войной или погоней: все, что не связано с этими активными или необходимыми занятиями, презирается как не соответствующее высшей природе мужского пола. Женской части общества оставлены домашние дела, приготовление пищи, выбор и смешивание лекарственных трав, а также все тайны медицинского искусства. Как подобные важные занятия, благодаря невежеству и интересу, могут быть возведены в

ранг чего-то большего, чем природное мастерство, легко предположить. То, что столь необычным свойством часто злоупотребляют, подтверждает опыт.⁴¹

⁴¹ Квинтилиан заявил: "*Latrocinium facilius in viro, veneficium in feminâ credam*". К этому же относится и замечание Плиния: "*Scientiam feminarum in veneficiis prævalere*".

Согласно ранним христианским писателям, слабый пол пристрастился к inferнальным практикам по причине их врожденной порочности: по мнению "старых отцов", они приспособлены к тому, чтобы быть получателями и исполнителями воли дьявола на земле, благодаря своей порочной склонности. Авторы "*Молота ведьм*" подкрепляют свои утверждения о склонности женщин к злу в целом и к колдовству в частности уважаемыми именами и авторитетом святых Златоуста, Августина, Дионисия Ареопагита, Илария и т. д. и т. п.⁴² Златоуст приводится как особенно враждебный в своих суждениях о сексе; а его "Гомилия на Иродиаду" занимает достойное место среди сатир Аристофана и Ювенала, Боккаччо и Буало.⁴³

⁴²

"Они называют жену

Проклятие, купленное дорогой ценой, и законная чума жизни, Змеем в груди и домашним злом".

⁴³ Королевский автор "*Демонологии*" не находит трудностей в объяснении значительно большей доли женского пола, посвятившего себя служению дьяволу. Причина проста, - заявляет он, - поскольку этот пол более хрупкий, чем мужской, его легче заманить в грубые ловушки дьявола, что хорошо доказано тем, что змей вначале обманул Еву, и это делает его более близким с этим полом".

Реджинальд Скот приводит причины, утверждаемые апологетами колдовства. Этот дар и естественное влияние очарования могут усиливаться в человеке в зависимости от его привязанностей и возмущений, как, например, от гнева, страха, любви, ненависти и т. д. Ибо ненависть, говорит Варий, вводит в глаза человека огненное воспаление, которое, будучи яростно испускаемым лучами и потоками, заражает и околдовывает те тела, против которых оно направлено. И поэтому (говорит он) именно по этой причине женщины чаще оказываются ведьмами, чем мужчины. Ибо они от природы обладают такой необузданной силой ярости и сдержанности, что ни в коем случае не могут ее усмирить или умерить. Так что по любому пустяковому поводу они, подобно зверям, устремляют свои яростные взоры на того, кого околдовывают..... Женщины также (говорит он) часто наполнены излишними гудорами, и с ними меланхолическая кровь бурлит, из которой выходят пары, и они поднимаются и передаются через ноздри и рот, чтобы околдовать всех, кого встретят. Ибо они изрыгают некое дыхание, которым околдовывают того, кого перечисляют. И из всех прочих женщин худые, пустоглазые, старые, с жучиными бровями (говорит он) - самые заразные".⁴⁴ Почему именно старухи выбираются в качестве наиболее подходящего средства для исполнения дьявольской воли, можно понять по их особым характеристикам. Отталкивающие черты лица, угрюмость, скупость, злоба, грубость его колдуний, как говорят, являются подходящими инструментами. Скот сообщает нам: "Один из видов тех, о ком говорят, что они ведьмы, - это женщины, которые обычно старые, хромые, ясноглазые, бледные, нескладные и полные морщин, бедные, угрюмые, суеверные и *паписты*, или такие, которые не знают религии, в чьих дремучих умах дьявол прекрасно устроился. Они худы и деформированы, на их лицах отражается меланхолия, к ужасу всех, кто их видит. Они - баловни, ругатели, безумцы, дьяволицы... не получая за свои услуги и труды, ни своим

искусством, ни руками дьявола, с которым они, как говорят, заключают прекрасную видимую сделку, ни красоты, ни денег, ни продвижения по службе, ни богатства, ни поклонения, ни удовольствия, ни чести, ни знаний, ни каких-либо других благ". Что касается сверхъестественных даров этих ведьм, то он разумно рассуждает: "Увы! Каким непригодным инструментом является беззубая, старая, бессильная, громоздкая женщина, чтобы летать по воздуху; поистине, дьяволу мало нужны такие инструменты, чтобы осуществить свои цели".⁴⁵

⁴⁴ *Discoverie of Witchcraft*, book xii. 21.- В дальнейшем у нас будет повод рассказать об этом великом противнике дьявольского режима в шестнадцатом веке. Мы можем быть склонны считать более вероятной причиной то, что духи, будучи, по общему мнению (так Адам заключает, что Бог "населил высшие небеса духами мужского пола"), мужского пола, получатели их вдохновения, естественно, другого пола: злые духи могли распространять своих человеческих или получеловеческих агентов с наименьшими подозрениями и самым естественным образом.

⁴⁵ *Discoverie*, i. 3, 6.- Старые женщины, однако, могут быть негативно полезны. Один из авторов, пишущих на эту тему (Джон Найдер), рекомендует их молодым мужчинам, поскольку "*Vetularum aspectus et colloquia amorem excutunt*".

Доктор Гланвил, писавший во второй половине XVII века и выступавший против "Защитника ведьм" и его последователей, защищает способность ведьм и им подобных служить демонам. Он полагает: "Возможно, это один из великих замыслов, а также интерес этих злых агентов и махинаторов, которые старательно скрывают от нас свое влияние и способы действия и работают настолько, насколько это возможно, *инкогнито*; исходя из этого предположения, легко понять причину, почему они чаще всего работают на слабых и невежественных людях, которые не могут сделать хитрых наблюдений или рассказать правдоподобные истории, чтобы обнаружить их хитрость".⁴⁶ Акт околдовывания определяется как "сверхъестественная работа, затеянная между телесной старухой и духовным дьяволом" ("*Discoverie*", vi. 2). Метод инициации, по словам одного из авторов, заключается в следующем: Человек в черном искушает дряхлую старуху подписать договор о том, что она станет его душой и телом. По заключении договора (в котором было много обмана и торга) он дает ей часть денег и заставляет написать свое имя и сделать знак на листе пергамента своей кровью. Иногда по этому случаю ведьма также прибегает к обряду, прикладывая одну руку к подошве ноги, а другую - к макушке головы. Уходя, он передает ей импа или знакомого. Знакомый, в виде кошки, крота, мухи-мельничихи или другого насекомого или животного, в определенное время дня высасывает ее кровь через соски в разных частях ее тела.⁴⁷ Однако если в вульгарном ведьмовстве старая женщина, то более молодые и слабые представительницы прекрасного пола ни в коем случае не были освобождены от этого преступления. Молодые и красивые женщины, дети нежного возраста были преданы на дыбу и на кол по тому же обвинению, по которому осуждались старые и уродливые.

⁴⁶ *Sadducismus Triumphatus*, часть i., разд. 8.

⁴⁷ *Древности Гроуза*, в "*Популярных древностях Великобритании*" Бранда.

ГЛАВА II.

Суровость Карла Великого - Англосаксонские суеверия - Нормандская и арабская магия - Влияние арабской науки - Магометанская вера в магию - Раббинское обучение - Роджер Бэкон - Преследование тамплиеров - Алиса Кайтелер.

Как ни велика была власть ведьмы в раннем христианстве, она еще не деградировала до такого дьявольского характера, как ее более поздние преемники. Дьяволизм развивался в той же пропорции, что и власть церкви и невежественная покорность народа. В гражданском праве император Лев в шестом веке отменил Константиновский эдикт как слишком снисходительный или слишком доверчивый: с этого времени все виды чар, любое их использование, полезное или вредное, было объявлено достойным наказания. Различные государства Европы, основанные на руинах Западной империи, в большей или меньшей степени были заняты борьбой со злыми последствиями колдовства. Карл Великий преследовал преступников с особой строгостью. Несколько раз он отдавал приказы изгнать из своих государств всех некромантов, астрологов и ведьм; но поскольку число преступников увеличивалось с каждым днем, он счел необходимым наконец прибегнуть к более суровым мерам. Вследствие этого он опубликовал несколько эдиктов, которые можно найти в "Капитулярии Балюза". В них запрещалась любая магия, чары и колдовство, а тех, кто каким-либо образом вызывал дьявола, делал любовные привороты, страдал бесплодием, будоражил атмосферу, вызывал бури, уничтожал плоды земли, высушивал молоко коров или мучил своих сородичей язвами и болезнями, карали смертью. Все лица, уличенные в этих пагубных искусствах, должны были быть казнены немедленно по приговору суда, чтобы избавить землю от проклятия и бремени их присутствия; а те, кто советовался с ними, также должны были быть наказаны смертью".⁴⁸

⁴⁸ М. Гарине *"История магии во Франции"*, цитируется в *"Мемуарах о необычайных народных заблуждениях"*.

Саксы в пятом веке импортировали в Британию языческие формы своей родины; англосаксонские (христианские) законы обычно направлены против практики, связанной с языческими культами, о которых долгое время сохранялись многочисленные реминисценции. Их Нехе, или ведьма,⁴⁹ представляется наполовину божественной, наполовину дьявольской, жрицей-колдуньей, которая черпала свое вдохновение столько же из небесных, сколько из адских источников; от какого-то божества или гения, председательствующего в священной роще или фонтане. Король Ательстан, как говорят, издал закон против колдовства и подобных действий, которые влекут за собой смерть; что если один из них будет выдан, и вещь не может быть опровергнута, такие практикующие должны быть преданы смерти; но если они попытаются очистить себя и будут подвергнуты троекратному испытанию, они должны быть в тюрьме 120 дней; После чего их родственники могут выкупить их, заплатив [в универсальном стиле английских наказаний] 120 шиллингов королю, а также выплатить родственникам убитого полную стоимость головы участника; затем преступники также должны предоставить поручителей за хорошее поведение на будущее время; а датский принц Кнут прямо осуждает пагубные действия колдовства.⁵⁰ Некоторые ведьмы, появившиеся под властью саксов, почти так же свирепы, как во времена Бодена или Якова; они режут тела умерших, особенно детей, пожирают их сердце и печень во время полуночных пирушек. Страшны деяния саксонского колдовства, о которых рассказывают старые нормандские или англо-норманнские писатели. Роджер Вендоверский ("Цветы истории") рассказывает об ужасной судьбе карга, жившего в деревне Беркели в девятом веке. Дьявол в назначенный час (как в случае с Фаустом) пунктуально уносит душу своей рабыни, несмотря на максимальную бдительность и осторожность. Эти

сцены, пожалуй, скорее норманнские, чем саксонские. Древние и средневековые люди верили, что негостеприимные районы отдаленного Севера были обителью демонов, которые устраивали в этих подходящих местах свои inferнальные пиры, вызывая бури и штормы; монах-хроникер Беда сообщает, что северные районы Британии были заражены таким образом.⁵¹

⁴⁹ Саксонское "ведьма" происходит, по-видимому, от глагола "to weet" - знать, *быть мудрым*. Латинское "сага" происходит аналогичным образом - "Sagire, sentire acute est: ex quo sagæ anus, quia multa scire volunt." - Cicero, *de Divinatione*.

⁵⁰ Любопытная коллекция старых английских суеверий в этих и смежных формах, представленная в различных документах, содержится в недавнем авторитетном труде под названием "Пиявки, хитрость с сучьями и звездное ремесло ранней Англии" (Leechdoms, Wort-Cunning, and Starcraft of Early England). Опубликован по поручению лордов-комиссаров Казначейства Ее Величества под руководством магистра Роллса". Болезни всех видов по большей части насылаются на человечество злыми демонами с помощью заклинаний и инкантаций.

⁵¹ Стрэтт выводит "давний обычай купания людей, подозреваемых в колдовстве", из англосаксонского способа судебного разбирательства - испытания водой. Другой "метод доказательства ведьмы" - взвешивание на церковной Библии (грозных весах) - восходит к некоторым древним обычаям. Джеймс VI. (*Demonologie*) убежден, что "Бог назначил в качестве сверхъестественного знака чудовищной нечестивости ведьм, чтобы вода отказывалась принимать в свое лоно тех, кто стряхнул с себя священную воду крещения и сознательно отказался от его блага".

Из Скандинавии норманны должны были привезти убежденность в истинности магии; и хотя до завоевания Англии они уже давно обосновались в Северной Франции и в христианстве, традиционная слава земли, от которой де ривовали их имя и известность, не могла быть легко забыта. Вскоре после завоевания арабские знания Испании попали в эту страну, и вполне возможно, что христианская магия, как и наука, испытала на себе их влияние. Магия, обработанная с научной точки зрения, процветала в арабской Испании, широко культивируемая вежливыми и учеными арабами в сочетании с более реальным или практическим обучением. Школы Саламанки, Толедо и других сарацинских городов славились на всю Европу своими достижениями в медицине, хиромантии, астрономии и математике. Туда прибегали ученые Севера, чтобы совершенствоваться в культивируемых тогда отраслях знаний. Огромное количество научной литературы мусульман Испании, о котором свидетельствуют их публичные библиотеки, по крайней мере частично освобождает Южную Европу от клейма всеобщей варварской неграмотности.⁵² Несколько томов арабской философии, как говорят, были привезены в Северную Европу в двенадцатом веке; именно в школе Толедо Герберт - заметное имя в анналах магии - приобрел свои сверхъестественные знания.

⁵² Королевская библиотека фатимитов состояла из 100 000 рукописей, изящно переписанных и великолепно переплетенных, которые без жадности и ревности были переданы во временное пользование студентам Каира. И все же это собрание должно показаться скромным, если учесть, что испанские омиады сформировали библиотеку из 600 000 томов, 44 из которых были заняты только каталогом. Их столица, Кордова, с прилегающими городами Малага, Альмейра и Мурсия, породила более 300 писателей; в городах андалузского королевства было открыто более 70 публичных библиотек. - *Decline and Fall of the Roman Empire*, lii.

Те немногие, кто был хоть как-то знаком с греческой литературой, были обязаны латинским переводам арабов; в то время как еврейская раввинистическая ученость, чьи более полезные знания были обременены большим количеством мистической чепухи, пользовалась в этот период значительной репутацией. Самые выдающиеся раввины преподавали в школах Лондона, Йорка, Линкольна, Оксфорда и Кембриджа; и христианство должно признать, что своим первым знакомством с наукой оно обязано врагам Креста.⁵³ Позднейшие еврейские власти в значительной степени развили демонологию персидских подданных; и духовные или демонические творения раввинских трудов Средневековья могли бы быть легко приемлемы, если бы не совпадали с христианской верой. Но западноевропейцы, еще не зная философии испанских арабов, соприкасались с сарацинами и турками Востока во время частых паломничеств к гробнице Христа, а фанатичные крестовые походы XI и XII веков облегчали и обеспечивали опасное путешествие. Современные магометане сохраняют нерушимую веру своих предков в действенность 113-й главы Корана против злых духов, заклинаний ведьм и колдунов - эта глава, как утверждается на сайте, была открыта Пророку ислама по случаю того, что он был околдован дочерью еврея. Гении, или джинны, - преадамиты, занимающие промежуточное положение между ангелами и людьми, которые по желанию принимают облик людей, низших животных или любой другой чудовищной формы и размножаются подобно, а иногда и вместе с людьми, - предстают во внушительных размерах в "Тысяче и одной ночи" - этом богатом проявлении фантазии восточного воображения.⁵⁴ Доверчивые и сбитые с толку критическим восприятием, искатели крестовых походов ради религии или грабежа вряд ли могли не спутать со своими собственными особые догматы плохо понятого образа мысли; а о том, что критические и дискриминационные способности поборников Креста были не самого высокого порядка, свидетельствует их трудность отличить унитарную религию Мухаммеда от язычества. Станным образом англо-норманнские и французские хронисты называют мусульман *язычниками*, а саксонских язычников - *сарацинами*; при этом имена Махмуда, Термагаунта, Аполлона можно смешивать без всякого чувства неуместности. Как бы и в какой бы степени сарацинские или раввинские суеверия ни влияли на христианскую демонологию, примерно с конца XIII века заметно значительное развитие мифологии колдовства.⁵⁵

⁵³ Химия и алгебра до сих пор свидетельствуют о нашей обязательности благодаря своей арабской этимологии.

⁵⁴ Согласно распространенной традиции, Солиман, царь евреев, окончательно покорив - успех, которым он был обязан главным образом своим огромным магическим ресурсам, - непокорных духов, наказывал их непослушание, заключая их в различные виды тюрем, на более или менее длительные периоды времени, пропорционально их проступкам. О вере последователей Мухаммеда в магическое превосходство Соломона см. в "*Коране*" Сале, ххi. и ххvii. По словам пророка, дьявол научил людей магии и колдовству. Магия мусульман, или, по крайней мере, египтян, бывает двух видов - высокой и низкой, которые называются соответственно *рахмани* (божественной) и *шейтани* (сатанинской). При совершенном знании первой адепт может "воскрешать мертвых, убивать живых, мгновенно переноситься куда угодно и совершать любые другие чудеса". *Низшая* магия (*sooflee* или *sheytanee*), как полагают, зависит от дьявола, злых духов и неверующих джинов, и используется в дурных целях и дурными людьми". *Божественное* же "основано на служении Бога и Его ангелов и т.д., и используется всегда в благих целях, и заниматься им могут только честные люди, которые по традиции или из книг узнают имена этих сверхчеловеческих агентов и т.д." - Lane's *Modern Egyptians*, chap. xii.

55 Его влияние, вероятно, было направлено на расширение, а не на значительное изменение существующих представлений. Значительная часть импорта с Востока, возможно, была обязана изобретению, а также легковерию авантюристов; и мы можем быть склонны верить Хьюму, что "люди, возвращающиеся с такого большого расстояния, использовали свободу [слишком общую], чтобы навязать любой вымысел своей верующей аудитории".

Среди вульгарных предрассудков выделяется подозрительность, с которой относятся к необычным открытиям в области философии и науки. Дьявольское вдохновение (как в наш век неверность и атеизм являются популярными криками) было готовым и успешным обвинением против идей или открытий, опережающих свое время. Роджер Бэкон, Роберт Гростект, Альберт Великий, Томас из Эркилдуна, Майкл Скот - все эти выдающиеся имена в той или иной степени были объектами преследующего подозрения. Бэкон по праву может считаться величайшим именем в философии Средневековья. Эта аномалия средневековья была одной из немногих, кто мог пренебречь тщетной и бессмысленной теологией и системой метафизики, чтобы применить свой гений к солидным занятиям истинной философией; и если его влияние не было столь велико, как могло бы быть, то это вина скорее эпохи, чем человека. Осужденный страхом или завистью своих братьев-францисканцев и соперников-доминиканцев, Бэкон был брошен в тюрьму, где в течение четырнадцати лет ему было запрещено распространять "некоторые подозрительные новинки", став жертвой своих более либеральных взглядов и теологической ненависти. Одна из традиций его дьявольских договоров ставит ему в заслугу, по крайней мере, изобретательность в избежании одновременно и хлопотной сделки, и ужасной участи. Согласно договору философа, после смерти его душа должна была стать наградой и владением дьявола, независимо от того, умер ли он в священных стенах церкви или вне их. Почувствовав приближение своего конца, этот проникательный маг устроил в стенах освященного здания келью, дав указания, которые были должным образом выполнены, похоронить его в гробнице, которая, таким образом, не находилась ни в церкви, ни за ее пределами - уклонение от долгожданного события, которое лишило разочарованного дьявола его награды и, возможно, его нрава. Впоследствии "Монах Бэкон" стал известным персонажем вульгарных басен: он был типом средневекового, как поэт Вергилий - античного, мага. В XVI веке на основе его предполагаемых подвигов и характера Робертом Грином была поставлена популярная драма "Монах Бэкон и монах Бангей"; но знаменитый доктор Фаустус, самый популярный магический герой того времени на сцене, был грозным соперником. В то время как его современники осуждали его рациональный метод, предпочитая свой теологический жаргон и схоластическую метафизику, удивительно, насколько сильно Аристотель средневековья был проигнорирован даже в последнее время.56

56 Оксфордский и Кембриджский университеты не проявили того нетерпения к достойному изданию трудов Бэкона, с которым Климент IV ожидал копию *Opus Majus*. Его основные труды так и остались в MS. и не были опубликованы для мира до середины прошлого века.

Но в доказательство распространенности народных подозрений не обошли стороной даже всемогущего духовного вождя христианства. Многие понтифики были обвинены в пристрастии к "черному искусству" - странное обвинение в адрес заместителей Христа и преемников святого Петра. Обвинение, которое, однако, мы можем принять как доказательство того, что в длинном и отвратительном списке честолубивых священников и развратных деспотов были некоторые папы, которые, занимаясь философией, могли в некотором роде частично искупить ненавистный характер христианского священноначалия. На совете, состоявшемся в Париже в интересах Филиппа IV, Бонифаций VIII был публично

обвинен в колдовстве: утверждалось, что "у него был знакомый демон [гений Сократа?]; ибо он сказал, что если бы все люди были на одной стороне, а он один - на другой, то он не мог бы ошибиться ни в факте, ни в праве, что предполагает дьявольское искусство" - догма сакердотализма, достаточно уверенная, но едва ли требующая чудесного решения. Говорят, что смерть этого папы была ускорена этими и подобными сообщениями о его общении со знакомыми духами, придуманными в интересах французского короля, чтобы оправдать его враждебность. Эзотерические взгляды Бонифация VIII на католицизм и христианство, если верить сообщениям, не отличались ортодоксальностью, которую следовало ожидать от верховного понтифика: но он не был бы исключительным примером среди многочисленных обитателей кафедры Святого Петра.⁵⁷

⁵⁷ Лев X. (чьи вкусы были скорее профаническими, чем благочестивыми) развлекался, вызывая на обсуждение вопрос о природе души - он сам принял мнение "redit in nihilum quod fuit ante nihil" и решение Аристотеля и Эпикура.

Иоанн XXII, один из его ближайших преемников, считается папой, который впервые официально осудил преступление колдовства, более систематически анафематствованное примерно через сто пятьдесят лет после этого Иннокентием VIII. Он жалуется на повсеместное распространение колдовства в христианстве: даже его собственный двор и ближайшие помощники были на службе у дьявола, обращаясь к нему за помощью по любому поводу. Самый ранний судебный процесс по этому преступлению, зафиксированный в Англии, как говорят, произошел в царствование Иоанна. В "Abbreviatio Placitorum" кратко говорится, что "Агнес, жена купца Одо, обвинила Гидеона в колдовстве; и он был оправдан по приговору железа". Первый случай, о котором имеется много информации, произошел в правление Эдуарда II, когда на жизнь королевских фаворитов, де Спенсеров, и его собственную покушался предполагаемый преступник, некто Джон из Ноттингема, при содействии своего человека, Роберта Маршалла, который стал свидетелем короля и обвинил своего хозяина в том, что тот замыслил смерть короля с помощью колдовских искусств.⁵⁸ Причиной обвинения этого доносчика были амурные или злые намерения. Одной из отличительных черт его летописи было злоупотребление обычными предрассудками в политических целях или для удовлетворения личных страстей.

⁵⁸ *Рассказы о колдовстве и магии*, Томас Райт.

В начале четырнадцатого века преследование и окончательное уничтожение ордена рыцарей-тамплиеров в разных странах Европы, но главным образом во Франции (пример прежнего злоупотребления), является одним из самых жестоких фактов в истории тех времен. Судьба рыцарей Храма (чьей первоначальной задачей было защищать своих единоверцев во время паломничества в Святой город, и чьи кварталы находились рядом с местом строительства Храма - отсюда и название ордена) во Франции была предопределена ревностью или алчностью Филиппа IV. Основанный в первой половине двенадцатого века как полурелигиозное, полувоенное учреждение, этот прославленный орден в начале своей карьеры пользовался большой славой благодаря доблести и успехам в сражениях за Крест. Вместе с богатством и славой гордыня и самонадеянность возросли до высочайшего уровня, и по истечении 150 лет поборников христианства в равной степени ненавидели и боялись. Всех их было не более полутора тысяч человек, но все они были опытными воинами, владели несколькими важными крепостями, а также земельными владениями в количестве девяти тысяч поместий по всей территории. Когда Святая земля была безнадежно потеряна для профанических амбиций или религиозного рвения Запада, ее защитники вернулись к себе домой, нагруженные богатством и престижем, если не незапятнанной честью, и без инсинуаций о том, что они предали дело Христа и крестовых походов. Таково было состояние

Храма, когда Филипп, опустошив казну евреев и христиан, обнаружил, что его сокровищница все еще не заполнена. Не стоило пренебрегать представившейся возможностью: оставалось лишь заручиться согласием церкви и вызвать готовое к этому легкоеверие народа. Церковь и государство, соединенные вместе, поддерживаемые народным суеверием, были непреодолимы, и обреченные жертвы ожидали своей участи в безмолвном ужасе. В конце концов сигнал был дан. Судебные преследования в 1307 году велись одновременно по всем провинциям, но на территории Франции они приняли наиболее грозные формы. Во многих местах они были оправданы по самым тяжким обвинениям: английский король, из чувства справедливости или ревности, высказался в их пользу. Что касается Испании, то "не в присутствии мавров и на классической почве крестового похода могла возникнуть мысль о проскрипции старых защитников христианства". Париж, где находился их главный храм, был центром ордена; их богатство и власть были сосредоточены во Франции; таким образом, трофеи не одной провинции, а почти всего тела находились в руках одного монарха. Поэтому он взял на себя право председательствовать в качестве судьи и палача.⁵⁹ 12 октября 1307 года Жак Моле вместе с главами Храма был приглашен в Париж, где, нагруженные благосклонностью, они были убаюканы роковой безопасностью. Вскоре это заблуждение было резко развеяно. Моле вместе со 140 своими братьями был арестован - сигнал к более общей процедуре по всему королевству.

⁵⁹ Данте, похоже, ссылается на это недавнее разорение в следующих стихах

"О новый Пилат, чья жестокость
Такую жестокость не измерить,
Не имея указов, чтобы санкционировать, толкает
В Храм свой, еще жаждущий, плывет".

Purgat. xx. Перевод Кэри.

Обвинения были сведены к трем пунктам: (1) Отречение от Христа. (2) Предательство дела христианства. (3) Поклонение дьяволу и занятия колдовством. Основными статьями обвинительного акта было то, что рыцари при посвящении официально отрицали божественность Христа, заявляя, что он не был истинным Богом, даже заходя настолько далеко, что утверждали, что он был лжепророком, человеком, наказанным за свои преступления; что у них не было надежды на спасение через него; что на последнем приеме они всегда плевали на Крест, попирая его ногами; что они поклоняются дьяволу в виде кошки или другого знакомого животного; что они поклоняются ему в виде идола, освященного помазанием жиром новорожденного младенца, незаконного отпрыска брата; что демон появляется в виде черной или серой кошки и т. д. Идол - загадочный предмет. По словам одних, это была голова с бородой или голова с тремя лицами: другие говорили, что это череп, кошка. Один из свидетелей рассказал, что в одной из глав ордена один брат сказал другому: "Поклоняйтесь этой голове; это ваш Бог и ваш Магомет". Таковы были общие показания свидетелей. Менее невероятным, пожалуй, является заявление о том, что они иногда видели демонов в облике женщин; более правдоподобным является утверждение о тайном соглашении с турками.

С врагом поддерживались подозрительные связи; они даже переняли его стиль одежды и жизни. Хуже всего то, что последователям Мухаммеда, проявлявшим благосклонную, но непривычную терпимость, было позволено свободно исповедовать свою религию - своего рода либеральность, мало похожая на отступничество от веры. Не перечисляя всех ужасов гонений, достаточно повторить, что пятьдесят четыре несчастных осужденных,

разжалованных епископом Парижским, были преданы огню. Через четыре года после этого сцена была завершена сожжением Жака Моле. Чтобы добиться признаний, применялись самые страшные пытки; показательна жалоба одного из преступников: "Я, одинокий, не могу спорить с Папой и королем Франции".⁶⁰ При попытке выяснить загадочные факты этой темной сделки мало помогают противоречивые заявления современных или более поздних авторов; одни утверждают, что обвинения были просто выдумкой, другие - что они были реальностью; а недавние историки пытались их подтвердить или уничтожить. Халлам справедливо замечает, что хищное и беспринципное поведение Филиппа, подчинение Климента V. подчинение Климента V. его воле, кажущаяся невероятность обвинений из-за их чудовищности, справедливое предубеждение против признаний, полученных под пытками и отмененных впоследствии; другое предубеждение, не всегда столь справедливое, но в случае тех, кто не был осужден по справедливым доказательствам, заслуживающим лучшего названия, в пользу утверждений о невиновности, сделанных на эшафоте и на костре, создавали, как они сохраняются до сих пор, сильную готовность не верить обвинениям, которые предстают перед нами в столь подозрительном виде.⁶¹ Можно приблизиться к истине, если, отвергнув как неправдоподобные обвинения в дьяволопоклонничестве и сопутствующих ему обрядах, которые, придуманные для развлечения пошляков, характеризуют судебное разбирательство, мы признаем *вероятность* тайного сговора с турками или *возможность* неверности религии Христа. Их гибель была предрешена; малый элемент правды вскоре мог быть преувеличен и смешаться со всеми видами вымысла. Их гордыня, скупость, роскошь, испорченные нравы придадут окраску самым абсурдным выдумкам.⁶²

⁶⁰ *История Франции* Мишле, кн. 4. М. Мишле предлагает гениальное объяснение некоторых из их предполагаемых тайных практик. Главное обвинение - отречение от Спасителя - покоилось на двусмысленности. Тамплиеры могли исповедовать отречение, не будучи на самом деле отступниками. Многие утверждали, что это было символическое отречение, в подражание отречению Святого Петра - одна из тех благочестивых комедий, которыми античная церковь окутывала самые серьезные религиозные деяния, но традиционный смысл которых начал утрачиваться в XIV веке". Идол-голову, который, как полагают, изображает Мухаммеда или дьявола, он считает "изображением Параклита, чей праздник, Пятидесятница, был самым высоким торжеством в Храме". Некоторые отождествляют их, как и обряды альбигойцев и вальденсов, с церемониями гностиков.

⁶¹ *View of the Middle Ages*, chap. i. Судебная беспристрастность (восхваляемая Маколеем) и терпеливое исследование истины (первые достоинства историка) автора "*Конституционной истории Англии*" могут почти дать ему право встать в один ряд с первым из историков, Гиббоном.

⁶² Союз церкви, в частности доминиканского ордена, со светской властью против ее некогда главных поборников, параллелен и объясняется причинами, которые привели к роспуску ордена Иисуса Климентом XIV в XVIII веке - страхом и ревностью.

Если история истребления тамплиеров наглядно демонстрирует, как политические деятели использовали распространенное суеверие, то история Алисы Кайтелер в равной степени иллюстрирует, как оно было использовано в личных целях самозванцами. Место действия - Ирландия, период - первая половина XIV века; Ричард де Ледреде, епископ Оссори, - главный обвинитель, а дама, Алиса Кайтелер, - подсудимая. Подробности слишком утомительны, чтобы повторять их здесь;⁶³ но статьи, по которым осудили Алису Кайтелер и ее сообщников, не отличаются от тех, о которых мы только что рассказали. Чтобы применить свое колдовство, они имели привычку отрекаться от веры на год или на меньший срок, в

зависимости от того, какая цель была достигнута - большая или меньшая. Демонов умилоствовали жертвоприношениями живых животных, которых разрывали на части и разбрасывали (гекатейский праздник) по перекресткам дорог. Утверждалось, что с помощью колдовства они получают помощь от дьявола; что они нечестиво используют церковные обряды в ночных конгрессах, произнося при зажженных восковых свечах отлучения от лиц собственных мужей, прямо называя каждый член от подошвы ноги до макушки головы. Их композиции - горацянские и шекспировские. Вместе с кишками петухов приносили в жертву различные травы, ногти мертвецов, волосы, мозги и одежду детей, умирающих некрещеными, с другими столь же эффективными ингредиентами, варили в черепе некоего знаменитого разбойника, недавно обезглавленного: порошки, мази и свечи из жира, сваренные в том же черепе, были предназначенными инструментами для возбуждения любви или ненависти и для воздействия на тела верующих. Нечестивая связь существовала между леди Алисой и демоном в виде то черной собаки, то кошки. Она обладала тайной мазью для пропитки куска дерева, на котором вместе со своими спутниками переносилась в любую часть света без вреда и препятствий: в ее доме была найдена облатка из освященного хлеба с именем дьявола. Результатом этого процесса стало осуждение и заключение в тюрьму всех преступников, за важным исключением главного объекта преследования епископа, которому удалось бежать в Англию. Первой понесла высшую меру наказания Петронилла де Мит. По приказу епископа эту даму шесть раз подвергали порке, и, чтобы избежать повторения этого варварского наказания, она сделала публичное признание перед своими товарищами по заключению. После этого Петронилла была выведена в город и сожжена на глазах у всего народа - первая ведьма, которую, как говорят, когда-либо сжигали в Ирландии. С остальными обвиняемыми обошлись более или менее сурово; двоих впоследствии сожгли, некоторых публично выпороли на рынке и в городе, других изгнали; некоторым, более удачливым, удалось избежать наказания.

63 Полностью они приведены в книге *"Рассказы о колдовстве и магии из самых достоверных источников"* Томаса Райта. В *"Летописи Ирландии"*, приложенной к *"Британии"* Кэмдена, изд. 1695 г., sub anno 1325 a.d., кратко описывается случай с дамой Алисой Кетилл. Будучи вызванной и осмотренной епископом Оссори, она, среди прочего, обнаружила, "что некий дух по имени Робин Артиссон лежал с ней; и что она предложила ему девять красных петухов на каменном мосту, где шоссе разветвляется на четыре части. Пункт: она подметала улицы Килкенни метелками между Комплином и Курефой и, подметая грязь к дому Уильяма Утлава, своего сына, путем колдовства пожелала, чтобы все богатство Килкенни стекалось туда". Соучастниками Алисы в этих дьявольских делах были Пернил из Мета и Базилия, дочь этого Пернила. Алиса, признанная виновной, была оштрафована епископом и вынуждена отказаться от колдовства и чародейства. Но когда ее снова осудили за то же самое, она сбежала вместе с Базилией, и ее так и не нашли. А Пернил была сожжена в Килкенни и перед смертью заявила, что вышеупомянутый Уильям заслуживает наказания так же, как и она, что в течение года и одного дня он носил дьявольский пояс на своем голом теле" и т. д.

ГЛАВА III.

Колдовство и ересь, намеренно спутанные церковью - Средневековая наука, тесно связанная с магией и колдовством - Невежество в физиологии - причина многих народных

предрасудков - Жанна д'Арк - Герцогиня Глостерская - Джейн Шор - Преследование в Аррасе.

Что нельзя не заметить в этих преследованиях, так это смешение ереси и колдовства, старательно создаваемое ортодоксальной церковью для обеспечения наказания своих обидчиков-раскольников. Мало найдется дел против мнимых преступников, в которых это не было бы обнаружено; одно преступление, как само собой разумеющееся, является необходимым следствием другого. В интересах церкви, а также в легковерии народа следует искать главную причину столь бурной эпидемии, столь страшного явления в его продолжительности и жестокости, что подтверждается всем ходом развития суеверия в старые времена католицизма. Материалы для возбуждения вражды и негодования против подозреваемых еретиков были под рукой. В представлениях донаучного мира все, что выходило за рамки обычного знания или опыта, было неотделимо от сверхъестественного. То, что выходило за пределы очень слабого понимания, то, что выходило за рамки обыденного опыта повседневной жизни, единодушно относилось к области сверхъестественного, а точнее, к области дьявола. Ведь то, что не было сделано или чему не учила Святая Церковь, должно было принадлежать "этому лукавому" - хитрому подражателю.

В двенадцатом веке Церковь была встревожена одновременным появлением различных сект, которые, если протестантизм слишком поспешно объявил *их протестантами*, в современном смысле слова, против католического богословия, все же были достаточно враждебны или опасны, чтобы привлечь внимание и вызвать вражду понтификов. Судьба штедингеров и других в Германии, паулианцев в Северной Франции, альбигойцев и вальденсов в Южной Европе соответствует этому успешному виду теологической тактики. Многие статьи обвинения против этих преступников Церкви и общества взяты из первобытных ересей, в частности, из доктрин антииудейских и *спиритуалистических* гностиков и их более чем пятидесяти разделенных сект - маркионитов, манихеев и т. д. В 1232 году Григорий IV издал буллу против стедингеров, восставших против правления архиепископа Бременского, в которой объявил, что они привыкли презирать таинства, причащаться с дьяволами, делать восковые изображения и советоваться с ведьмами.⁶⁴

⁶⁴ Вторая булла обращается к деталям. На приеме новообращенного появилась жаба, которую обожала вся собравшаяся толпа. Когда все садятся за стол, на сцену выходит черный кот, размером вдвое больше обычной собаки, и идет назад с поднятым хвостом. Неофиты, один за другим, с должной торжественностью целовали этого кошачьего демона в спину. Уолтер Мапес рассказал о похожих церемониях *мытарей* (паулианцев). Еретическое богослужение было не только развратным, но и отвратительным. Религиозные собрания всегда заканчивались беспорядочным развратом.

Алхимия, астрология и родственные искусства были тесно связаны с колдовством: профессия врача была не лучше, чем смешивание магических мазей, любовных зелий, эликсиров, не всегда невинных; а санграды в те дни не преминули поторговать невежеством своих пациентов.⁶⁵ К сожалению, и подлинные искатели истины, честно приложившие руку к изучению природы, не освобождались от обвинений в частом неосознанном мошенничестве. Чудовищные представления смешивались с более реальными результатами их благородных трудов. Наука находилась в зачаточном состоянии, а точнее, еще только пыталась освободиться от гнетущего груза спекулятивной и теологической чепухи, прежде чем появиться на свет. Многие из надуманных явлений в делах о ведьмах, как и другие физические или психические эксцентриситеты, были объяснены прогрессом разума и знаний. Ликантропия (превращение людей в волков с помощью колдовства), а также не менее иррациональная вера в одержимость демонами, продукт больного

воображения и мозга, были одним из многочисленных результатов простого незнания физиологии. В XVII веке ликантропию серьезно защищали как доктора медицины, так и доктора богословия, опираясь на историю Навуходоносора, которая неопровержимо доказывала возможность таких метаморфоз.

65 Плиний (*Hist. Natur.* xxx.) "замечает", как цитирует его Гиббон, "что магия удерживала человечество тройной цепью религии, физики и астрономии".

Современные летописцы фиксируют необычайное безумие, усугубленное, как оказалось, процессом против тамплиеров, который стал сигналом к гонениям на ведьм по всей Франции. Историк Франции рисует страшную картину неуверенного состояния невежественного предрассудочного общества. Посыпались обвинения: отравления, прелюбодеяния, подделки и, прежде всего, обвинения в колдовстве, которое, действительно, входило как ингредиент во все дела, формируя их привлекательность и ужас. Судья содрогался на судейском месте, когда перед ним представляли доказательства в виде фильтров, амулетов, лягушек, черных кошек и восковых изображений, утыканных иглами. Жестокое любопытство смешивалось на этих испытаниях с яростной радостью мести и нагнетанием страха. Общественный разум не мог насытиться ими: чем больше сжигали, тем больше приносили на сожжение. 66 В 1398 году Сорбонна, по предложению канцлера, опубликовала 27 статей против всех видов колдовства, изображений демонов и восковых фигур. Шесть лет спустя в Лангре был специально созван синод, а на Констанцском соборе с тревогой обсуждалось насущное зло.

66 Мишле, чья поэтическая проза может показаться едва ли подходящей для философского достоинства истории, рассказывая о судьбе двух рыцарей, обвиненных вместе с монахом в том, что они "согрешили" с невесткой короля "даже в самые святые дни" и были заживо кастрированы и выпороты, вполне искренне намекает, что "благочестивая уверенность средневековья, не сомневавшегося в том, что великая дама вместе со своими рыцарями будет жить в окрестностях замка, в узкой башне; вассалитет, налагавший на молодых людей в качестве феодального долга самые сладкие заботы, был опасным испытанием для человеческой природы."

К этому периоду по своей значимости и беззаконию относятся дела герцогини д'Орлеан и катастрофа при Аррасе. Подстрекаемая (по современному убеждению) благородным энтузиазмом, собственным пылким воображением, герцогиня лишила себя природной скромности своего пола ради платья и оружия воина; и "ее неопытный ум, работая день и ночь над любимым предметом, принял порывы страсти за небесное вдохновение". Просматривая последние сцены жизни этой патристичной пастушки, мы сомневаемся, что больше заклеить - беспринципную политику английских властей или подлое раболепие Парижского парламента. Английский регент и кардинал Винчестерский, не имея возможности предъявить своей пленнице (спасительница своей страны, взятая в плен во время вылазки из осажденного города, была выдана своими соотечественниками иностранцу) какое-либо гражданское преступление, были вынуждены маскировать нарушение справедливости и гуманности под видом религии; Епископ Бове подал прошение против нее как церковного подданного, требуя, чтобы ее судили церковным судом за колдовство, нечестие, идолопоклонство и магию. Парижский университет согласился. Перед этим трибуналом обвиняемая предстала, обвешанная цепями и одетая в военное платье. Утверждалось, что она носила с собой штандарт, освященный магическими чарами; что она имела привычку посещать шабаш ведьм у фонтана возле Буленкурского дуба; что демоны открыли ей магический меч, освященный в церкви Святой Екатерины, которому она обязана своими победами; что с помощью колдовства она вошла в доверие к Карлу VIII.

Жанна д'Арк была осуждена за все эти преступления, отягченные *ересью*: ее откровения были объявлены выдумками дьявола, чтобы ввести людей в заблуждение.⁶⁷

⁶⁷ Шекспир выводит дьяволов на сцену: их работа закончена, и они покидают очаровательницу. Тщетно Ла Пюсель взывает к своей крайности.

Вы, знакомые духи, изгнанные
Из могучих краев под землей,
Помогите мне хоть раз, чтобы Франция получила поле боя.
О, не держите меня долго в молчании!

Затем церковные судьи передали свою пленницу гражданским властям; и, наконец, по словам Хьюма, "эта восхитительная героиня, которой более великодушное суеверие древних воздвигло бы алтари, была под предлогом ереси и магии предана живьем огню; этим страшным наказанием она искупила те великие заслуги, которые оказала своему принцу и своей родине".⁶⁸

⁶⁸ *История Англии*, хх. Шекспир (*Генрих VI*. часть ii. акт i.) предоставил нам чары и заклинания, использовавшиеся примерно в то же время в случае с герцогиней Глостерской. Матушка Журден - представительница ведьмы-колдуньи.

"Там, где я хотела накормить тебя своей кровью,
я отрубая член и даю его тебе,
в знак благодарности за дальнейшее благодеяние;
Так что будьте любезны помочь мне сейчас.

* * * * *

Не могу я ни телом, ни кровью пожертвовать,
не могут побудить вас к дальнейшим действиям?
Тогда возьмите мою душу; мое тело, душу и все остальное,
Прежде чем Англия даст французам рапиру.
Видите! Они оставили меня.

* * * * *

Мои древние заклинания слишком слабы
А ад слишком силен, чтобы я мог с ним справиться".

Но более достойное, хотя и противоречивое, происхождение имеет ее энтузиазм, когда она отвечает на нецензурную брань своих насмешливых похитителей: "Добродетельная и святая.

"Добродетельная и святая, избранная свыше,
По вдохновению небесной благодати,
Чтобы творить на земле чудеса,
Я никогда не имела дела со злыми духами.
Но вы, оскверненные своими похотями,

запятнанные безвинной кровью невинных,
испорченные и запятнанные тысячей пороков.
Потому что вы хотите получить благодать, которой обладают другие,
Вы считаете это прямо-таки невозможным.
Постичь чудеса, лишь с помощью дьяволов".

Не умаляя реальных заслуг патриотической мученицы, можно предположить, что, помимо ее воспаленного воображения, в качестве последней отчаянной попытки пробудить энергию войск или надежды народа был использован благочестивый и простительный заговор - подобный тому, что был с прославленным Константиновским крестом или Святым копьем Антиохии. Каждый читатель знаком с судьбой великих особ, которых в Англии обвиняли в этом преступлении, политическом или народном; истории герцогини Глостерской и Джейн Шор увековечены Шекспиром. В 1417 году Джоан, вторая жена Генриха IV, была приговорена к тюремному заключению по подозрению в том, что добивалась смерти короля с помощью колдовства; ее сообщником и агентом был некий монах Рэндольф. Герцогиня Глостерская, жена Хамфри и дочь лорда Кобхэма, была сообщницей в колдовстве священника и старухи. Ее сообщниками были сэр Роджер Болингброк, священник; Марджери Джордан или Гидемар, из Глаза, в Саффолке; Томас Саутвелл и Роджер Только. Утверждалось, что "у них было найдено восковое изображение короля, которое они расплавили магическим способом на медленном огне, намереваясь заставить силу и бодрость Генриха угаснуть в неощутимой степени". Герцогиня была приговорена к покаянию и пожизненному заключению; Марджери была сожжена за ведьму в Смитфилде; священник был повешен, заявив, что его наниматели лишь хотели узнать у него, сколько проживет король; Томас Саутвелл умер в ночь перед казнью; Роджер Единственный был повешен, предварительно написав книгу, доказывающую его собственную невиновность и противоречащую мнению вульгарных людей.⁶⁹ Джейн Шор (история которой знакома всем), любовница Эдуарда IV, была принесена в жертву политике Ричарда, герцога Глостерского, больше, чем какому-либо общему подозрению в ее виновности. И архиепископ Йоркский, и епископ Эли были вовлечены вместе с женой горожанина в бесовские дела и заключены в Тауэр. Что касается "блудницы, трусики Шор", то, не будучи осужденной или хотя бы осужденной за более тяжкое преступление, она была признана виновной в прелюбодеянии и приговорена (более мягкая участь) к покаянию в белой простыне перед собравшимся народом в соборе Святого Павла.⁷⁰

⁶⁹ Английский историк справедливо замечает по поводу этого дела, что характер преступления, столь противоположный всякому здравому смыслу, кажется, всегда освобождает обвинителей от использования правил здравого смысла в своих доказательствах.

⁷⁰ Эта несчастная женщина славилась своей красотой и, за одним важным исключением, добродетелями; и если ее тщеславие не могло устоять перед очарованием королевского любовника, то ее сила, как говорят, часто использовалась в интересах гуманности. Несмотря на пренебрежение и жестокое обращение, вызванное неблагодарностью прежних фаворитов и народа, она достигла преклонного возраста, ибо жила во времена сэра Томаса Мора, который рассказывает, что "когда Протектор на некоторое время пристал к ней, чтобы околдовать его, и что она советовалась с лордом-камергером, чтобы уничтожить его"; В заключение, когда никакая краска не могла закрепить это дело, он возложил на нее гнусное обвинение в том, что она сама не могла отрицать, что весь мир знал, что это правда, и что,

тем не менее, каждый человек смеялся, услышав это так внезапно и так высоко, - что она была не в своем теле.'-Правление *Ричарда III*, цитируется епископом Перси в "*Реликвиях древнеанглийской романской поэзии*". Обезображенный принц яростно приписывает свое пресловутое несчастье враждебному колдовству. Он обращается к своему трепещущему совету:

Смотри, как я околдован; вот моя рука
Как саженец засохший, завяла":
А это жена Эдуарда, чудовищная ведьма,
В союзе с этой блудницей, трусихой Шор,
Которые своим колдовством меня заклемили".

Richard III. act iii. sc. 4.

Более грандиозным, чем любой из описанных выше случаев, является случай в Аррасе, где пострадали представители всех сословий. Так прозрачны были тайные, но реальные мотивы главных агитаторов, что даже беспредельное легкоеверие публики смогло пробить тонкую маскировку. Дело началось с обвинения женщины из Дуэ, которую называли Демизель (*une femme de folle vie*). Неоднократно подвергаемая пыткам, эта несчастная женщина была вынуждена признаться, что посещала собрания колдунов, где ее видели и узнали несколько человек, в том числе Джехан Левит, художник из Арраса. Летописец пятнадцатого века так описывает эту дьявольскую катастрофу: "В этом году (1459) в городе Аррасе, столице графства Артуа, произошло ужасное и печальное событие, названное, не знаю почему, *Водуазией*: говорили, что некие мужчины и женщины переносили себя куда им вздумается из тех мест, где их видели, в силу договора с дьяволом. Внезапно они переносились в леса и пустыни, где находили огромное количество людей обоего пола, а с ними - дьявола в облике человека, лица которого они никогда не видели. Этот дьявол читал им или повторял свои законы и заповеди о том, как они должны поклоняться и служить ему: затем каждый целовал его спину, и он давал им после этой церемонии немного денег. Затем он угощал их большим количеством мяса и вина, после чего гасил свет, и каждый мужчина выбирал себе женщину для любовных утех; и внезапно они переносились туда, откуда пришли. За такие преступные и безумные деяния многие из главных лиц города были заключены в тюрьму; другие же из низшего сословия, с женщинами, и те, о ком было известно, что они принадлежат к этой секте, подверглись таким ужасным мучениям, что некоторые признались, что все произошло так, как было описано выше. Они также признались, что видели и знали многих высокопоставленных лиц, прелатов, дворян и губернаторов округов, присутствовавших на этих собраниях; таких, правда, по слухам общей славы, их судьи и экзаменаторы называли и, как бы, вкладывали им в уста: так что через муки они обвинили многих и заявили, что видели их на этих собраниях. Обвиненных тут же арестовывали и так долго и мучительно пытали, что они были вынуждены признаться в том, что угодно их судьям, а тех, кто был ниже по положению, бесчеловечно сжигали. Некоторые из более богатых и влиятельных выкупились из этого позора с помощью денег; других же из высшего сословия экзаменаторы убеждали и склоняли к признанию под обещанием, что если они признаются, то не пострадают ни личностью, ни имуществом. Другие же переносили жесточайшие мучения с величайшим терпением и стойкостью. Судьи получали очень большие суммы денег от тех, кто был в состоянии их заплатить: другие бежали из страны или полностью доказывали свою невиновность в предъявленных им обвинениях и оставались незамеченными. Не следует скрывать (продолжает Монстреле), что многие достойные люди знали, что эти обвинения

были выдвинуты группой злых людей, чтобы притеснить и опозорить некоторых главных жителей Арраса, которых они ненавидели с особой яростью и из жадности стремились завладеть их состоянием. Сначала они злонамеренно арестовали несколько человек, заслуживающих наказания за свои преступления, которых они так жестоко мучили, давая обещания помилования, что заставили их обвинить того, кого им было угодно назвать. Все здравомыслящие и добродетельные люди считали это дело [это должен был быть крайне плохо продуманный заговор, чтобы вызвать подозрение и даже возмущение в таком деле] самым отвратительным, и думали, что те, кто таким образом погубил и опозорил стольких достойных людей, в последний день подвергнут свои души неминуемой опасности".⁷¹

⁷¹ Enguerrand de Monstrelet's *Chronicles*, lib. iii. cap. 93, перевод Джонса. *Водуазия*, которая озадачила летописца, кажется, раскрывает если не мотив, то притворство этих действий. Однако нелегко представить себе такое большое количество представителей всех сословий, вовлеченных в запрещенную ересь Водуа, в одном городе на севере Франции.

Тем временем инквизитор Жак Дюбуа, доктор богословия, декан Нотр-Дам в Аррасе, приказал арестовать художника Левита и заставил его признаться, что он посещал "Вольдин"; что он видел там множество людей, мужчин и женщин, мещан, церковников, имена которых были указаны. Наместники епископов, ошеломленные количеством и качеством привлеченных, стали опасаться последствий и пожелали остановить процесс. Но это не удовлетворило проекты двух наиболее активных сторонников, Жака Дюбуа и епископа Байрутского, которые убеждали графа д'Эстампа использовать свой авторитет у викариев для энергичных действий против заключенных. Вскоре дело дошло до кризиса; судьба замученных осужденных была решена, и в окружении тысяч зрителей со всех концов их вывели, каждого с митрой на голове, на которой был нарисован дьявол в том виде, в каком он появлялся на общих собраниях, и сожгли.

Они признавались (под жесточайшими пытками, обещаниями, и угрозами) в истинности своих собраний в субботние дни. Они использовали хорошо известную в колдовской медицине мазь, которой натирали небольшой деревянный стержень и ладони, и на очень распространенном средстве передвижения внезапно уносились в назначенное место. Здесь их ожидал повелитель и хозяин в облике козла с лицом человека и хвостом обезьяны. Сначала новые вассалы приносили в жертву свою душу или часть тела, а затем с обожанием целовали его в спину - привычное приветствие.⁷² Затем следовали различные знаки и церемонии inferнального вассалитета, в частности, ступание и плевание на крест. Затем - еда и питье; после чего гости присоединялись к актам неопишуемого разврата, когда дьявол принимал облик попеременно то одного, то другого пола. В завершение была произнесена шуточная проповедь, запрещающая ходить в церковь, слушать мессу или прикасаться к святой воде. Все эти действия указывают на раскольнические преступления, которые, однако, в большинстве своем являются характерными чертами саббатов в более позднем протестантском колдовстве, за исключением того, что злобные отступники там обычно *паписты*, а не *протестанты*. В течение почти двух лет Аррас подвергался произвольным допросам и пыткам инквизиторов, и только обращение в парламент Парижа смогло остановить процесс, 1461 год. Шансы на оправдание по приговору общественности были невелики: еще меньше они были по приговору судебных трибуналов.

⁷² Оскулум ин терго", по-видимому, является неотъемлемой частью "Гомагиума" или "Диаболагиума".

ГЛАВА I.

Булла Иннокентия VIII - новый стимул к энергичному преследованию колдовства - "Malleus Maleficarum" - его уголовный кодекс - многочисленные казни в начале XVI века - анализ христианской демонологии - различные мнения о природе демонов - общая вера в общение демонов и других нечеловеческих существ с человечеством.

Пожалуй, самой памятной эпохой в летописи колдовства является дата обнародования буллы папы Иннокентия VIII, когда его преследование было официально одобрено, приведено в исполнение и развито самым явным образом высшей церковной властью. Именно в 1484 году Иннокентий VIII издал свою знаменитую буллу, направленную в первую очередь против преступлений в Германии, где инквизиторы были уполномочены разыскивать и сжигать злоумышленников *pro strigiatûs hæresi*. Булла гласила: "Иннокентий, епископ, слуга рабов Божьих, в порядке будущего поминовения материи..... По правде говоря, до наших ушей дошло, не без огромного беспокойства и огорчения для нас самих, что в некоторых частях Высшей Германии... очень многие лица обоего пола, отступив от католической веры, совращают себя демонами, инкубами и суккубами; и с помощью заклинаний, чар, заговоров и других нечестивых *суеверий*, преступных действий и преступлений заставляют потомство женщин и низших животных, плоды земли, виноград и продукты различных растений, мужчин, женщин и других животных разных видов, виноградники, луга, пастбища, кукурузу и другие овощи земли погибать, быть угнетенными и полностью уничтоженными; Что они истязают мужчин и женщин жестокими мучениями, как внутренними, так и внешними; что они препятствуют правильному общению полов и размножению человеческого рода. Более того, они имеют привычку отрицать саму веру. Поэтому мы, желая обеспечить их своевременными средствами защиты, как это нам позволяет наша должность, наша апостольская власть, в соответствии с положениями настоящих документов, назначаем и постановляем, чтобы они были осуждены, заключены в тюрьму, наказаны и штрафованы в соответствии с их преступлениями..... Согласно апостольскому рескрипту, данному в Риме".

Таково, вкратце, изложение прокламации Иннокентия VIII, принципы которой были развиты в более объемном труде 'Malleus Maleficarum',⁷³ или Молот ведьм, пять лет спустя. За это время эффект от столь решительного обращения главы церкви был таким, какого и следовало ожидать. Куманус, один из инквизиторов в 1485 году, сжег сорок одну ведьму, предварительно побрив их в поисках "меток". Альциатус, юрист, рассказывает, что другой церковный чиновник сжег сто ведьм в Пьемонте, и его плану ежедневных *ауто-да-фе* помешало только всеобщее восстание народа, который в конце концов изгнал его из страны, когда архиепископ занял освободившуюся должность. В некоторых провинциях даже подневольное легкоеверие населения не могло смириться с эксцессами судей, и жители массово восстали против своих инквизиторских притеснителей, опасаясь полного

обезлюдения своих окрестностей. В качестве своеобразной апологии буллы 1484 года был опубликован "Маллеус" - многозначительное название.⁷⁴ Авторами, назначенными папой, были Якоб Шпренгер, ордена проповедников и профессор теологии в Кельне; Джон Гремпер, священник, магистр искусств, и Генрих Инститор. Работа делится, согласно названию, на три части - "Вещи, относящиеся к колдовству", "Последствия колдовства" и "Средства от колдовства".

⁷³ Эннемозер (*История магии*), современный и более мягкий протестант, исключает из общих обличений папы Иннокентия ("который принял это имя, несомненно, потому, что хотел, чтобы оно указывало на то, кем он действительно желал быть") протестантские писатели, которые использовали такие термины, как "скандальный лицемер", "проклятая песнь войны ада", "рабы палачей", "бешеные тюремщики", "кровожадные монстры" и т. д.; и считает, что "обвинения, выдвинутые против Иннокентия, могли бы быть справедливыми только в том случае, если бы папа не участвовал в общем убеждении, если бы он был мудрее своего времени и действительно видел, что еретики не были союзниками дьявола, а ведьмы не были еретиками".

⁷⁴ Полное название: "MALLEUS MALEFICARUM in tres partes divisus, in quibus I. Concurrentia ad maleficia; II. Maleficiorum effectus; III. Remedia adversus maleficia. Et modus denique procedendi ac puniendi maleficas abunde continetur, præcipue autem omnibus inquisitoribus et divini verbi concionatoribus utilis et necessarius. Оригинальное издание 1489 года - это то, которое цитирует Хаубер, *Bibliotheca Mag.*, и на которое ссылается Эннемозер, *История магии*.

В этой апологии редакторы осторожно утверждают, что они *собрали*, а не *предоставили* свои материалы изначально, и приводят в качестве своих авторитетов имена Дионисия Ареопажита, Хризостома, Илария, Августина, Григория I, Ремигия, Фомы Аквинского и других. Авторы ликуют в сознании защищенности, несмотря на попытки демонов днем и ночью удержать их от завершения заслуженных трудов. Всевозможные уловки оказываются тщетными. По их мнению, худшие виды человеческих злодеяний не идут ни в какое сравнение с отступничеством от Церкви и, как следствие, союзом с адом. Подлинный или притворный страх перед колдовством, аффектированное презрение к женскому полу и крайне низкая оценка его достоинств (выражаясь языком отцов) характеризуют мнения составителей сборника.

Эннемозер сделал выписку из "Демономагии" Хорста (основанной на оригинальном труде Хаубера) о "Гексенхаммере" по трем основным разделам. Третья часть, содержащая Уголовный кодекс и состоящая из тридцати пяти вопросов, является наиболее важным разделом. Трудно решить, что поражает больше - совершенная глупость или совершенное беззаконие кодекса: легче понять, как столько тысяч жертв были беспомощно принесены в жертву. Арест мог произойти по простому слуху о том, что где-то нашли ведьму, без какого-либо предварительного доноса. Свидетелями могут быть самые заброшенные и самые печально известные личности: ни один преступник не может быть слишком плохим. Даже ведьма или еретик (*самый страшный* преступник с точки зрения церковного права) способны дать показания. Мужья и жены могут свидетельствовать один против другого, а показания детей принимались как веские доказательства.

В девятой и десятой главах рассматривается вопрос о том, "должна ли быть разрешена защита; если адвокат защищает своего клиента сверх необходимого, не следует ли считать его виновным; ведь он покровитель ведьм и еретиков..... Тринадцатая глава: Что должен заметить судья в камере пыток. Ведьмы, которые годами отдавались дьяволу душой и телом, становятся настолько нечувствительными к боли на дыбе, что скорее позволят разорвать

себя на куски, чем признаются. Четырнадцатая глава: О пытках и способе дыбы. Чтобы заставить обвиняемую добровольно признаться, вы можете пообещать ей жизнь; это обещание, однако, может быть впоследствии снято. Если ведьма не признается в первый день, пытку следует продолжить на второй и третий день. Но здесь важна разница между продолжением и повторением. Пытка не может быть *продолжена* без новых доказательств, но может быть *повторена* в соответствии с решением суда. Пятнадцатая глава: Продолжение раскрытия ведьмы по ее приметам. Среди прочих признаков - плач. Очень плохо, если обвиняемый, будучи поднят на ноги, не может пролить слезы. Духовенство и судьи возлагают руки на голову обвиняемой и заверяют ее горячими слезами Пресвятой Девы, что в случае ее невиновности она прольет обильные слезы во имя Бога-Отца".⁷⁵

⁷⁵ Ennemoser's *History of Magic*. Перевод В. Хоутта. Есть три типа людей, которых колдовство не может коснуться: судьи; священнослужители, исполняющие благочестивые церковные обряды; и святые, находящиеся под непосредственной защитой ангелов.

Буллa" и "Маллеус" были кодексом и учебником колдовства у католиков, как "Акт" и "Демонология" Якова VI - у протестантов. Пожалуй, самым важным результатом первого из них стал полный отказ гражданских трибуналов от уполномоченного преследования и наказания преступников в пользу церковных трибуналов. Ранее они имели разделенную юрисдикцию. В то же время ярость народного и судебного фанатизма была сильно раздута этой новой санкцией. Немедленно и почти одновременно в разных частях Европы стали выслеживать, пытать, сжигать или вешать еретических ведьм; и больше всего пострадали те части континента, которые были наиболее заражены распространяющейся ересью. Большее количество в Германии, по-видимому, свидетельствует о том, что число раскольников католической догмы там быстро росло, причем за некоторое время до того, как Лютер разразился громом своих обличительных речей. Необычная гроза с громом и молнией в окрестностях Констанца стала поводом для сожжения двух старух, Анны Минделен и некой "Агнессы".⁷⁶ Один из современников утверждает, что в округе Комо за один год было предано смерти 1000 человек; а Ремигий, один из уполномоченных *инквизиторов-правителей*, хвастается тем, что за пятнадцать лет сжег 900 человек. Мартин дель Рио утверждает, что за три месяца 1515 года в Женеве было казнено 500 человек; а в течение следующих пяти лет в Равенсбурге было сожжено 40 человек. Огромное количество людей пострадало во Франции в тот же период. В Калахорре, в Испании, в 1507 году было устроено огромное "*авто-да-фе*", когда 39 женщин, обличённых в колдовстве, были преданы огню - религиозная резня, подтверждённая не подозревавшими об этом свидетельствами самих судей и палачей.

⁷⁶ *Исторический очерк Хатчинсона о колдовстве*, глава ii.

Здесь уместно рассмотреть распространенные верования в демонологию и колдовство в том виде, в каком они существовали в Европе. Христианская демонология представляет собой путаную смесь языческих, восточных и христианских идей. Христианские Писания, казалось, предполагают и санкционируют постоянное личное вмешательство "великого противника", который постоянно бродит по земле, "ища, кого поглотить"; его популярная фигура представлена как союз великого дракона, сатиров и фавнов. Он также нередко появляется без одного или другого из своих признанных знаков - когтистой ноги, козлиных рогов, бороды и ног или драконьего хвоста. С молодыми и симпатичными ведьмами он старается принимать облик молодого и красивого мужчины, в то время как не стоит маскировать столь неприглядные особенности в его воплощениях *для старых* женщин, наслаждение чьей душой является главной целью обольщения.

Сэр Томас Браун ("Вульгарные ошибки"), человек весьма образованный, но еще более суеверный, объясняет феномен сросшихся ног весьма спекулятивно. Он предполагает, что "основанием для такого мнения вначале могло послужить его частое появление в виде козла, который соответствует этому описанию". Таково было мнение древних христиан относительно явлений *панитов*, *фавнов* и *сатиров*: именно в таком виде мы читаем о том, что он явился Антонию в пустыне. То же самое подтверждается и толкованием Священного Писания. Ибо если сказано: "Не приносите в жертву бесам", то в оригинале это слово - *Seghuirim*, то есть грубые и волосатые козлы; потому что в таком виде дьявол чаще всего появлялся, как объясняют раввины, как объяснил Тремеллий; и как объясняют некоторые слово *Aschimah*, Бог Эмата". Д-р. Джозеф Меде, благочестивый и ученый бог, автор уважаемого "Ключа к Апокалипсису", утверждает, что "дьявол не мог явиться в человеческом облике, пока человек был целостным, потому что он был духом, падшим от своего первого славного совершенства, и поэтому должен был явиться в таком облике, который мог бы показать его несовершенство и унижение, а это был облик зверя; иначе [он убедительно утверждает] не может быть причин, почему бы ему не явиться к Еве в облике женщины, а не змея. Но после грехопадения человека ситуация изменилась; теперь мы знаем, что он может принимать облик человека. Он появляется в облике человеческого несовершенства скорее из-за возраста или уродства, как старик (так говорят колдуны); и, возможно, не совсем ложно утверждение, что дьявол, появляющийся в человеческом облике, всегда имеет уродство какого-то безродного члена или другого, как будто он может еще не полностью принять человеческий облик, ибо человек не полностью и не окончательно пал, как он есть". Какую бы форму он ни принимал, под любой маскировкой всегда должна быть видна сросшаяся нога; и Отелло, внимательно разглядывая своего вероломного друга, прежде всего ищет этот сказочный, но верный признак.

Воспоминания Реджинальда Скота о том, что ему внушали в детской, возможно, кому-то покажутся интересными и в наши дни. "В детстве, - жалуется он, - служанки наших матерей так пугали нас уродливым дьяволом с рогами на голове, огнем во рту, хвостом в ягодицах, глазами как у бизона, клыками как у собаки, кожей как у *нигера*, голосом, ревушим как у льва, что мы пугались, когда слышали крик "Бох!" Чосер выразил мнение своего века по этому вопросу. Похоже, что приходской священник был обязан довести до сведения своего церковного начальника, наряду с другими преступлениями, и те, что связаны с колдовством. Монах описывает свой "Эрчедекен" следующим образом.

Который дерзко исполнял приговор
В наказании за блуд,
из колдовства.....

Этот экклезиаст взял к себе на службу подчиненного "сомпнура", который, выполняя свои служебные обязанности, однажды встречает дьявола, чье "обиталище находится в Хелле", который снисходит до того, чтобы просветить офицера на темную тему демонических явлений:...

Когда мы захотим, мы можем взять нас на себя
Или заставить вас думать, что мы были в форме.
То как человек, то как обезьяна;
То как ангел я могу идти или ехать:
Это не удивительно, хотя это так,
Низкопробный джогелур может обмануть;

И, как ни странно, я могу больше его обмануть.

На вопрос, почему они не довольствуются *одной* формой на все случаи жизни, дьявол отвечает так:...

Когда-то мы были орудиями Божьими.
И люди, исполняющие его повеления,
Когда он перечислял их своим созданиям.
In divers act and in divers figures.
Без него у нас нет никакой власти.
Если он перечислит, чтобы остановить их.
И иногда в молитве нашей мы оставляем
Только телом, а не душой;
Свидетельствуем об Иове, которого мы сделали полным горемыкой.
И несколько раз мы могли о двух,
то есть телом и душой.
И иногда мы страдаем от того, что видим
На человека, и пусть душа его волнуется.
А не тело, и все к лучшему.
Когда он выдерживает наш соблазн.
Это причина его спасения.
Пусть будет так, что не было нашей затеи.
He schuld be sauf, but that we wolde hente.
И некоторое время мы служили человеку.
Как к Эрхебисхопу Синту Дунстану;
И Апостолу служил я.

* * * * *

Где-то время мы провели, где-то время мы провели
С отважными телами, в полном удивлении,
И говорим мы красиво, и так же красиво и хорошо.
Как в Фитониссе Самуил:
И скажут люди, что это не он.
Я не верю в ваше божество.⁷⁷

⁷⁷ *Кентерберийские рассказы*. Текст Т. Райта. Чосер, английский Боккаччо в стихах, одинаково язвительно нападает и на церковь, и на женский пол.

Иудейская теология, расширенная ведущими божествами, включает в себя грозное множество различных демонов; и вся природа в христианской вере была населена всеми видами.

'Of those demons that are found
В огне, воздухе, потопе или под землей".

Относительно природы дьяволов и демонов существовали различные мнения. Некоторые, как и Тертуллиан, утверждали, что это "души низких людей". Спорным является вопрос о том, смертны они или бессмертны, подвержены боли или свободны от нее. Пселл, христианин и воспитатель Михаила Помпинатия, императора Греции, большой знаток природы дьяволов, считает, что они телесны, живут и умирают: ... что они чувствуют боль, если их ранят (что подтверждает Кардан, а Скалигер справедливо высмеивает его); и если их тела рассечены, они с восхитительной быстротой собираются снова. Остин подтверждает это, как и Иероним, Ориген, Тертуллиан, Лактанций и многие выдающиеся отцы Церкви, что при падении их тела превратились в более воздушную и грубую субстанцию". Этому мнению придерживаются платоники и некоторые раввины, Порфирий, Плутарх, Зосима и т. д., что презрительно отрицается некоторыми другими, утверждающими, что они только обманывают глаза людей, не производя никаких реальных изменений. Кардан считает, что "они питаются душами людей, и поэтому [достойное происхождение], подобно тому как мы ведем столько сражений во всех эпохах и странах, является для них пиром и единственным наслаждением: но если они недовольны, то они раздражаются и бьются (ибо они питаются подобно душам зверей, как мы - их телами) и насылают на нас множество бедствий".

Точная численность и порядок их передвижения оцениваются разными авторитетами по-разному. Несомненно, что они заполняют воздух, землю, воду, а также подземный шар. Воздух, по словам Парацельса, не столько наполнен мухами летом, сколько невидимыми дьяволами во все времена. Некоторые писатели, следуя Сократу и Платону, определяют девять видов. Каким бы ни был надлунный род, наш мир больше интересуется подлунные племена. Их по-разному делят и подразделяют. Один из авторитетов выделяет шесть различных видов - огненных, воздушных, наземных, водных, подземных и центральных: последние населяют центральные области недр земли. Огненные - это те, кто работает "с помощью пылающих звезд, огненных драконов; они подделывают солнца и луны, часто звезды. Воздушные живут, по большей части, в воздухе, вызывают множество бурь, громы и молнии, рвут дубы, поджигают шпиль, дома; поражают людей и зверей; вызывают дождь из камней, как во времена Ливия, шерсти, лягушек и т. д.; подделывают армии в воздухе, производят странные звуки... все это Гиль. Postellus использует в качестве аргумента (как, собственно, и есть), чтобы убедить их, что не поверит в существование духов или дьяволов. Они вызывают внезапные вихри и бури, которые, хотя наши метеорологи обычно относят к естественным причинам, но я придерживаюсь мнения Бодина, что они чаще вызываются этими воздушными дьяволами в их нескольких кварталах; ибо они катаются на бурях, как когда отчаявшийся человек сводит счеты с жизнью, что, будучи повешенным или утопленным, они часто делают, как замечает Корманнус, *tripudium agentes*, танцуют и радуясь смерти грешника. Они могут испортить воздух, вызвать болезни, чуму, бури, кораблекрушения, пожары, наводнения..... Ничто так не знакомо (если верить рассказам Сакса Грамматика, Олауса Магнуса и др.), как то, что ведьмы и колдуны в Лапландии, Литве и по всей Скандии продают морякам ветры и вызывают бури, о чем венецианец Марк Паулюс рассказывает и о татарах. ⁷⁸

⁷⁸ У татарских или тибетских лам, или, по крайней мере, у некоторых из них, до сих пор существует обычай развеивать по ветру амулеты на благо путешественников. *Путешествия М. Хука по Тартарии, Тибету и т. д.*

Это те, кто, по мнению Кардана, желает плотского соития с ведьмами (инкубы и суккубы), трансформируют тела и очень холодны, если к ним прикоснуться, и которые служат магам..... Водяные дьяволы - это те наяды или водяные нимфы, которые до сих пор обитали в водах и реках. Вода (как считает Парацельс) - это их хаос, где они живут... появляясь чаще всего

(говорит Тритемий) в женском обличье. У Парацельса есть несколько историй о них, которые жили и были женаты на смертных мужчинах, и так продолжалось в течение определенных лет с ними, а после, по какой-то неприязни, оставили их. Такими были Эгерия, с которой был так хорошо знаком Нума, Диана, Церера и др. Земные дьяволы - это Ларес, Гении, Фавны, Сатиры, Лесные нимфы, Фолиоты, Феи, Робин Гудфеллоу, Трулли; которые, поскольку они больше всего общаются с людьми, то и приносят им больше всего вреда. Некоторые считают, что только они держали язычников в благоговейном страхе перед old.....

Подземные дьяволы так же распространены, как и остальные, и приносят столько же вреда. Олаус Магнус выделяет шесть их видов: одни больше, другие меньше, часто встречаются в рудниках металлов, и некоторые из них ядовиты; другие же не приносят никакого вреда (они хранят сокровища в земле и вызывают землетрясения). Последние обитают в центре земли, чтобы мучить души проклятых людей до судного дня; их выход и вход, как полагают некоторые, находится в районе Итны, Липари, Геклы, Везувия, Терра-дель-Фуэго, потому что там постоянно слышны крики и страшные вопли, а также знакомые явления мертвецов, призраков и гоблинов".

Что касается конкретных функций и действий этих различных племен, то "Платон в *"Критии"* и после него его последователи утверждали, что они - правители и хранители людей, наши господа и хозяева, как мы - своего скота. Они управляют провинциями и королевствами с помощью оракулов, предзнаменований, снов, наград и наказаний, пророчеств, вдохновений, жертвоприношений и религиозных суеверий, разнообразных настолько, насколько разнообразны духи; они насылают войны, чуму, мир, болезни, здоровье, недостаток, изобилие, как видно из тех историй Фукидида, Ливия, Дионисия Галикарнасского и многих других, которые полны их чудесных хитроумных уловок". Раньше они посвящали себя служению конкретным людям, как знакомые демоны, "частные духи". Нума, Сократ и многие другие были обязаны их *гению*. Власть дьявола не ограничивается телом. Многие думают, что он может действовать на тело, но не на разум. Но опыт утверждает обратное: он может действовать и на тело, и на разум". Тертуллиан придерживается этого мнения".

Причин и побудительных мотивов "одержимости" множество. Один из авторов утверждает, что "дьявол, будучи тонким, непостижимым духом, легко проникает в человеческие тела, хитроумно укрывается в наших недрах, расшатывает наше здоровье, пугает наши души страшными снами и сотрясает наши умы фуриями. Они входят и выходят из наших тел, как пчелы из улья, и так провоцируют и искушают нас, когда воспринимают нашу температуру, склонную к самообману и наиболее склонную к заблуждению..... Агриппа и Лаватер убеждены, что этот юмор [меланхолия] приглашает дьявола в него, где бы он ни был в крайности, и, из всех других, меланхолические люди наиболее подвержены дьявольским искушениям и иллюзиям, и наиболее склонны развлекаться ими, и дьявол лучше всего может работать на них. "Но как именно", - заявляет Бертон, - "одержимостью, или одержанием, или иным способом, я не берусь определить; это сложный вопрос".⁷⁹

⁷⁹ *Анатомия меланхолии*, Демокрит младший; под редакцией Демокрита младшего. Часть I. разд. 2. Столь же обильное и любопытное проявление образованности. Немногие авторы, вероятно, подвергались большему количеству плагиата.

Средневековые считали себя окруженным повсюду духовными существами; но, в отличие от древних, они были убеждены не столько в том, что они являются особой заботой небес, сколько в том, что они - несчастные жертвы адской злобы, вечно стремящейся к их временной и вечной гибели; этот факт очевиден во всей средневековой литературе и искусстве.⁸⁰

80 Сисмонди (*Литература юга Европы*) заметил о величайшем эпосе Средневековья, что "Данте, как и многие отцы Церкви, полагая, что язычество в лице inferнальных богов представляло падших ангелов, не побрезговал перенять его басни". Тассо, в более поздний период, вводит божества язычества. В "*Освобожденном Иерусалиме*" они собираются на совет, чтобы расстроить планы и уничтожить силы христианских вождей перед Иерусалимом (iv). Исмено, могущественный маг в рядах турок, привлекает сонм дьявольских союзников для охраны леса, поставлявшего неверным материалы для осады города (xiii.). А шедевры искусства Гвидо или Раффаэля, вызывающие у их современных учеников одновременно восхищение и отчаяние, освятили и увековечили вульгарное суеверие.

Догадки Гланвила о причинах *сравнительной* редкости демонических и других духовных явлений в целом могут заинтересовать доверчивого или любопытного читателя. "Весьма вероятно, - рассуждает доктор, - что государство, в котором они находятся, не может легко допустить ощутимых сношений между плохими джинами и людьми: ведь их собственные законы и правительство не позволяют им часто выходить в мир. Или же можно с большой долей вероятности предположить, что им очень трудно и больно заставлять свои тонкие и *цепкие* тела приобретать видимую консистенцию и такие формы, которые необходимы для их замыслов в переписке с ведьмами. Ведь при этом их тела должны быть сильно сжаты, что не может не вызывать болезненных ощущений. И это, возможно, причина того, почему явлений так мало и почему появляющиеся духи обычно так спешат уйти, а именно: чтобы избавиться от неестественного давления их нежных транспортных средств,⁸¹ что, как я признаю, имеет место больше при явлении добрых, чем злых духов... Причина этого, вероятно, в большей тонкости и непрочности первых, которые требуют гораздо больших степеней сжатия и, следовательно, боли, чтобы сделать их видимыми; в то время как последние являются нечистыми и грубыми, и поэтому ближе к осязаемым существованиям, и более легко сводимы к появлению и видимости.⁸²

81 Столь умозрительная теория должна была прийти в голову современным защитникам духов и призраков, и ее правильность будет легко признана.

82 *Sadducismus Triumphatus*. Рассуждения о колдовстве. Раздел xi.

Ощутимые сношения между дурными джинами и людьми происходят чаще, чем доктор Гланвил был склонен полагать; и он, должно быть, был знаком с действиями инкуба и суккуба. В первый век (*orbe novo sceloque recenti*) при сатурнианском режиме, "когда еще не было страха перед Юпитером",⁸³ невинность царила без нарушений; но как только серебряный век был открыт узурпацией Юпитера, *связи* между богами и смертными стали частыми. Любовные отношения между добрыми или злыми "джинами" и людьми часто встречаются в мифологии большинства народов. В романтических сказках средних веков влюбленные неожиданно оказываются связанными с каким-то таинственным существом нечеловеческого вида. Писатели, защищающие колдовство, цитируют Бытие vi. в доказательство реальности таких сношений; а Юстин Мученик и Тертуллиан, великие апологеты христианства, и другие отцы толкуют *Filios Dei* как ангелов или злых духов, которые, очарованные красотой женщин, породили первобытных великанов.⁸⁴

83 "Jove nondum Barbato".

84 возмущенно восклицает Мильтон, ссылаясь на эту распространенную фантазию лидеров первобытной церкви: "Кто сочтет нужным писать апологию христианской веры римскому сенату, чтобы рассказать им, "как из ангелов", под которыми он, должно быть, подразумевает тех, кого в Бытии называют Сынами Божиими, "от смешения с женщинами родились дьяволы", как сказал им добрый Юстин Мученик в своей Апологии". (*Реформация в*

Англии, книга I.). А "Клеменс Александрин, Сульпиций Северус, Евсевий и т. д. делают двойное падение ангелов - одно от начала мира, другое немного раньше потопа, как учит нас Моисей, открыто исповедуя, что эти *гении* могут порождать и иметь плотское соитие с женщиной" (*Anatomy of Melancholy*, part i.). Роберт Бертон придерживается взглядов Лактанция (xiv. 15). Похоже, что поздние еврейские дьяволы обязаны своим происхождением (согласно талмудистам, как их представляет Перериус в "*Анатомии*") бывшей жене Адама по имени Лилис, предшественнице Евы.

Некоторые потрясающие результаты дьявольских связей появляются в метрических романах двенадцатого или тринадцатого века, а также у ранних англо-норманнских летописцев или баснописцев, которые старались сообщить нам о доисторических событиях своей страны. Автор романа-поэмы о знаменитом Мерлине, столь известном в британских пророчествах, представляя своего героя, пускается в длинную диссертацию о происхождении inferнальных искусств. Он сообщает нам со слов "пророка Давида и Моисея", что большая часть ангелов, восставших под предводительством Люцифера, потеряла свою былую силу и красоту и превратилась в "черных извергов": вместо того чтобы быть сброшенными в "адскую яму", многие остались в воздухе, где до сих пор сохраняют способность соблазнять смертных, принимая любой облик, какой им вздумается. Они были сильно обеспокоены чудесным рождением Христа; но была надежда нейтрализовать благотворное влияние этого события, произведя от какой-нибудь девственницы полудемона, чьей задачей должно было стать распространение колдунов и нечестивых людей. Для этого дьявол⁸⁵ готовится соблазнить трех юных сестер; и сразу же в соответствующем облике отправляется к старухе, со скупостью и хитростью которой он был хорошо знаком. Ее он привлек либеральными обещаниями быть посредницей в соблазнении старшей сестры, чему помешали предосторожности святого отшельника. Подобно "первой падшей женщине", девушка в конце концов согласилась, была предана *вымышленным* юношей и приговорена законом к сожжению заживо.

⁸⁵ Возможно,

Белиал, самый распутный дух, который пал,
сладоглотник; а после Асмодая
Самый плотский Инкуб. *Reg.*

Та же участь, за исключением страшного наказания, ждала и второго. И вот теперь, слишком поздно, святой отшельник осознал свою пагубную небрежность. Он строго-настрого предписал третьей, оставшейся сестре, постоянно следить за собой. Однако ее безопасность стала причиной ее предательства. Однажды, в минуту беспечности, она забыла о молитвах и крестном знамении, прежде чем лечь на ночь. Не будучи более исключенным, изверг, приняв человеческий облик, осуществил свою цель. В положенный срок на свет появился сын, о происхождении которого свидетельствовало полное отсутствие черных волос, хотя его конечности были хорошо сложены, а черты лица - прекрасны. К счастью, беспечный опекун точно рассчитал момент рождения демона, и не успел он сообщить об этом, как новорожденный был отнесен к возрождающейся воде, где его окрестили именем Мерлин; надежды демонов, по крайней мере на это время, были безвозвратно потеряны. О том, как Мерлин, проявив сверхчеловеческую доблесть и знания, победил сарацин (саксов) во многих кровавых битвах; о его магических достижениях и благосклонности при дворе короля Вортигерна и его преемников, в полной мере повествует автор истории.⁸⁶ Джеффри Монмутский рассказывает о них как о фактах; их повторяет Вергилий в "Истории Британии", написанной под эгидой Генриха VIII.

86 См. "Ранние английские метрические романсы", под ред. сэра Х. Эллиса.

Древние иногда говорили, что целые народы происходят от этих нечестивых связей. Иорнанд, историк готов, с удовольствием рассказывает, что их ненавистные соперники, гунны (современными представителями которых принято считать татар-калмуков), обязаны своим происхождением общению скифских ведьм с inferнальными духами. Необычный облик и черты лица этих страшных переселенцев из степей Тартарии вызывали страх и ненависть у их европейских подданных, басня о которых, как полагает Гиббон, могла быть заимствована из более приятной басни греков.⁸⁷

⁸⁷ Достаточно большую подборку фактов бесчеловечных связей у древних и современных писателей можно увидеть в *Анатомии меланхолии*, часть iii. разд. 2. Повторив утверждения предыдущих авторов, доказывающих факт сокоупления человека с низшими видами животных, Бертон подкрепляет свое собственное мнение об их реальности многочисленными авторитетами. Если правдивы те истории, рассуждает он, которые рассказывают об инкубах и суккубах, о нимфах, похотливых фавнах, сатирах и тех языческих богах, которые были дьяволами, о тех похотливых телхинах, о которых платоники рассказывают так много басен; или о тех знакомых в наше время [1624] встречах и компаниях ведьм и дьяволов, то для этого есть некоторая вероятность. Я знаю, что Биарманн, Виер и некоторые другие решительно отрицают это... но Остин (*lib. xv. de Civit. Dei*) признает это. И он ссылается на Плутарха, *Vita Numæ*; *Wierus, de Præstigiis Dæmon.*, *Giraldus Cambrensis*, *Malleus Malef.*, *Jacobus Reussus*, *Godelman*, *Erastus*, *John Nider*, *Delrio*, *Lipsius*, *Bodin*, *Pererius*, *King James*, &c. Ученый и любопытный труд меланхолического студента Крайст-Черч и ректора Оксфорда был заслуженно оценен многими выдающимися критиками. Этот "точный математик и любопытный вычислитель нативов" точно рассчитал, по словам Энтони Вуда (*Athenæ Oxon.*), период своей собственной смерти - 1639 год.

Действия Инкуба занимают важное место в процессах над ведьмами и исповедях. Инкуб - посетитель женщин, Суккуб - мужчин. Чосер сатирически изображает галантность викарного Инкуба устами жены Бата (этой практичной поклонницы Соломона и самаритянки),⁸⁸ , которая предваряет свой рассказ заверением: "Я не знаю, что это за человек.

Это делает, что не было никаких фейри,
Ибо, как принято было ходить эльфу.
А тут ходит не кто иной, как сам *Лаймитур*.

* * * * *

Теперь женщины могут безопасно ходить вверх и вниз;
В каждом кусте и под каждым деревом
Нет другого *Инкуба*, кроме него.

⁸⁸ Жена Бата, похоронившая лишь пятого мужа, должна казаться скромной по сравнению с ним. Не говоря уже об утверждениях или инсинуациях Сенеки или Марциала, святой Иероним был знаком со случаем женщины, похоронившей *двадцать второго* мужа, чьи супружеские возможности, однако, были превзойдены голландской женой, которая, по свидетельству честного Джона Ивлина, похоронила *двадцать пятого* мужа!

Реджинальд Скот посвятил несколько глав своей работы рассказу о подвигах Инкуба.⁸⁹ Но он честно предупреждает своих читателей, "что целомудренные уши не могут спокойно выслушивать о подобных развратниках (собранных из авторитетных божественных книг), перевернуть несколько листов, где я, как конюх, засунул их вещи, даже те, которые я сам ненавижу, как в вонючий угол: хотя я надеюсь, что иначе не будет, но другие части моего сочинения останутся сладкими". Он повторяет историю из "Жития Иеронима", которая, кажется, намекает на подозрения в отношении характера некоего епископа Сильвануса. В ней говорится, что однажды ночью Инкуб вторгся в спальню некой дамы. Возмущенная столь необычным или, по крайней мере, замаскированным явлением, дама громко кричала, пока не пришли гости дома и не обнаружили его под кроватью в образе епископа; "а этот святой человек, - добавляет Скот, - был тем самым сильно опорочен". Другая традиция или легенда, похоже, отражает целомудрие величайшей святой Средневековья.⁹⁰ Сверхчеловеческий гнет Инкуба до сих пор вспоминается в пословицах сегодняшнего дня. Ужасы inferнальных договоров и лиг, проявляющиеся в судьбах волшебников или магов в последний час, были одной из самых популярных сцен на театральной сцене. Кристофер Марлоу в "Жизни и смерти доктора Фаустуса" и Роберт Грин в "Монахе Бэконе и монахе Бангее" в елизаветинскую эпоху драматизировали распространенное представление о договоре.

⁸⁹ См. четвертую книгу *"Открытий"*.

⁹⁰ В легенде о святом Бернарде говорится, что одна красивая девушка, которая пользовалась телом Инкуба в течение шести или семи лет в Аквитании (и очень устала от него, так как он состарился), должна была пойти к святому Бернарду еще раз. Но Инкуб сказал ей, что если она так оставит его, то он отомстит ей. Но, будь что будет, она пошла к святому Бернарду, который взял у нее свой посох и велел положить его на кровать рядом с собой. И действительно, дьявол, опасаясь посоха или того, что там лежит сам святой Бернард, в ту ночь так и не смог войти в ее покои. Что он делал потом, я не знаю". Эта история не покажется читателю столь доказательной, как предполагает Скот. Если верить сильным инсинуациям протестантских богословов XVI века, "святой епископ Сильванус" - не единственный пример слабости человеческой природы среди ранних святых.

ГЛАВА II.

Три вида ведьм - Различные способы колдовства - Способ путешествия ведьм - Субботы - Анафемы пап против этого преступления - Бык Адриана VI - Современное свидетельство суровости гонений - Необходимый триумф ортодоксальной партии - Германия, наиболее подверженная суеверию - Акты парламента Генриха против колдовства - Елизавета Бартон - Закон 1562 года - Казни при правительстве королевы Елизаветы - Случай колдовства, рассказанный Реджинальдом Скотом.

О церемониях заключения договора, в результате которого женщина становилась ведьмой, мы уже упоминали. В вульгарном вероучении почти обязательным условием было то, что она должна быть, как представляет Гоул ("Избранные случаи совести, касающиеся ведьм" и др., 1646), старухой с морщинистым лицом, мохнатым лбом, волосатой губой, зубами, косящими глазами, скрипучим голосом, ругательным языком, в лохмотьях на спине, с черепом на голове, веретеном в руке, с собакой или кошкой рядом. На земле существует три вида

агентов дьявола - черные, серые и белые ведьмы. Первые всеильны во зле, но бессильны в добре. Белые обладают способностью помогать, но не вредить.⁹¹ Что касается третьего вида (смесь белых и черных), то они одинаково эффективны как для добра, так и для зла.

⁹¹ Писатель начала семнадцатого века (Cotta, *Tryall of Witchcraft*) говорит: "Этот вид небезызвестен и по сей день, он кишит в этом королевстве, и никто не может быть невежественным, кто захочет наблюдать беспрепятственную свободу и свободу открытого и обычного обращения во всех местах к *мудрецам* и *мудрым* женщинам, так вульгарно называемым за их предполагаемое знание относительно таких больных людей, которые, как предполагается, околдованы". И (*Short Discoverie of Unobserved Dangers, 1612*) "упоминание о колдовстве заставляет вспомнить в следующем месте о роде практиков, которых наш обычай и страна называют мудрецами и мудрыми женщинами, считающимися своего рода добрыми и честными безвредными ведьмами или волшебниками, которые добрыми словами, освященными травами и мазями и другими суеверными церемониями обещают успокоить дьяволов, колдовские практики и силы многих болезней". Другой автор той же даты считает, что "для страны было бы в тысячу раз лучше, если бы все ведьмы, но особенно *ведьма-благодетельница*, могли бы страдать от смерти. Люди обычно ненавидят и плюют на *проклиняющего* колдуна, как на недостойного жить среди них, тогда как к другому они обращаются по необходимости; они зависят от него как от своего Бога, и таким образом тысячи людей уносятся прочь, к своему окончательному смятению. Смерть, таким образом, является справедливым и заслуженным уделом *доброй* ведьмы." -Обзоры *народных древностей Великобритании*, написанные Брандом, под ред. сэра Х. Эллиса.

Столь же разнообразны и противоречивы мотивы и поступки, приписываемые ведьмам. Для их практики нет ничего слишком великого или слишком подлого: они с одинаковым удовольствием занимаются ниспровержением королевства или религии, а также причиняют самые обычные беды и несчастья в жизни. Способы околдовывания у них самые разные: очаровывая или бросая дурной глаз ("Nescio, - говорит вергилиевский пастух, - quis teneros oculus mihi fascinat agnos"); делая изображения человека, на которого будут действовать, в воске или глине, обжигая их на огне; смешивая магические мази или другие составы и ингредиенты, о которых мы узнаем из песен ведьм Шекспира, Джонсона, Миддлтона, Шедуэлла и других; иногда просто бормоча проклятия.

Они ездят в ситах по морю, на метлах, вертелах, приготовленных магическим образом, и с помощью этих средств передвижения без проблем и потерь времени добираются до места назначения. С помощью этих средств они посещают периодические саббаты, великие собрания племени ведьм, где они собираются в определенное время, чтобы выразить почтение, рассказать о своих заслугах и получить повеления своего повелителя. Они проводятся в ночь с пятницы на субботу, и каждый год в горах Блоксберг на ночь перед первым днем мая назначается грандиозный саббат для празднования. В эти знаменитые горы съезжаются послушные вассалы со всех концов христианства - из Италии, Испании, Германии, Франции, Англии и Шотландии. Для встречи обычно выбирают место, где сходятся четыре дороги, изрезанный горный хребет, а может быть, окрестности уединенного озера или дремучего леса.⁹²

⁹² Когда однажды был отдан приказ о встрече субботы, всех волшебников и ведьм, которые не пришли на нее, демоны били жезлом, сделанным из змей или скорпионов. Во Франции и Англии ведьмы должны были ездить на метлах; но в Италии и Испании сам дьявол в виде козла перевозил их на своей спине, которая удлинялась или укорачивалась в зависимости от количества ведьм, которых он хотел вместить. Ни одна ведьма, отправляясь на шабаш, не могла выбраться через дверь или окно, как бы она ни старалась. Обычно они входили в дом

через замочную скважину, а выходили через дымоход, по которому с легкостью взлетали на метле и все остальное. Чтобы отсутствие ведьм не заметили соседи, какому-нибудь низшему демону было велено принимать их облик и лежать в их постелях, притворяясь больными, до окончания субботы. Когда все колдуны и ведьмы прибывали на место встречи, начинались inferнальные церемонии. Сатана, приняв свой излюбленный облик большого козла, с лицом впереди и в подгрудке, занял место на троне; все присутствующие последовательно выражали ему свое почтение и целовали его в лицо сзади. После этого он назначил церемониймейстера, в компании с которым лично осмотрел всех ведьм на предмет наличия у них тайного знака, которым они были отмечены как принадлежащие дьяволу. Эта метка всегда была нечувствительна к боли. Те, кто еще не был отмечен, получали метку от мастера церемоний, а дьявол в это время давал им прозвища. После этого все они начинали петь и танцевать в самой неистовой манере, пока не появлялся какой-нибудь человек, жаждущий попасть в их общество. Тогда они замолчали на некоторое время, пока новоприбывший не отрекся от своего спасения, не поцеловал дьявола, не плюнул на Библию и не поклялся повиноваться ему во всем. Затем они снова начинали танцевать со всей силой и пением..... В течение часа или двух они, как правило, уставали от этого бурного занятия, и тогда все садились и рассказывали о своих злых делах, совершенных с прошлой встречи. Те, кто не был достаточно злобным и озорным по отношению к своим собратьям, получали личное наказание от самого Сатаны, который порол их шипами или скорпионами до тех пор, пока они не покрывались кровью и не могли ни сидеть, ни стоять. Когда эта церемония была завершена, всех развеселил танец жаб. Тысячи этих существ выпрыгивали из земли и, стоя на задних лапах, танцевали, пока дьявол играл на волынке или трубе. Все эти жабы были наделены способностью говорить и просили ведьм вознаградить их плотью некрещеных младенцев за их старания доставить им удовольствие. Ведьмы пообещали выполнить просьбу. Дьявол велел им не забывать держать свое слово, а затем, топнув ногой, заставил всех жаб в одно мгновение погрузиться в землю. После этого место было очищено, и начались приготовления к пиру, на котором демоны и ведьмы с жадностью поглощали всякую гадость, хотя иногда их угощали отменным мясом и дорогими винами из золотых тарелок и хрустальных кубков; но они никогда не были так благосклонны, если не совершили необычайно много злых дел с момента последней встречи. После пиршества они снова начинали танцевать; но те, кому не хотелось больше упражняться в этом, развлекались тем, что высмеивали святое таинство крещения. Для этого снова вызвали жаб и окропили их грязной водой, дьявол совершил крестное знамение, а все ведьмы выкрикивали [какую-то тарабарщину]. Когда дьявол хотел особенно позабавиться, он заставлял ведьм раздеться и танцевать перед ним, причем у каждой на шее была привязана кошка, а другая свисала с ее тела в виде хвоста. Когда прокричал петух, все они исчезли, и шабаш был окончен. Это краткое изложение веры, которая преобладала в течение многих веков почти по всей Европе и которая далеко не искоренена даже в наши дни" - "Воспоминания о необычайных народных заблуждениях", К. Маккей.

Шуточная проповедь часто завершает ночное действо, сначала произносится обычное приветствие *osculum in tergo*. Но эти обстоятельства невинны по сравнению с непристойными действиями, когда гасят свет; беспорядочный разврат становится тогда порядком ночи. Новый обряд крещения посвящает неопита в его новую службу: кандидат подписывается знаком дьявола на той части тела, которая меньше всего заметна, и в то же время подчиняется первому акту преступного подчинения, который должен часто повторяться. В таких случаях демон предстает в образе того или иного пола, в зависимости от пола своих рабов. От одной ведьмы, допрошенной на суде, было получено доказательство, что с момента ее рабства дьявол имел с ней сношения *ut viri cum foeminis solent*, за исключением лишь одной примечательной особенности.

Во время понтификата Юлия II - в первом десятилетии XVI века - было обнаружено большое количество колдуний: спор между гражданскими и церковными властями предотвратил их неминуемое уничтожение. Преемники Иннокентия VIII повторили его анафемы. Александр VI, Лев X. и Адриан VI назначали специальных комиссаров по розыску колдунов и еретиков. В 1523 году Адриан издал буллу против *Хересиса Стригуатуса* с полномочиями отлучать от церкви всех, кто противостоит тем, кто занимается инквизицией. Он охарактеризовал несносный класс как секту, отклоняющуюся от католической веры, отрицающую свое крещение, проявляющую презрение к таинствам, в частности к Евхаристии, попирающую кресты ногами и принимающую дьявола за своего повелителя.⁹³ Сколько человек пострадало за это преступление в течение тридцати или сорока лет, последовавших за буллой 1484 года, точно установить трудно: то, что погибло несколько тысяч человек, не вызывает сомнений по свидетельству самих судей. Часто цитируемые слова Флоримонда, автора труда "Об антихристе", приведенные иезуитом Дель Рио ("De Magiâ"), не являются гиперболой. Все те, - говорит он, - кто предоставил нам некоторые признаки приближения антихриста, согласны с тем, что рост колдовства и чародейства должен отличать меланхолический период его прихода; и был ли когда-нибудь век, так страдающий от них, как наш? Места, предназначенные для преступников в наших судилищах, чернеют от лиц, обвиняемых в этой вине. Не хватает судей, чтобы судить достаточно. Наши темницы переполнены ими. Не проходит и дня, чтобы мы не сделали наши трибуналы кровавыми, вынося приговоры, или чтобы мы не возвращались в свои дома удрученные и напуганные ужасным содержанием признаний, которые мы обязаны были выслушать. И дьявол считается настолько хорошим хозяином, что мы не можем предать огню такое большое число его рабов, но из их пепла должно возникнуть число, достаточное для того, чтобы занять их место".

⁹³ *Исторический очерк* Фрэнсиса Хатчисона о колдовстве, глава xiv.; автор цитирует Barthol. de Spina, de *Strigibus*.

В задачи и рамки этих страниц не входит повторение всех дел о ведьмах, которые могли бы заполнить несколько томов; для этой цели достаточно описать несколько самых известных и выдающихся, а также отметить наиболее примечательные особенности вероучения.

Максимилиан I., император Германии, защитил инквизиторских палачей от возмущенной мести жителей южных районов Германии, которые вскоре были бы почти обезлюжены в результате беспощадной резни и свирепого рвения: в то время как Сигизмунд, принц Тироля, как говорят, был склонен смягчить суровость преследования, которое он был совершенно не в состоянии предотвратить, даже если бы был расположен к этому. Однако под покровительством этого князя Ульрик Молитор опубликовал в Швейцарии трактат ("De Pythonicis Mulieribus") в форме диалога, в котором собеседниками выступают Сигизмунд, Молитор и гражданин Констанца. Они спорят о колдовстве; их аргументы сводятся к тому, что, хотя те, кто занимается этим преступлением, достойны смерти, большая часть вульгарных мнений на этот счет ложна. Даже в середине пятнадцатого века в Испании можно было найти сторонника здравого смысла, чьи взгляды могли бы вызвать скандал у некоторых протестантских богословов. Альфонс де Спина был уроженцем Кастилии, членом ордена Святого Франциска: его книга была написана против еретиков и неверующих, но в ней есть глава, в которой некоторые действия, приписываемые колдунам, такие как перемещение по воздуху, превращения и т. д., отвергаются как нереальные.

С тех пор существовали две партии, одна из которых отстаивала полную реальность всех деяний, обычно вменяемых ведьмам, а другая утверждала, что многие из их предполагаемых преступлений были просто галлюцинациями, навеянными Великим Врагом. Первые, как

ортодоксальная партия, были, исходя из природы дела, наиболее успешны в споре - кажущийся парадокс объясняется характером и ходом спора. Противная сторона подвергала сомнению только *принятый* метод одержимости демоном, без сомнений принимая возможность и, самом деле, фактическое существование этого явления. Таким образом, либералы или псевдолибералы в этом важном споре были поставлены в нелогичное положение. Ведь (как могли бы с триумфом заявить их оппоненты) если дьявольская сила и одержимость могут проявляться одним способом, то почему бы не проявляться и другим. Они также не должны были определять методы его планов, разрешенных Провидением, для нанесения вреда и гибели человечества. Дьявольская экономика, как она явно представлена в деле уничтожения человека, могла требовать определенных способов действия, совершенно неподвластных нашему разуму и пониманию. Скептикам (или *атеистам*, как их называли) ортодоксы могли заявить: "Неужели вы не верите в ведьм? Писание говорит об их существовании: а вы, правоведы, будете оспаривать существование преступления, против которого наш свод законов и кодексы почти всех цивилизованных стран подтверждают законы, по которым были осуждены сотни и тысячи людей; многие, или даже большинство, из которых своими судебными признаниями признали свою вину и справедливость своего наказания? Станный скептицизм, добавляют они, отвергающий свидетельства Писания, человеческой законодательной власти и самих обвиняемых".⁹⁴ Разум был безнадежно подавлен верой. В присутствии всеобщего суеверия, в отсутствие современной философии, спасение казалось практически невозможным.

⁹⁴ Письма сэра В. Скотта о демонологии и колдовстве, глава vi.

Если первенство в этом конкретном предрассудке можно отнести к какому-то одному региону или народу, то, возможно, Германия больше, чем любая другая страна, была подвержена демонологической лихорадке. Этот факт можно объяснить как тем, что на протяжении более чем ста лет она была великим театром грандиозной религиозной борьбы между враждующими католиками и протестантами, так и ее естественным происхождением. Мрачные горные хребты - особенно знаменитые в национальной легенде горы Хартц - и леса, которыми она изобилует, сделали воображение ее жителей особенно восприимчивым к впечатлениям сверхъестественного.⁹⁵ Следующее место в ярости гонений занимает Франция. Данеус ("Диалог") говорит о неисчислимом количестве ведьм. Англия, Шотландия, Испания, Италия, возможно, идут следующими по порядку.

⁹⁵ Насколько сильно воображение немцев привлекало сверхъестественное и чудесное, хорошо видно как из старых национальных поэм, так и из великого труда национального мифолога Якоба Гримма ("*Немецкая мифология*").

Испания, на протяжении семи веков находившаяся под властью арабов, естественно, была страной магии. Во времена правления Фердинанда I или Изабеллы в стране прочно утвердилась инквизиция. То, что из темниц и пыточных камер многих отправляли на костер с дополнительным клеймом "черного искусства", несомненно; но в этой подвластной священникам, подневольно ортодоксальной южной стране церковь, возможно, не была так сильно заинтересована в том, чтобы смешивать преступления ереси и колдовства. Первого было достаточно, чтобы вызвать ужас и ненависть к осужденному. Юг Франции знаменит тем, что это самое гнездо колдовства: там часто проводились шабаши ведьм. Это была страна альбигойцев, которую в двенадцатом веке опустошил де Монфор, палач католической мести, а в семнадцатом веке с той же дикостью опустошил де Ланер. В Шотландии до религиозной революции было несколько примечательных случаев преследования ведьм, как, например, в случае с графом Маром, братом Якова III. Его

подозревали в том, что он призвал на помощь колдовство, чтобы узнать срок жизни короля: графа запытали до смерти без суда, а за его смертью последовало сожжение двенадцати ведьм и четырех колдунов в Эдинбурге. Леди Глэмис, сестра графа Ангуса из рода Дугласов, обвиненная в заговоре на смерть короля аналогичным образом, была предана смерти в 1537 году. Как и в Англии, в делах герцогини Глостерской и других преступление представляется скорее дополнением к основному обвинению, чем самим обвинением; оно скорее политическое, чем народное. Протестантская Шотландия заслужила репутацию одной из самых суеверных стран Европы.

В 1541 году в Англии были приняты два парламентских акта - первое вмешательство парламента в дела этого королевства - против ложных предсказаний, заговоров, колдовства, чародейства, срывания крестов; преступления, квалифицируемые как уголовные без помощи духовенства. Как последняя статья в списке, так и период (несколько лет после отделения от католического мира) указывают на действующие причины. Лорд Хангерфорд был недавно обезглавлен подозрительной тиранией Генриха VIII за то, что консультировал свою смерть с помощью колдовства. В преамбуле к статуту есть такие слова: "Люди, совершившие это, выкопали и снесли бесконечное количество крестов".⁹⁶ Новый глава английской церкви, если он и находил свой интерес в том, чтобы присвоить себе духовное главенство, то, как истинный деспот, не желал никаких революций, кроме тех, что были необходимы для его целей. Возможно, суеверное сожаление о старом учреждении, которое он по счастливому капризу покинул и впоследствии разграбил, побудило тирана, преследовавшего католиков за то, что они сомневались в его верховенстве, сжечь противников транссубстанции. Незадолго до этого постановления в Тайберне были повешены восемь человек, причем не столько за колдовство, сколько за неприятное пророчество. Элизабет Бартон, главную из них, подстрекали произнести как откровение, что если король продолжит развод и женится на другой жене, то он не будет королем ни месяца дольше, а в оценке Всемогущего Бога ни часа дольше, но умрет смертью злодея. Кентская дева вместе со своими сообщниками - Ричардом Мартином, пастором прихода Олдингтон, доктором Бокингом, каноником церкви Христа в Кентербери, Дирином, Генри Голдом, пастором в Лондоне, Хью Ричем, монахом, и другими - предстала перед Звездной палатой и была приговорена стоять в соборе Святого Павла во время проповеди; впоследствии большинство из них было казнено. В "Статьях о посещении" Кранмера в 1549 году духовенству предписывается: "Вы должны выяснить, не знаете ли вы кого-нибудь, кто использует чары, колдовство, чары, колдовство, прорицание или любое другое подобное ремесло, придуманное дьяволом".

⁹⁶ *Исторический очерк* Хатчисона о колдовстве. Автор, ординарный капеллан Георга I, опубликовал свою книгу в 1718 году. Стоит отметить более холодный скептицизм ганноверского капеллана по сравнению с несомненной верой его предшественника, доктора Гланвила.

Во время коротких правлений Эдуарда VI и Марии I в Англии не происходит никаких заметных испытаний. Что касается последнего монарха, то королева и ее епископы были слишком поглощены неотложными делами по сожжению за реальное преступление ереси, чтобы сильно беспокоиться о раскрытии сопутствующих преступлений дьяволопоклонничества.⁹⁷ Беспристрастный суд может решить, что суеверие, ли оно направлено на защиту догм католицизма или колдовства, в равной степени презренно и пагубно.

⁹⁷ В соответствии с распространенным предрассудком, который выбирает определенные исторические личности для народного и особого почитания или презрения, и приписывает им, как если бы они были эксцентриками, а не примерами эпохи, все исключительные

добродетели или пороки, "Кровавая королева" была заклеена, и до сих пор рассматривается, как *необыкновенное* чудовище, способное на любое бесчеловечное преступление - предрассудок скорее популярный, чем философский, поскольку опыт учит, что деспоты, не сдерживаемые ни страхом, ни разумом, ни совестью, являются лишь примерами, в высшей степени характерными, и олицетворением худших пороков (если не лучших добродетелей) своего времени. Рассматриваемая с этой точки зрения, Мария I представляется примером и олицетворением религиозной нетерпимости католицизма и эпохи, так же как Кромвель - патриотических и пуританских настроений первой половины, а Карл II - неприкрытой разнузданности последней половины семнадцатого века.

В год воцарения Елизаветы, 1558-й, Страйп ("Анналы Реформации", i. 8 и ii. 545) рассказывает, что епископ Джуэлл, проповедуя перед королевой, размышлял об опасных и ужасных результатах колдовства. "Возможно, вашей милости будет угодно, - публично провозгласил придворный англиканский прелат, - понять, что за последние несколько лет в королевстве вашей милости удивительным образом увеличилось число ведьм и колдунов. Подданные вашей светлости чахнут до самой смерти, их цвет тускнеет, их плоть гниет, их речь ослабевает, их чувства отнимаются. Молю Бога, чтобы они никогда не занимались практикой дальше, чем по теме". От себя епископ заявляет, что "эти глаза видели самые явные и очевидные следы их нечестия". Летописец добавляет, что это, несомненно, послужило поводом для внесения в следующий парламент билля о признании чародейства и колдовства уголовным преступлением; а под 1578 годом нам сообщают, что, независимо от того, было ли это следствием магии или происходило от какой-то естественной причины, королева в течение некоторой части этого года испытывала сильные мучения *от боли в зубах*, так что не имела покоя несколько ночей и терпела очень сильные мучения днем и ночью. Статут 1562 года включает "причудливые и фантастические пророчества" (очень распространенный вид политических преступлений в ту эпоху) в категорию запрещенных искусств. С непривычной мягкостью он наказывал за первое осуждение всего лишь плетью.

Гонения на ведьм (которые не нуждались ни в каком законодательном акте) вспыхивали в разных частях страны; но они не проводились ни с такой частотой, ни с такой жестокостью, как в следующую эпоху, или как в Шотландии под руководством Якова VI. Ряд памфлетов без необходимости навязывал обязательную обязанность неустанно усердствовать в деле открытия и истребления.⁹⁸ Среди казней при правительстве Елизаветы особо следует отметить казнь женщины, повешенной в Баркинге в 1575 году; четырех в Абингдоне; трех в Челмсфорде; двух в Кембридже в 1579 году; нескольких приговоренных в Сент-Оситисе; нескольких в Дербишире и Стаффордшире. Одним из самых известных является дело в Уорбойсе, в Хантингдоншире, в 1593 году.

⁹⁸ Одно из этих дел, напечатанное в Лондоне, носило сенсационное название "Очень удивительное и странное чудо Божье, явленное одному голландцу, 23 лет от роду, который был одержим десятью дьяволами и, по могущественному Божьему промыслу, вновь лишился их 27 января прошлого, 1572 года". В другом, посвященном лорду Дарси, написанном У. У. в 1582 году, говорится, что все эти пытки, используемые повсеместно, "слишком легки, а их суровость слишком мягка; и в этом отношении он (памфлетист) дерзко восклицает против наших магистратов, которые допускают, чтобы их только вешали, когда *так используются мучители и такие злодеи, которые не заслуживают и сотой части своего наказания*".

Автор "Открытия" рассказывает о факте, который попал под его личное наблюдение: это хороший пример тривиального происхождения и удобства такого рода обвинений. На судебном процессе, состоявшемся в Рочестере в 1581 году, некая Маргарет Саймонс, жена Джона Саймонса из Бренчли в Кенте, была обвинена в колдовстве по наущению и жалобе

различных пристрастных и злонамеренных лиц, и особенно с помощью Джона Фаррала, викария того прихода, с которым я говорил об этом деле и обнаружил, что он одновременно увлечен делом и завистливо склонен к ней, и, что еще хуже, так же не в состоянии хорошо объяснить свою веру, как и она, которую он обвинял. Обвинение, которое он возложил на бедную женщину, заключалось в следующем. Его сын, будучи непоседливым мальчиком и учеником некоего Роберта Скотчфорда, суконщика, жившего в том приходе Бренчли, в один из дней проходил мимо ее дома; случайно ее маленькая собачка залаяла, и мальчик, приняв это за зло, выхватил свой нож и преследовал его до самой ее двери, которую она упрекала такими словами, что мальчик презирал ее, но все же долго не мог уговорить ее уйти. Наконец он вернулся в дом своего хозяина и через пять-шесть дней заболел. Тогда вспомнили о поединке между собакой и мальчиком: викарий (который считал себя настолько привилегированным, что мало верил в то, что Бог посетит его детей болезнью) так рассчитал, что обнаружил, частично по собственному разумению, а частично (как он сам мне сказал) по рассказам других ведьм, что его сын был околдован ею. Да, он сказал мне, что его сын, будучи, как бы, уже не исцеленным, получил совершенное здоровье от рук другой ведьмы". Не удовлетворившись этим обвинением, викарий "продолжил обвинять ее еще больше, утверждая, что всегда в его приходской церкви, когда он желал читать наиболее отчетливо, его голос так подводил его, что его почти не было слышно: что он мог приписать, по его словам, ничему другому, как ее чарам. Когда я сообщил об этом бедной женщине, желая услышать, что она может сказать сама, она сказала мне, что голос его действительно подводит, особенно когда он напрягается, чтобы говорить громче всех. Однако, по ее словам, в любое время его голос был хриплым и низким; я понял, что это правда. Но, сэр, сказала она, вы должны понять, что этот наш викарий болен такой хрипотой, в которой не так давно сомневались многие наши соседи в этом приходе... и в связи с этим категорически отказался общаться с ним до тех пор, пока (как ему было предписано ординарием) не привезет из Лондона свидетельство от двух врачей, что его охриплость вызвана болезнью легких; это свидетельство он опубликовал в церкви в присутствии всех прихожан: и таким образом он был излечен, вернее, избавлен от позора этой болезни. И это, - подтверждает рассказчик, - я знаю точно, по рассказам многих честных людей из того прихода. И действительно, если бы один из присяжных не был мудрее других, ее бы осудили на основании этого и других столь же нелепых дел. Ибо имя ведьмы столь одиозно, а ее власти так боятся в простом народе, что если бы честнейшему из живущих довелось быть обвиненным по этому делу, она вряд ли избежала бы осуждения".

ГЛАВА III.

"Открытие колдовства", опубликованное в 1584 году - "De Præstigiis Dæmonum, &c." Виера - Ноде - Жан Боден - "De la Démonomanie des Sorciers", опубликованное в Париже в 1580 году - его авторитет - Нидер - дело ведьмы в Уорбойсе - доказательства, приведенные на суде - примечательно тем, что послужило началом учреждения ежегодной проповеди в Хантингдоне.

Через три года после этого случая доктор Реджинальд Скот опубликовал свое "Открытие колдовства, доказывающее, что общепринятые мнения о ведьмах, заключающих договоры с дьяволами, духами или их подручными, их силе убивать, мучить и поглощать тела мужчин, женщин и детей или других существ, вызывая болезни или иным способом, их полетах по воздуху и т. д. быть только воображаемыми, ошибочными концепциями и новинками: где

также заметно обнаруживается развратная, нехристианская практика колдунов над пожилыми, меланхоличными, невежественными и суеверными людьми, вымогающих признания нечеловеческими ужасами и пытками".⁹⁹

⁹⁹ Упомянутое издание относится к 1654 году. Халлам высоко оценивает автора - "солидный и ученый человек, превосходящий почти всех англичан той эпохи" ("*Введение в литературу Европы XV, XVI и XVII веков*").

Этот труд состоит из шестнадцати книг, к которым прилагается трактат о дьяволах и духах, состоящий из тридцати четырех глав. В нем содержится бесконечное количество цитат или ссылок на труды тех, кого автор называет *колдунами*; несколько глав посвящены описательному каталогу известных чар и дьявольских обрядов самого экстравагантного рода. После воцарения Якова I, чья "Демонология" находилась в прямой оппозиции к "Открытию", книга была осуждена как чудовищно еретическая; все экземпляры, какие только можно было собрать, были торжественно преданы огню. Поэтому это достойное и любопытное произведение теперь малоизвестно.

К нему прилагается посвятительное послание, адресованное его любящему другу, господину доктору Колдуэллу, декану Рочестера, и господину доктору Ридману, архидиакону Кентерберийскому, в котором автор безапелляционно заявляет: "О господин архидиакон, разве не жаль, что то, о чем говорится, что оно совершается всемогущей силой Всевышнего Бога и нашим Спасителем, Его Единородным Сыном Иисусом Христом, Господом нашим, должно быть отнесено к кивку или желанию старухи с мешком? Добрый сэръ, не является ли явным идолопоклонством то, что трудящиеся и обремененные приходят к ведьмам, чтобы освежиться? Если бы ведьмы могли помочь тем, кого они, как говорят, сделали больными, я не вижу причин, почему бы не требовать от них лекарств, как требуют кошельки от того, кто его украл. Но поистине явное идолопоклонство - просить у существа то, что не может дать никто, кроме Творца. У папистов есть некоторые краски Писания, чтобы поддержать своего идола хлеба, но никакие иезуитские различия не могут прикрыть идолопоклонство колдунов в этом отношении. Увы! Мне стыдно и горько видеть, как умирают многие, которые, будучи околдованными, ищут только магические средства лечения тех, кого выздоровили бы здоровая диета и хорошие лекарства".¹⁰⁰ Высказывание мужества и здравого смысла, одинаково редкое и бесполезное. Реджинальд Скот, возможно, самый смелый из ранних обличителей колдовства, все же был убежден в реальности призрачных явлений.

¹⁰⁰ В эпоху, когда *магические* силы пара и электричества еще не были открыты, он мог бы привести убедительный аргумент: "Добрый мистер Дин, возможно ли, чтобы человек нарушил свой пост с вами в Рочестере, а в тот же день обедал в Дареме у мастера доктора Мэтью?".

Иоганн Виерус, врач герцога Клевского и ученик известного Корнелия Агриппы (которого самого обвиняли в приверженности к черному искусству), в 1563 году произвел большую сенсацию, напад на общепринятые мнения, не подвергая, однако, сомнению принципы этого суеверия, в своей работе "*De Præstigiis Dæmonum Incantationibus et Veneficiis*". Его здравый смысл не так ясен, как у англичанина. Еще одно имя, запомнившееся среди защитников Разума и Гуманности, - Габриэль Науде. Он родился в Париже в 1600 году; занимался врачебной практикой, пользовался большой репутацией, был библиотекарем последовательно у кардиналов Ришелье и Мазарина, а также у шведской королевы Кристины. Его книга "Апология великих людей, обвиненных в магии", опубликованная в Париже в 1625 году, была воспринята церковью с большим негодованием. Некоторые другие, как на континенте, так и в Англии, через определенные промежутки времени своими

протестами доказывали, что несколько искр разума, которые трудно обнаружить в густом мраке суеверия, остаются непогашенными; но они не смогли остановить поток все возрастающей жестокости и объема.

Можно привести более подробный список поборников ортодоксии и демонологии; достаточно перечислить наиболее известные имена - Шпренгер, Нидер, Боден, Дель Рио, Джеймс VI, Гланвиль, которые составили или написали подробные трактаты на эту тему; кроме того, целая туча свидетелей прямо или случайно заявляла о несомненной подлинности всех актов, явлений и обстоятельств дьявольского культа; громко и яростно обличала "проклятую неверность" раскольников - что само по себе доказывало их собственное соучастие. Жан Боден, французский юрист и автор уважаемого трактата "О республике", был одним из самых больших авторитетов на стороне ортодоксов. Его публикация "*De la Démomanie des Sorciers*" появилась в Париже в 1580 году: на это его подвигло то, что он стал свидетелем некоторых из ежедневно происходящих судебных процессов. Вместо того, чтобы убедиться в их глупости, он был или пытался убедиться в их истинности и серьезно подошел к задаче публикации миру своих собственных наблюдений и убеждений.

Одним из самых удивительных фактов во всей истории колдовства является невосприимчивость или безразличие даже ученых, а значит, и наблюдательных людей, к очевидному происхождению большей части полученных признаний; признаний такого рода, которые могли быть результатом только пыток, безумия или какой-то другой столь же очевидной причины. Однако сам Боден в достаточной мере объясняет этот факт и раскрывает тайну. Суд над этим преступлением, - заявляет он, - не должен проводиться так, как над другими преступлениями. Тот, кто придерживается обычного хода правосудия, извращает дух закона, как божественного, так и человеческого. Тот, кого обвиняют в колдовстве, *никогда не должен быть оправдан, если только злой умысел обвинителя не яснее солнца*; ибо так трудно представить полное доказательство этого тайного преступления, что из миллиона ведьм *ни одна не была бы осуждена, если бы следовали обычному порядку*".¹⁰¹ Он рассказывает о старой женщине, приговоренной к костру после того, как она призналась, что перенесла субботу в бесчувственном состоянии. Судьи, желая узнать, как это было сделано, освободили ее от оков, когда она натерла себе различные части тела приготовленным средством и вскоре стала бесчувственной, жесткой и, по-видимому, мертвой. Пробыв в таком состоянии пять часов, ведьма внезапно ожила, рассказав трепещущим инквизиторам ряд необычных вещей, доказывающих, что она, должно быть, была *духовно* перенесена в далекие края.¹⁰² Одним из ранних защитников ортодоксального направления был швейцарский монах Нидер, написавший труд под названием "*Formicarium*" ("*Муравейник*") о различных грехах против религии. Один из разделов посвящен рассмотрению колдовства. Нидер был одним из инквизиторов, отличившихся своим успешным рвением в начале века.

¹⁰¹ Однако юрист, изложивший такую максиму, как эта, был отмечен необычной либеральностью чувств в религиозных и политических вопросах, а также своей образованностью. Дугалд Стюарт высоко оценивает "либеральные и умеренные взгляды этого философского политика", как показано в трактате *De la République*, и утверждает, что не знает "ни одного политического писателя того же времени, чья обширная, разнообразная и разборчивая литература, как мне кажется, внесла бы больший вклад в облегчение и направление исследований его преемников, или чьи ссылки на древние знания чаще переписывались без признания". Бейль считал его "одним из самых способных людей, появившихся во Франции в шестнадцатом веке". Диссертация первая в Британской

энциклопедии. Халлам (*Введение в литературу Европы*) занимает несколько своих страниц в обзоре трудов Бодена. Жан Боден, однако, по свидетельству его друга де Ту, сам не избежал подозрений в еретичестве.

102 В колдовстве (как и в таинстве причастия) было много сомнений и споров, не может ли быть просто *духовного* (без *реального телесного*) присутствия в субботу. Каждый решал в зависимости от степени своей ортодоксальности.

Швейцарские ведьмы, как и старые итальянские *lavræ* и большинство сестер, проявляют необычайную привязанность к крови новорожденных некрещеных младенцев; и очень хотят убить их до того, как обряд превенции будет безвозвратно проведен; ведь тела некрещеных детей были почти незаменимы в приготовлениях ведьм. После погребения их трупы выкапывают из могил и уносят на место сбора, где их варят, чтобы получить жир для приготовления мазей. 103 Жидкость, в которой они варятся, тщательно сохраняется, и тот, кто попробует ее, сразу же посвящается во все тайны колдовства. Одна ведьма, подвергнутая суду папской комиссии, составившей "Маллеус", свидетельствует о распространенности этой практики: "Мы подстерегаем детей. Их часто находят мертвыми их родители, и простые люди верят, что они сами наложили на себя руки или что они умерли от естественных причин; но это мы их уничтожили. Мы вынимаем их из могилы и кипятим с известью, пока вся плоть не отделится от костей и не превратится в единую массу. Из твердой части мы делаем мазь и наполняем жидкостью бутылку, и тот, кто выпьет ее с должными церемониями, принадлежит к нашей лиге и уже способен околдовывать". Палец задушенного при рождении младенца" - один из ингредиентов широко собранной композиции ведьм из "Макбета" .

103 Эта практика не совсем потеряла свою актуальность в наши дни, если верить заявлению в *Courrier du Havre* (цитируется по газете *The Times* от 7 ноября 1864 года), что недавно труп старой женщины был выкопан человеком, живущим по соседству с *Hâvre*, с целью получения жира и т. д. в качестве профилактического талисмана от колдовства.

Дело в Уорбойсе, связанное с известной семьей и вызвавшее необычный интерес, было рассмотрено в 1593 году. Деревня Уорбойс, или Варбуа, расположена по соседству с Хантингдоном. Одним из самых влиятельных жителей был респектабельный джентльмен Роберт Трогмортон, который находился в дружеских отношениях с Кромвеллями из Хитчинбрука и лордом поместья сэром Генри Кромвелем. Трое преступников - старик Сэмюэл, его жена, и Агнес Сэмюэл, их дочь, были судимы и осуждены мистером судьей Феннером за околдовывание пятерых детей мистера Трогмортон, семи слуг, леди Кромвель и других людей. Отец и дочь до последнего отстаивали свою невиновность; старуха призналась. Факт, который делает это дело еще более примечательным, заключается в том, что на сорок фунтов, вымороченных у него, как у лорда поместья, из имущества осужденных, сэр Сэмюэл Кромвель основал ежегодную проповедь или лекцию о грехе колдовства, которая должна была читаться в их городе каждый женский день доктором или бакалавром богословия из Кембриджского королевского колледжа; Сумма в сорок фунтов была доверена мэру и олдерменам Хантингдона, чтобы ежегодно выплачивать избранному проповеднику арендную плату в размере сорока шиллингов. Эта лекция, говорит доктор Фрэнсис Хатчисон, продолжается и по сей день - 1718 год.

За четыре года до этого важного судебного разбирательства Джейн Трогмортон, девочка десяти лет, впервые внезапно подверглась странным судорожным припадкам, которые продолжались ежедневно и даже несколько раз в день, без перерыва. Однажды, вскоре

после первого приступа, матушка Сэмюэль, войдя в дом Трогмортон, присела, как обычно, в углу дымохода рядом с ребенком, который как раз оправлялся от одного из приступов. Девочка не успела заметить ее, как начала кричать, указывая на старуху: "Вы когда-нибудь видели более похожую на ведьму, чем она? Снимите с нее колпак с черными пальцами, мне невыносимо на нее смотреть". Болезнь усиливалась, и они отправились в Кембридж, чтобы проконсультироваться с доктором Барроу, опытным врачом в этом городе; но он не смог обнаружить никакой естественной болезни. Через месяц другие дети заболели аналогичным образом, и их убедили в виновности матери Сэмюэль. Растущие подозрения родителей, высказанные врачами, подтвердились, когда нападению подверглись и слуги. Примерно в середине марта 1590 года леди Кромвель прибыла с визитом к Трогмортон и, будучи сильно обеспокоенной страданиями пациентов, послала за подозреваемой, которую обвинила в том, что она является злонамеренной причиной. Поскольку все уговоры оказались бесполезными, леди Кромвель внезапно и неожиданно отрезала локон волос ведьмы (мощный контрчарм), в то же время тайно передав его в руки миссис Трогмортон и попросив ее сжечь его. Возмущенная, обвиняемая обратилась к даме: "Мадам, зачем вы меня так используете? Я никогда не делал вам ничего плохого", - вспомнились впоследствии эти слова. В ту ночь, - говорится в рассказе, - миледи Кромвель была внезапно потревожена во сне котом, которого ей прислала матушка С., который предложил содрать кожу и плоть с ее костей и рук. Борьба между кошкой и леди была так велика в ее постели в ту ночь, и она подняла такой ужасный шум, что разбудила свою соседку миссис К. Был ли это, "как полагает некий зевака", ночной кошмар (своего рода инкуб, пугавший расстроенное воображение древних) или какой-то более существенный объект, потревоживший покой леди, решать не стоит; но на следующий день леди Кромвель слегла с неизлечимой болезнью. Упорно сопротивляясь всем угрозам и обещаниям, предполагаемая ведьма была в конце концов вынуждена произнести заклинание экзорцизма, после чего страдальцы были немедленно избавлены от недуга. На следующий день, в канун Рождества и субботу, доктор Донингтон [викарий прихода] выбрал текст о покаянии из *Псалтири* и, сообщив собранию о ее исповеди, направил свою речь главным образом к этой цели, чтобы утешить кающееся сердце, чтобы это могло повлиять на нее. Все время проповеди матушка С. плакала и сетовала, и часто так громко выражала свои страсти, что притягивала к себе взгляды собравшихся". На следующий день, к большому разочарованию соседей, она отказалась от своего прежнего признания, заявив, что это было сделано от удивления, когда она обнаружила, что ее экзорцизм облегчил состояние ребенка, и не осознавала, что говорит.

После этого дело было передано епископу Линкольна. Теперь, сильно встревоженная, старуха вновь заявила, что она действительно ведьма, что у нее несколько духов (из девяти можно перечислить фантастические имена Pluck, Hardname, Catch, Smack, Blew), один из которых имел обыкновение являться в виде курицы и сосать ее подбородок. После этого добровольного признания мать и дочери были помещены в Хантингдонскую тюрьму. Из одержимых Джейн Трогмортон, похоже, была наиболее знакома с демонами. ¹⁰⁴

¹⁰⁴ Приведенные ниже бредни об эпилепсии или каком-либо другом расстройстве девушки являются частью показаний доктора Донингтона, священнослужителя этого города, и могут быть приняты в качестве серьезного доказательства в суде. Они послужат примером для остальных. Девушка и дух, известный как *Ловчий*, участвуют в маленькой приключенческой игре. После ужина, как только родители встали, она снова впала в тот же припадок, что и раньше, а затем потеряла сознание, и через некоторое время, открыв рот, сказала: "Это будет продолжаться вечно? Надеюсь, когда-нибудь станет лучше. Откуда ты взялся, Ловчий, хромой? Надеюсь, ты встретил свою пару". Ловчий ответил, что они со Смаком подрались и Смак сломал ему ногу. Она сказала: "Этот Смак - проницательный парень; хотела бы я его

увидеть. Вчера вечером Плак пришел с разбитой головой, а теперь ты сломал ногу. Надеюсь, он сломает вам обоим шеи, прежде чем покончит с вами". Ловчий ответил, что поквитается с ним еще до того, как покончит с ним. Тогда она сказала: "Выстави другую ногу и посмотри, смогу ли я сломать ее", - держа в руке палку. Дух сказал ей, что она не может ударить его. "Разве я не могу тебя ударить?" - сказала она; "Давай я попробую". Тогда дух выставил ногу, и она легко подняла палку и внезапно ударила ею о землю..... Так она несколько раз пыталась ударить духа, но он, как она говорила, перепрыгивал через палку, как шаканапс. После многих таких фокусов дух ушел, и она вышла из припадка, продолжая всю ту ночь и следующий день очень сильно болеть и испытывать боль в ногах".

Сессия в Хантингдоне началась 4 апреля 1593 года, когда трое Сэмюэлов предстали перед судом; и вышеупомянутые обвинения, а также многие другие подобного рода, были повторены: в обвинительных заключениях были указаны конкретные преступления против детей и слуг Трогмортон, а также "околдовывание до смерти" леди Кромвель. Большое жюри сразу же признало обвинение верным, и они предстали перед судом. После того как была прослушана масса бессмыслицы, "судья, судьи и присяжные заявили, что дело очевидно, и их совесть полностью удовлетворена тем, что упомянутые ведьмы виновны и заслуживают смерти". Когда был оглашен смертный приговор, шестидесятилетняя старуха в знак протеста против приговора заявила, что она была с ребенком, что вызвало лишь издевательский смех в суде. Муж и дочь до последнего отстаивали свою невиновность. Все трое были повешены. С момента казни, как нас уверяют, дети Роберта Трогмортон навсегда избавились от всех своих страданий. Таковы, вкратце, обстоятельства дела о ведьмах, которое привело к отправке на виселицу трех безобидных несчастных, а также к основанию ежегодной проповеди, увековечившей память о незаконном поступке и невозможном преступлении. Можно предположить, что проповедь, как и другие подобные сохранившиеся институты, была сохранена в восемнадцатом веке скорее для пользы избранного проповедника, чем для народа.

ГЛАВА IV.

Астрология в древности - Современная астрология и алхимия - Торральво - Приключения доктора Ди и Эдварда Келли - Просперо и Комус - Типы теургического и гоэтического искусств - Маги на сцене в XVI веке - Оккультные науки в Южной Европе - Причины неизбежных ошибок донаучных веков.

Более благородные искусства магии, астрологии, алхимии, некромантии и т. д. были одинаково популярны в этот век, как и собственно inferнальные искусства. Но они пользовались большим уважением. Профессоров этих искусств с большим рвением искали самые высокопоставленные особы и часто щедро вознаграждали. В древности астрология была специфически восточной по своему происхождению и практике. Египтяне, и особенно халдеи, завезли это чужеземное искусство на Запад среди греков и итальянцев; арабы возродили его в Западной Европе в Средние века. Во времена ранней Римской империи халдейское искусство пользовалось значительным влиянием и репутацией, хотя часто подвергалось внезапным гонениям. Августу помогли взойти на трон, а Северус выбрал себе жену с его помощью. После того как астрология прочно обосновалась на Западе, ¹⁰⁵ восточная астрология была вскоре развита и приведена к более регулярной системе; в XVI и XVII веках Ди и Лилли пользовались большей репутацией, чем даже Фигулус или Фрасиллий в

первом веке. Королева Елизавета и Екатерина ди Медичи (две самые проницательные особы своего века) покровительствовали им. Доктор Ди в Англии и Нострадамус во Франции принадлежали к этому классу. Доктор Кайус, третий основатель колледжа, до сих пор носящего его имя в Кембриджском университете, Келли, Эшмоул и Лилли - известные имена в астрологической истории этого периода. Торральво, р чья слава воздушного путешественника увековечена Сервантесом в "Дон Кихоте", был таким же великим магом в Испании и Италии, как Ди в Англии, хотя и не так хорошо знаком английским читателям, как их соотечественник, ставленник Елизаветы. Его магические способности также не были так хорошо вознаграждены. Доктор Торральво, врач, с необычайным успехом изучал медицину и философию и пользовался доверием многих выдающихся личностей Испании и Италии, которым он предсказывал будущие успехи. Будучи убежденным неверным или вольнодумцем, он был донесен инквизицию из-за предательства одного из соратников как отрицающий или оспаривающий бессмертие души, а также божественность Христа. Это произошло в 1529 году. Подвергнутый пыткам Торральво признал, что его дух-информатор, Зекиэль, был демоном, с помощью которого он совершал свои воздушные путешествия и все свои необыкновенные подвиги, как пророческие, так и реальные. Некоторую часть суровости пыток смягчил своевременный ответ демона на любопытство председательствующих инквизиторов, что Лютер и реформаторы были плохими и хитрыми людьми. Торральво, похоже, избежал крайней меры наказания в виде костра, отказавшись от своей ереси, подчинившись высшему суду своих тюремщиков, а еще больше - интересам своих влиятельных работодателей; и вскоре после этого он был освобожден.

105 Распространению и развитию астрологии в последние два века перед Империей в Греции и Италии способствовали главным образом четыре следующие причины: ее сходство с метеорологической астрологией греков; вера в превращение душ людей в звезды; прекращение действия оракулов; вера в гения-покровителя.

Жизнь доктора Ди, выдающегося математика из Кембриджа, и его соратника Эдварда Келли представляет собой любопытную биографию. Ди родился в 1527 году. Он учился в английских и иностранных университетах с большим успехом и оvationами; когда принцесса Елизавета была еще совсем юной, он приобрел ее дружбу, которую поддерживал частой перепиской, а при вступлении на престол королева проявила свою добрую волю особым образом. Джон Ди оставил потомкам дневник, в который регулярно вставлял отчеты о своих фокусах, пророческих предчувствиях и магических ресурсах. Несмотря на математические способности, он был обманут своим хитрым подчиненным - скорее, плутом, чем хозяином. В 1583 году польский принц Альберт Ласки, посетив английский двор, часто бывал в обществе знаменитого астролога, который посвятил его в секреты этого искусства и предсказал, что в будущем он станет средством важной революции в Европе. Астрологи странствовали по всей Германии, то благосклонно принимая доверчивых, то с позором изгоняя возмущенных разочарованием покровителей.**106** Ди вернулся в Англию в 1589 году и, наконец, был назначен смотрителем колледжа в Манчестере. В правление Якова он был хорошо принят при дворе, его репутация как мага росла, и в 1604 году он представил королю петицию, в которой просил его оказать добрые услуги, чтобы избавиться от вредного обвинения в том, что он "фокусник, или вызыватель, или заклинатель дьяволов". Лилли, самый знаменитый маг XVII века в Англии, пользовался высочайшей репутацией во время гражданских войн: его пророческих услуг с одинаковым трепетом искали роялисты и патриоты, король и парламент.**107** Иногда профессор оккультных наук мог быть сам себе дурак: чаще он навязывал и спекулировал на легковереии других.

106 Во время путешествия по Богемии, в один из случаев, было открыто, что Богу угодно, чтобы у двух друзей были общие жены; этот эпизод отмечен в дневнике Ди. В воскресенье, 3 мая 1587 года, я, Джон Ди, Эдвард Келли и две наши жены, заключили завет с Богом и подписались под тем, что сохраним неразрывное единство, милосердие и дружбу между нами четырьмя, и все вещи между нами будут общими, как Бог различными способами пожелал нам сделать". Этот вид вдохновения часто встречается в религиозных откровениях, начиная со времен арабских и заканчивая временами американских пророков.

107 Уильям Лилли написал историю своей жизни и времени. Его умение приспособить свои пророчества к переменчивым шансам войны делает ему значительную честь как пророку.

Просперо - тип теургического, как Комус - гоэтического, мага. Его духовный служитель принадлежит к ордену добрых или, по крайней мере, средних духов.

"Слишком черный для небес, но слишком белый для ада". **108**

108 Освобожденный своим новым повелителем от колдовских чар "проклятой ведьмы Сикораксы", он с благодарностью, хотя и с некоторой усталостью, приходит, чтобы ответить на его "блаженное желание; летать, плавать, нырять в огонь, скакать на кудрявых облаках" и т. д.

Просперо с помощью непреодолимой магии подчинил себе не желающего служить Калибана, чудовище, "созданное самим дьяволом на его злой плотине", но этот полудемон превратился в простого грузного зверя, жестокого и дикого, не имеющего почти ничего от духовной сущности своего родителя-мужчины. Комус, как он представлен в этой прекраснейшей драме гения Мильтона, скорее классический, чем христианский: он истинный сын Цирцеи, использующий метод зачарования своей матери, превращая своих неосторожных жертв в различные формы или лица звериного стада. Как островной маг без своего волшебного одеяния, злой чародей без своего жезла теряет свою колдовскую силу; и...

'без своего жезла',
и без его жезла, обращенного вспять, и без его бормотания о рассеивающей силе".

невозможно околдовать его пленников.

В шестнадцатом веке появилось множество удивительных историй о потрясающих подвигах магов. Те из них, что связаны с жизнью Бэкона и Фауста (немецкого происхождения), были наиболее известны в Англии, а в драматической форме были представлены на сцене. Комедия "Монах Бэкон и монах Бангей" и трагедия "Жизнь и смерть доктора Фаустуса" - пожалуй, самые почитаемые из драматических произведений эпохи, предшествовавшей появлению Шекспира. В последнем произведении Фаустус заключает договор с дьяволом, по которому знакомый дух и сверхъестественное искусство даруются ему на двадцать четыре года. По истечении этого срока его душа должна стать наградой демонам. **109** Из "Фаустуса" Кристофера Марлоу Гете почерпнул название и идею самой знаменитой трагедии наших дней.

109 Сознывая приближение своей участи, трепещущий маг отвечает на тревожные расспросы окружающих его учеников: "За тщетное удовольствие четырех и двадцати лет Фаустус лишился вечной радости и счастья. Я написал им вексель своей кровью; срок истек; вот время, и он придет за мной". Первый ученый: "Почему Фаустус не сказал нам об этом

раньше, чтобы прорицатели могли помолиться за тебя?" Фауст: "Много раз я думал сделать это, но дьявол угрожал разорвать меня на куски, если я назову Бога; он заберет мои тело и душу, если я хоть раз обращусь к божеству. А теперь уже слишком поздно". Когда страшный момент быстро приближается, доктор Фаустус, ортодоксальный в вопросе о продолжительности будущего наказания, в агонии восклицает.

"О! Если душа моя должна страдать за мой грех,
Положите конец моей непрекращающейся боли".
Пусть Фаустус проживет в аду тысячу лет.
Сто тысяч, и в конце концов будет спасен:
Нет конца проклятым душам.
Почему ты не был существом, лишенным души?
О, почему бессмертен ты?" и т. д.

Мефистофель, стоит ли добавлять, был верен своей репутации пунктуального человека. Пьеса *"Монах Бэкон и монах Бангей"* примечательна тем, что это одна из последних драматических пьес, в которой дьявол появляется на сцене в своем собственном обличье - 1591. Примечательно также, что он - единственный персонаж Священного Писания в новой форме пьесы, сохранившийся из чудес, восхищавших зрителей в XV веке, которые были одновременно назидательны и удовлетворены телесными наказаниями, наложенными на его заступническую спину.

Магия и некромантические способности были признаны и в Южной Европе. Итальянские поэты использовали столь внушительную атрибутику при создании эпоса, а Сервантес высмеял преобладающую веру своих соотечественников.¹¹⁰

¹¹⁰ Флорентийский гравер Бенвенуто Челлини в своей забавной *"Автобиографии"* поражает читателей некромантическими чудесами, очевидцем которых он был. Челлини познакомился и влюбился в прекрасную сицилийку, с которой его внезапно разлучили. Он рассказывает со свойственной ему откровенностью и доверием: "В то время я предавался всевозможным удовольствиям и был занят другой любовью, чтобы отменить память о моей сицилийской любовнице. По ряду странных случайностей я познакомился с сицилийским священником, который был человеком гениальным и хорошо знал латинских и греческих авторов. Однажды мне случилось завести с ним разговор об искусстве некромантии, и я, имевший большое желание узнать что-нибудь об этом, сказал ему, что всю жизнь испытывал любопытство познакомиться с тайнами этого искусства. Священник ответил, что человек, приступающий к этому занятию, должен быть решительного и стойкого нрава". Так и произошло. Однажды ночью Челлини с товарищем, знакомым с черным искусством, отправился к священнику в Колизей, где тот, "согласно обычаю некромантии, начал рисовать на земле знаки с самыми впечатляющими церемониями, какие только можно себе представить; он также принес туда *асафетиду, несколько драгоценных духов и огонь, а также несколько составов, распространяющих неприятные запахи*". Хотя несколько легионов дьяволов повиновались призыву заклинаний или композиций, колдовские обряды не увенчались полным успехом. Но на следующую ночь "некромант, начав произносить свои грандиозные заклинания, назвал по именам множество демонов, которые были предводителями нескольких легионов, и призвал их добродетелью и силой вечного несотворенного Бога, который живет вечно, так что амфитеатр почти в одно мгновение наполнился демонами в сто раз более многочисленными, чем при прежнем заклинании... Я, по указанию некроманта, вновь пожелал оказаться в обществе моей Анжелики. Тогда тот, обратившись ко мне, сказал: "Знай, что они объявили, что через месяц ты будешь в ее

обществе". Затем он попросил меня решительно стоять рядом с ним, потому что легион теперь был на тысячу человек больше, чем он предполагал; кроме того, они были самыми опасными, так что после того, как они ответят на мой вопрос, ему следовало быть вежливым с ними и спокойно отпустить их". Адские легионы было легче вызвать, чем уволить. Он продолжает: "Хотя я был напуган не меньше, чем любой из них, я сделал все возможное, чтобы скрыть ужас, который я испытывал; таким образом, я в значительной степени способствовал тому, чтобы внушить остальным решимость. Но по правде говоря, - бесхитростно признается влюбленный художник, - я выдал себя за мертвеца, видя, в каком ужасном испуге находился некромант" - *Autobiography of Benvenuto Cellini*, chap. xiii., Roscoe's translate. - Информация подтвердилась, и Бенвенуто наслаждался обществом своей любовницы в предсказанное время.

Алхимия, наука о превращении низких металлов в золото, занятие, которое занимало беспокойные мысли и тратило здоровье, время и состояние многих фанатичных эмпириков, была одним из самых ценных заумных *окультурных* искусств. Монархи, принцы, вельможи всех стран охотно поощряли обещаниями, а иногда и более существенными стимулами рвение своих иллюзорных искателей; а Генрих IV Французский не видел причин, по которым, если хлеб и вино *транссубстанцировались* столь чудесным образом, металл не мог быть преобразован так же.¹¹¹

¹¹¹ Занятие гороскопами (старыми халдейскими *генетликами*), или теми, кто предсказывал судьбы людей по исследованию планеты, которая управляет натальным часом, было столь же модным, как и занятие любым другим из мастеров оккультных искусств; Лафонтен в конце семнадцатого века апострофирует это занятие:

"Шарлатаны, гадатели по гороскопу!
Бросьте курсы принцев Европы;
Emmenez avec vous les souffleurs tout d'un temps;
Vous ne méritez pas plus de foi.'....

Fables, ii. 13.

Но стоит только вспомнить имя Калиостро (Бальзамо) и других, кто в XVIII веке мог успешно спекулировать на легковерии людей знатных и образованных, чтобы умерить наше удивление по поводу успеха прежних эмпириков.

Среди выдающихся имен самозваных или признанных мастеров благородной или белой магии, некоторые, как знаменитый Парацельс, были людьми необычайных достижений и в значительной степени знакомы с секретами естественных наук. Несовершенство знаний, естественное желание навязать невежественное удивление вульгарных людей и тщеславие учености, которая стремилась продемонстрировать, пусть и менее доходчиво, свое превосходство в знаниях, - вот, вероятно, те смешанные причины, которые заставили таких выдающихся ученых, как Парацельс, Корнелий Агриппа, Кардан и Кампанелла, нагрузить себя и своих читателей массой непонятного мусора и кабалистического мистицизма.¹¹² Как ни медленны и постепенны последовательные успехи в познании и совершенствовании человечества, не стоит удивляться тому, что предшествующие поколения не могли сразу достичь знаний зрелого века; и учителя человечества прокладывали свой темный и неопределенный путь в эпохи, лишенные просвещения современности".¹¹³

Кардан считал, что великие государства зависят
От кончика хвоста медведя".

достаточно верно выражает как убежденность публики, так и многих философов-диссидентов в тесной зависимости судеб как государств, так и отдельных людей этого земного шара от других шаров во Вселенной.

113 Не столько отсутствие достаточного наблюдения за известными фактами, сколько отсутствие истинного метода и проверки, что делало исследования ранних философов такими расплывчатыми и неопределенными. И те же причины, которые неизбежно помешали Аристотелю, величайшему интеллекту, возможно, когда-либо освещавшему мир, достичь большего совершенства современной философии, в большей степени применимы к случаю средневековых и более поздних первооткрывателей. Причины неудачи донаучного мира хорошо изложены одним из ныне живущих писателей. Люди не могут или, по крайней мере, не хотят ждать запоздалых результатов открытий; они не будут сидеть в зачатом невежестве. Воображение восполняет недостатки наблюдения. Теоретическая арка перебрасывается через пропасть, потому что люди не желают ждать, пока будет построен прочный мост..... Ранние мыслители, в силу самого великопия своих способностей, были не менее некомпетентны, чтобы следовать медленным процессам научного исследования, чем племя воинственных дикарей, чтобы принять стратегию и дисциплину современных армий. Для их помощи не существовало ни накопленных законов, ни отработанных методов. Элементарные законы в каждом отделе в большинстве случаев оставались незамеченными". Проводником знаний является проверка. Сложность явлений - это лабиринт, пути которого пересекаются и перекрещиваются; один неверный поворот приводит странника в бесконечное недоумение. Верификация - это нить Ариадны, с помощью которой можно найти истинные проблемы. К несчастью, процесс проверки медленный, утомительный, часто трудный и обманчивый; а мы по природе своей ленивы и нетерпеливы, ненавидим труд, жаждем получить. Отсюда - легковерие. Мы принимаем факты без проверки, умозаключения без доказательств; и мы поддаемся нашей склонности верить, что порядок явлений должен соответствовать нашим представлениям". Глубокая истина содержится в утверждении Конта (*Cours de Philosophie Positive*), что "люди все еще больше нуждаются в методе, чем в доктрине, в образовании, чем в наставлении" - *Аристотель*, автор G. H. Lewes.

ГЛАВА V.

Колдовство в Южной Европе - Причина сохранения демонологического вероучения среди протестантских сект - Кальвинисты, наиболее фанатичные из реформатских церквей - Колдовство санкционировано в авторизованной версии Священного Писания - Акт о ведьмах 1604 года - Иаков VI. 'Demonologie' - Ликантропия и казни во Франции - Французские провинциальные парламенты активно принимают законы против различных колдовских практик - Колдовство в Пиренеях - Назначенная комиссия по расследованию - Результаты - Демонология в Испании.

В летописи черной магии молчаливые трибуналы инквизиции в Южной Европе, которая отправила столько тысяч еретиков в пыточные и на костер, не показывают такого количества судебных процессов по простому преступлению колдовства, как трибуналы более северных народов: Там считалось, что любое несогласие с католическими и священническими догмами внушается адскими силами и заслуживает общего наказания, будь то отрицание

транссубстанции, непогрешимости, мастерства в магии или вульгарной практики колдовства. По всей Европе постоянно вводились наказания и судебные преследования. Папы в Италии оглашали свои декреты, а парламенты Франции почти ежедневно выносили приговоры.

Там, где папское иго было сброшено в Северной Германии, в Шотландии и в Англии, вера и преследования оставались в полной силе, более того, значительно усиливались; и вполне очевидно, что следует задаться вопросом о причинах сохранения, с многочисленными дополнениями, доктрины колдовства теми, кто, наконец, с презрением отверг большинство грубых религиозных догм старой церкви, кто так громко осуждал тиранию и суеверие католиков. На это можно ответить, что Реформация XVI века, хотя и уничтожила в тех странах, где она была проведена, самые вредные принципы церковности, принципы непогрешимости и авторитета в вопросах веры, за разрушение которых следует благодарить независимые умы Лютера, Цвинглиуса и других, все же была далеко не полной в своих отрицаниях. Вожди этой великой революции, при всей их гениальности и смелости, смогли лишь частично освободиться от предрассудков воспитания и эпохи. Развивать установленные ими важные принципы, права частного суждения и религиозной свободы, было наследием и обязанностью их преемников; обязанностью, которую они не выполнили, к неисчислимому несчастью последующих поколений. Священное Писание, общий и единственный авторитет в вопросах веры для различных сект протестантизма, к сожалению, казалось, прививало страшную силу дьявола и его злобные цели, а иудейские и христианские Писания, очевидно, учили реальности колдовства. Теологи всех партий с одинаковой легкостью осмелились бы усомниться в существовании самого Бога, как и в реальной силе этого другого божества, а неверующих в его вселенское вмешательство небезосновательно клеймили как атеистов. У протестантов некоторые случайные обстоятельства могли сделать одну церковь более фанатичной и яростной, чем другую, и кальвинисты заслужили пальму первенства за самые жестокие преследования колдовства. Но ни лютеранская, ни англиканская часть не избежали этого одиозного обвинения.¹¹⁴

¹¹⁴ Господь Петр, его более скромные братья Мартин и Джек в разной степени подвержены этому обвинению; и Боссюэ (*Variations des Eglises Protestantes*, xi. 201), уверенный, что святой Павел предсказал "учения бесов", характерные для манихейской и альбигойской ереси, мог бы с большей уверенностью интерпретировать пророчество как применимое к универсальной христианской церкви (по крайней мере Западной Европы) шестнадцатого и семнадцатого веков.

Последователи Кальвина были наиболее глубоко проникнуты ненавистью и ужасом к католическим обычаям, и, перенимая старые предрассудки или политику своих противников, они были готовы смешать суеверные обряды католицизма с обрядами демонологии. Партия англиканской церкви, чьи принципы не были столь полностью противоположны старой религии, испытывала гораздо меньшую антипатию: до революции 1688 года она в основном боролась против свободы, а не против деспотизма совести; против кальвинизма, а не против католицизма. Тем не менее, Англиканская церковь подвергается упрекам в том, что она самым авторитетным образом санкционировала общепринятые мнения. В авторизованной версии Священного Писания, при переводе которой на английский язык сорок семь избранных богословов, выдающихся по положению и образованности, могли единодушно освятить вульгарное суеверие, была дана самая внушительная санкция. Если бы они обладали здравым смыслом или мужеством, эти англиканские богословы могли бы выразить свое неверие или сомнение в его истинности более рациональным и, возможно, более правильным толкованием еврейских и греческих

выражений; а если это невозможно, то сопутствующим недвусмысленным протестом. Но как раболепие, так и суеверие английской церкви при последних Тюдорах и при Стюартах в равной степени являются фактом и порицанием.

Именно в первый год правления первого короля Великобритании английский парламент принял закон, который оставался в силе или, по крайней мере, в своде законов до середины прошлого века.¹¹⁵ После должного рассмотрения законопроект прошел обе палаты; И в нем было прописано, что "если кто-либо будет использовать любое вызывание или колдовство любого злого или нечестивого духа, или будет советоваться, договариваться с ним, развлекать, нанимать, кормить или вознаграждать любого злого или проклятого духа с любым намерением или целью, или поднимать любого мертвого мужчину, женщину или ребенка из могилы, или кожу, кости или любую часть мертвого человека, чтобы использовать или применять в любом виде колдовства, чародейства, очарования или околдовывания; или будет использовать, упражняться или практиковать любой вид колдовства и т.д., в результате чего любой человек будет уничтожен, убит, растрочен, израсходован, измучен или изранен в любой части тела; и каждый такой человек, будучи осужден, будет подвергнут смерти". В комитете верхней палаты заседали двенадцать епископов.¹¹⁶

¹¹⁵ Закон о ведьмах" Якова I был принят в 1604 году. Новый перевод, или современная авторизованная версия, Библии был выполнен в 1607 году. Вывод очевиден. Церковный канон, принятый в тот же период, запрещающий низшему духовенству проводить экзорцизм без епископской лицензии, доказывает одновременно распространенность "одержимости" и распространенность экзорцизма в начале семнадцатого века.

¹¹⁶ Парламент Якова I поступил бы мудро, если бы принял философские настроения венгерского принца (1095-1114), который, как говорят, с лаконичной краткостью отверг абсурдное суеверие: "De strigis vero, quæ non sunt, nulla quæstio fiat".

Шотландский парламент во время правления королевы Марии предал анафеме *паллистскую* практику; с тех пор анналы шотландской юриспруденции наполнены записями о судебных процессах и приговорах. Джеймс получил образование среди суровых приверженцев Кальвина. В каких бы вопросах церковной веры и правил соотечественник Нокса ни отклонялся от учения своих наставников, он с неизменным рвением поддерживал веру во всемогущество дьявола; и мы можем быть склонны отдать титул "защитника веры" (так уверенно приписанный к последующим изданиям Авторизованной версии) скорее его деятельности по истреблению ведьм, чем его ненависти к священнослужителям. Хотя был монархом только Северного королевства, он опубликовал обличение проклятой неверности "сторонников ведьм" и свою собственную непоколебимую веру. Яков VI и его духовные советники были убеждены или пытались убедить себя в том, что дьявол со всей своей адской командой замышляет сорвать благотворные намерения благочестивого протестантского принца. Инфернальное отчаяние и ярость достигли апогея, когда брак с датской принцессой должен был состояться. Но, не испытывая ужаса перед столь грозным заговором, он превозмогал уверенность в том, что является главным врагом дьявола, и человек, содрогающийся при виде нарисованного меча, не боялся вступить в поединок с *невидимым* духовным врагом.

Книга "Демонология" была опубликована в Эдинбурге в 1597 году. Автор открывает свою книгу такими словами: "Страшное распространение в это время в этой стране этих отвратительных рабов дьявола, ведьм или колдунов, подвигло меня (возлюбленный читатель) отправить по почте этот мой следующий трактат, ни в коем случае (как я утверждаю) не для того, чтобы показать мою образованность и ум, но только движимый совестью, чтобы таким

образом, насколько я могу, разрешить сомневающиеся сердца многих; И что такие нападения Сатана, несомненно, практикуются, и что орудия их заслуживают самого сурового наказания: Против проклятых мнений двух главных людей нашего времени, из которых один, называемый Шотландцем, англичанин, не стыдится в публичной печати отрицать, что может существовать такая вещь, как колдовство, и таким образом поддерживает старую ошибку саддукеев в отрицании духов. Другой, по имени Виерус, немецкий врач, излагает публичную апологию всех этих ремесленников, причем, оправдываясь за их безнаказанность, он прямо выдает себя за человека, принадлежавшего к этой профессии. А чтобы сделать этот трактат еще более приятным и легким, я изложил его в форме диалога, который разделил на три книги: в первой говорится о магии вообще и о некромантии в частности; во второй - о колдовстве и чародействе; третья содержит рассуждения о всех видах духов и призраков, которые появляются и беспокоят людей, вместе с заключением всего труда. Мое намерение в этом труде состоит только в том, чтобы доказать две вещи, как я уже сказал: во-первых, что такие дьявольские искусства были и есть; во-вторых, какого точного суда и сурового наказания они заслуживают; и поэтому рассуждаю, какие вещи возможны в этих искусствах, и по каким естественным причинам они могут быть. Не то чтобы я касался каждой конкретной вещи дьявольской силы, ибо это было бы бесконечно; но только, говоря схоластически (поскольку это нельзя сказать на нашем языке), я рассуждаю о *роде*, оставляя *виды* и *различия*, чтобы их можно было охватить".¹¹⁷

¹¹⁷ Размышляя о способе воздушных путешествий ведьм, он думает: "Другой способ несколько более странен, и все же он может быть истинным: он заключается в том, что они силой своего духа, который является их проводником, проносятся над землей или над морем быстро к месту, где они должны встретиться: Я убежден, что это также возможно, поскольку, как Аввакум был перенесен ангелом в таком виде в логово, где лежал Даниил, так и дьявол, думаю я, будет готов подражать Богу как в этом, так и в других вещах, что гораздо более возможно для него, будучи духом, чем для сильного ветра, будучи лишь естественным метеором для переноса с одного места на другое твердого тела, как это обычно и ежедневно наблюдается на практике. Но в таком насильственном виде они не могут быть перенесены лишь на короткое расстояние, согласное с пространством, на котором они могут сохранить дыхание; ибо если бы оно было длиннее, то дыхание их не могло бы оставаться неизменным, так как тело их переносится таким насильственным и принудительным образом..... И в этом переносе они сами говорят, что невидимы ни для кого, кроме самих себя. Ибо если дьявол может создавать в воздухе какие угодно впечатления, как я уже говорил, говоря о магии, то почему он не может гораздо легче сгустить и затемнить воздух, который находится рядом с ними, сжимая его прямо, так что лучи глаз любого другого человека не могут пронзить его, чтобы увидеть их?" и т. д.-*Cyclopædia of English Literature*, edited by Robert Chambers.

Следующее предписание характерно для всех преследующих максим и достойно ученика Бодена: "Ведьмы должны быть преданы смерти в соответствии с законом Божьим, гражданским и имперским законом, а также муниципальным правом всех христианских наций. Да, щадить жизнь и не бить того, кого Бог велит бить, да еще так сурово в столь одиозной измене Богу, не только незаконно, но и, несомненно, столь же большой грех для магистрата, как и то, что Саул пощадил Агага". Этот *мудрый* автор настаивает (повторяя правила, изложенные в "Malleus"), что против исключительного преступления годятся любые доказательства: показания самых маленьких детей и людей с самым позорным характером не только могут, но и должны быть приняты.

Это озорное произведение представляет собой любопытную коллекцию демонологических знаний и опыта, демонстрируя предполагаемые практики и церемонии ведьм, способ их

обнаружения и т. д.; но оно бесполезно даже для демонстрации популярных шотландских или английских представлений, будучи в основном набором классических или иностранных идей, вставленных, очевидно (несмотря на уверения королевского автора в обратном), чтобы продемонстрировать заумную и педантичную ученость. Вполне вероятно, что некоторый чрезмерный ужас, о котором говорится, был симулирован, чтобы поддержать его притязания на особую враждебность Сатаны: но то, что он также был в какой-то степени впечатлен реальным и живым страхом, едва ли допускает сомнение. Современный Соломон вполне мог бы покраснеть от превосходного здравого смысла варварского вождя; а "судьи семнадцатого века могли бы быть наставлены и смущены превосходной мудростью Ротариса [ломбардского принца], который высмеивает нелепые суеверия и защищает несчастных жертв народной или судебной жестокости".¹¹⁸

¹¹⁸ *Упадок и падение Римской империи*, xlv. Для его подданных было бы хорошо, если бы он мог поздравить себя, как Марк Аврелий Антонин (образец философских принцев и более практически добродетельный, если не более мудрый, философ, чем пресловутый Соломон, о котором Нибур, *История Рима*, v., утверждает: "Если и есть какая-то возвышенная человеческая добродетель, то это его"), что он научился у своих наставников смеяться над жупелами ведьм и демонов. - *Τὰ εἰς ἐαυτόν*. - *Медитации М. А. Антонина*.

До принятия "Закона о ведьмах" обвинение в колдовстве в большинстве случаев было подчиненным и вспомогательным, прилагавшимся к различным политическим или другим обвинениям. Отныне практика особого преступления могла быть совершенно независимой от каких-либо более существенных обвинений. В Англии, по сравнению с другими странами Европы, глупость, а не свирепость, пожалуй, в целом характеризует судопроизводство в трибуналах. В эпоху, предшествующую Реформации, Франция страдала от этого преступления даже больше, чем ее островной сосед. Судьбы тамплиеров, Жанны д'Арк, Арраса, тех, кого подозревали в том, что они стали причиной болезни безумного короля Карла VI (когда многие белые ведьмы или волшебники, "озорно добрые", пострадали за то, что не смогли с помощью притворного мастерства добиться обещанного исцеления), - вот несколько наиболее ярких примеров. Но во Франции, как и во всей Европе, именно в постфеодальный период судебные преследования стали почти ежедневным явлением.

Распространенным видом колдовства была ликантропия, как ее называли, - предрассудок, заимствованный, похоже, отчасти из пифагорейского метемпсихоза. Несколько случаев проиллюстрируют природу этого потрясающего превращения. То, что оно в основном происходит во Франции и в южных районах, в стране волков, которые до сих пор там свирепствуют, - факт легко объяснимый; и если дьявол может вселиться в свиней, то, по мнению демонологов, он может так же легко вселиться и в волков. В Доле в 1573 году луп-гару, или волка-людоеда, обвинили в том, что он опустошает страну и пожирает маленьких детей. Обвинение было зачитано Анри Камю, доктором законов и советником короля, в котором говорилось, что обвиняемый Жиль Гарнье убил девочку двенадцати лет, разорвав ее на части, частично зубами, частично волчьими лапами; что, оттащив тело в лес, он там сожрал большую часть, оставив остаток для своей жены; Кроме того, луп-гару нанес аналогичные увечья другой девушке и стал причиной ее смерти; он также сожрал тринадцатилетнего мальчика, отрывая ему конечность за конечностью; он проявлял те же противоестественные наклонности даже в своем собственном облике. В качестве свидетелей были найдены пятьдесят человек, и он был поставлен на дыбу, что вызвало безоговорочное признание. Затем его вернули в суд, и тогда доктор Камю от имени всего мира заявил, что он не может не признаться. Камю от имени парламента Доле произнес

следующий приговор: "Видя, что Жиль Гарнье, согласно показаниям заслуживающих доверия свидетелей и его собственному спонтанному признанию, был доказан виновным в отвратительных преступлениях ликантропии и колдовства, суд приговаривает его, упомянутого Жилия, к тому, чтобы сегодня же его отвезли в телеге с этого места на место казни в сопровождении палача, где он, упомянутый палач, будет привязан к колу и сожжен заживо, а его прах затем будет развеян по ветру. Суд также приговаривает его, упомянутого Жилия, к издержкам по данному обвинению. Принято в Доле 18 января 1573 года". Пять лет спустя человек по имени Жак Ролле был заживо сожжен на площади де Грев за то же преступление, будучи судим и осужден парижским парламентом.¹¹⁹

¹¹⁹ Еще более сенсационный случай произошел в одной из деревень в горах Оверни. На одного джентльмена во время охоты внезапно напал дикий волк чудовищных размеров. Не выдержав его выстрела, зверь бросился на беспомощного охотника, который в борьбе, к счастью или к несчастью для несчастной дамы, сумел отрубить ему одну из передних лап. Этот трофей он положил в карман и спокойно отправился домой. По дороге он встретил друга, которому показал кровоточащую лапу, а точнее, женскую руку (так она была извлечена из кармана охотника), на которой было обручальное кольцо. Другой сразу же узнал кольцо его жены. Возбужденный подозрениями, он немедленно отправился на поиски жены, которую обнаружил сидящей у огня на кухне, рука ее была спрятана под фартуком: схватив ее за руку, муж обнаружил, что его страшные подозрения подтвердились. Кровотокающий обрубок был на месте, очевидно, только что из раны. Ее отдали под стражу, а затем сожгли в Риоме в присутствии тысяч зрителей. Среди некоторых рас Индии, среди кхондов в горах Ориссы, существует суеверие, подобное суеверию о *луп-гару* во Франции. В Индии тигр занимает место волка, а метаморфированная ведьма известна там как *Пулта-баг*.

Родственный предрассудок, вампиризм, до сих пор имеет много приверженцев в Восточной Европе. Вампир - это человек, который в своей могиле ведет посмертное существование, поднимаясь по ночам и высасывая тела живых. Наказание для него обязательно было менее суровым, чем для ведьмы: мертвое тело лишь сжигали до пепла. Официальный документ, процитированный Хорстом, рассказывает о подробностях осмотра и сожжения вампира, найденного в земле.

В последующие годы было сожжено несколько ведьм по всему королевству. В 1564 году три ведьмы и волшебник были казнены в Пуатье: на дыбе они заявили, что уничтожили множество овец с помощью магических препаратов, посещали субботы и т. д. Прославленный колдун Труа Эшель, допрошенный в присутствии Карла IX и его двора, признал себя обязанным дьяволу, которому он продался, и рассказал о распутстве в субботу, способах околдования и составах приворотных средств для порчи скота. Также был обнародован поразительный факт, что около двенадцати сотен сообщников находились на свободе в разных частях страны. Парламенты провинций в конце этого и большей части следующего века неустанно принимают постановления и меры против растущего числа преступлений.¹²⁰ Парламент Руана постановил, что обладание *гримуаром* или книгой заклинаний является достаточным доказательством колдовства; и что все люди, у которых будут найдены такие книги, должны быть сожжены заживо. В 1583 году в разных частях Франции состоялись три совета, посвященные одному и тому же вопросу. Парламент Бордо издал строгие предписания всем кураторам и духовенству, чтобы они приложили удвоенные усилия для искоренения преступления колдовства. Парламент Тура был столь же категоричен и опасался суда оскорбленного Бога, если все эти торговцы с дьяволом не будут сметены с лица земли. Парламент Реймса был особенно суров по отношению к *"noieurs*

d'aiguillettes", или "ярусам узла", - людям обоих полов, которые с удовольствием препятствовали заключению брака, чтобы противодействовать Божьему повелению нашим первым родителям плодиться и размножаться. Этот парламент считал греховным ношение амулетов для защиты от колдовства, а чтобы эта практика не продолжалась в пределах его юрисдикции, разработал форму экзорцизма, "которая могла бы более эффективно победить агентов дьявола и обратить их в бегство". 121

120 Монтень, один из немногих французов того времени, кто, казалось, дискредитировал всеобщее вероучение, в одном из своих сочинений осмеливается думать, что "весьма вероятно, что основной кредит видений, чародейства и подобных необычных эффектов исходит от силы воображения, действующей главным образом на более впечатлительные умы вульгарных людей". Он склонен приписывать распространенные "связи" (*pouements d'aiguillettes*) опасениям страха, которым в его эпоху был так озадачен французский мир (*si entravé*). *Essais*, liv. i. 20.

121 *Необычайные народные заблуждения*", Маккей, чьими авторитетами являются Таблье, Богуэ (*Discours sur les Sorciers*) и М. Жюль Гарине (*Histoire de la Magie*).

Во Франции и тем более в Италии есть основания полагать, что многие осужденные не реальной вины в токсикологических практиках; и иногда они вполне могли заслужить порицание старых *venefici*. Официальное судебное разбирательство и вынесение смертного приговора Ла Марешаль де Л'Анкара в 1617 году было, пожалуй, больше политическим, чем суеверным, но колдовство было представлено в качестве одного из самых серьезных обвинений. Ее преобладание в советах Марии Медичи и Людовика XIII объясняется естественным увлечением королевских, но низменных умов. Через два года после этого произошло масштабное преследование. Парламент Бордо назначил комиссию для расследования причин и обстоятельств распространения колдовства в пиренейских районах. Эспаньоль, президент местного парламента, вместе с более известным советником Пьером де Л'Анкара, оставившим запись ("Таблица обстоятельств, связанных с мавками ангелов и демонов, где также прослеживаются колдуны и демоны: Париж"), был поставлен во главе комиссии. То, что район Лабур был настолько заражен этим племенем, что из тридцати тысяч жителей не было ни одной семьи, не зараженной колдовством, объясняется бесплодным, бесплодным, гористым ландшафтом окрестностей этой части Пиренеев: мужчины занимались рыболовством, а женщины, оставшись одни, были подвержены искушениям. Священники тоже были столь же невежественны и порочны, как и люди; их отношения с одинокими женами и дочерьми были более интимными, чем положено. Большую часть обвиняемых составляли молодые и красивые женщины, а некоторые и вовсе девушки. До сорока человек в день представляли перед комиссарами, и не менее двухсот были повешены или сожжены.

Свидетельства о появлении дьявола были разнообразны и противоречивы. Одним в *Домданиэле*, месте собрания, мерещился отвратительный дикий козел на большом позолоченном троне; другим - человек, искаженный и изуродованный тартарийскими пытками; третьим - джентльмен в черном с мечом, обутый в сапоги и со шпорами; четвертым он казался каким-то бесформенным неясным предметом, как ствол дерева, или огромная скала, или камень. На свои собрания они отправлялись верхом на косах, вилах и палках от метлы: по прибытии их развлекали в установленном стиле и предавались обычным разгулам. Депутаты от колдовства съезжались со всех концов, даже из Шотландии. Когда некоторые из рабов упрекнули их в том, что они не пришли на помощь в пыточной камере или на костре, их господин ответил тем, что разжег иллюзорные костры, предложив сомневающимся пройти через безвредное пламя, обещая не больше неудобств в кострах их преследователей. Также

были приведены в пример ликантропные преступники, которые рыскали и опустошали овчарни. Эспаньолю и де л'Анкуру были предоставлены два профессиональных Мэтью Хопкинса: один - хирург - для осмотра "отметин" (обычно их обнаруживали в левом глазу, как лягушачью лапку) у мужчин и пожилых женщин; другой - девушка семнадцати лет, для младших представителей своего пола. Многие священники были казнены; некоторым удалось бежать из страны. Кроме упомянутой работы, де л'Анкара опубликовал трактат под названием "Неприкосновенность и вероисповедание Сортира" (*L'Incrédulité et Mescréance du Sortilège pleinement convaincue*, 1622). Истечение срока полномочий комиссии Бордо положило конец судебному разбирательству и, к счастью, спасло нескольких осужденных.

В Испании, стране Торквемады и Ксименеса, давно и фанатично изгнавшей евреев, а недавно и своих старых мавританских завоевателей со своей земли, неустанная деятельность инквизиции в течение 140 лет должна была вырвать бесчисленное количество признаний и доказательств дьявольских заговоров и ереси. Антонио Льоренте, историк инквизиции, чьим редким возможностям получения информации мы обязаны некоторыми поучительными откровениями, раскрыл большое количество ранее замалчиваемых и темных сделок Священной канцелярии. Но демонологические представления южной церкви и народа нашли широкое отражение в богатой драматической литературе испанцев, чей театр в свое время был почти столь же популярен, если не столь же влиятелен, как церковный.

Драмы знаменитого Лопе де Вега и Кальдерона, в частности, полны демонов, а также ангелов¹²² - своего рода религиозная компенсация Церкви за моральные недостатки развратной сцены или, скорее, развратной публики.

¹²² В *"Насимиенто де Христо"* Лопе де Вега дьявол предстает в популярном образе дракона. В *"Чудотворном маге"* Кальдерона, повествующем о приключениях святого Киприана и различных искушениях и соблазнах злого духа, как и в *"Фаусте"* Гете, дьявол предстает в облике модного и галантного джентльмена. - *История испанской литературы* Тикнора.

ГЛАВА VI.

Одержимость во Франции в XVII веке - Урбен Грандье и монастырь в Лудуне - Экзорцизм в Эксе - Экстатические явления - Мадлен Бавент - Ее жестокое преследование - Католическое и протестантское колдовство в Германии - Демонологические страхи и переживания Лютера - Причина в его исключительном положении и в необычных обстоятельствах его жизни и времени - Сожжение ведьм в Бамбурге и Вюрцбурге.

Демоническая одержимость была одной из стадий колдовства, широко распространенного во Франции в XVII веке: жертвами этой галлюцинации становились в основном обитательницы религиозных домов, чье воспаленное воображение было использовано их духовниками в самых жестоких целях. Судьба Урбена Грандье была связана с судьбой целого монастыря. Поучительны факты из истории этого знаменитого колдуна. Он получил образование в колледже иезуитов в Бордо и был представлен отцами, у которых его способности и обращение вызвали бурные аплодисменты, к бенефису в Лудуне. Своей надменностью он вызвал ревность своих братьев по духовенству, которые считали его незванным гостем, а его гордость и недовольство росли прямо пропорционально активности его врагов, которые сговорились погубить его. Мунье и Миньон, два священника, которых он

смертельно обидел, были наиболее активны. Урбен Грандье был достаточно опрометчив, чтобы в одиночку противостоять объединенным советам беспринципных и решительных врагов. Потерпев поражение в предыдущих попытках изгнать его из Лаудуна, оба священника объединились с ведущими властями этого места. Их надменный и беспечный противник обладал преимуществом или недостатком в виде прекрасной фигуры и красивого лица, которые, наряду с другими его достоинствами, снискали ему всеобщую популярность среди женщин; его успех и знакомства с прекрасным полом не могли укрыться от бдительности шпионов, стремящихся собрать вредные доказательства. В высшей степени вражду двух партий разжег успех каноника Миньона в получении желанной должности духовника монастыря урсулинок в Лаудуне, исключая Грандье, который сам был претендентом. Этому монастырю было суждено сыграть важную роль в судьбе городского куратора. Младшие монахини, видимо, чтобы оживить скучную монотонность монастырской жизни, решили развлечь свой досуг тем, что пугали старших, используя свои знания о тайных ходах в здании, разыгрывая фокусы с привидениями и поднимая неземные звуки. Когда новоназначенному духовнику доложили о положении дел, он сразу же представил себе возможность и замыслил обратить все в свою пользу. Обиженным монахиням пообещали прощение, если они продолжат свои призрачные забавы, а также одержимость бесами; обман, в котором их охотнее склонили принять участие, заверив, что это может стать скромным средством обращения еретиков - протестантов, которых в этой части страны было необычайно много.

Как только они были достаточно подготовлены к своим ролям, магистраты были созваны, чтобы стать свидетелями феноменов одержимости и экзорцизма. В первом случае пациентом была выбрана настоятельница монастыря; от одержимого демона удалось добиться, что он был послан Урбеном Грандье, священником церкви Святого Петра. Пока все шло хорошо, но гражданские власти, как выяснилось, не были склонны принимать даже неопровержимые свидетельства бесноватого, и церковники вместе с ведущими жителями вступили в конфликт с гражданской властью. Однако, к счастью для плана заговорщиков, которые уже почти отчаялись, на их стороне оказался всемогущий союзник. Появилась острая сатира на некоторые действия министра Франции кардинала Ришелье или некоторых его подчиненных. Подозревали, что автором является Урбен; его враги постарались использовать этот случай; удалось заручиться содействием кардинала-министра. Было приказано создать королевскую комиссию для расследования теперь уже печально известных обстоятельств лудунского дьяволизма. Глава комиссии Лаубардемонт прибыл в декабре 1633 года, и не было потеряно времени, чтобы довести дело до кризиса. Дом подозреваемого обыскали на предмет книг по магии; его самого бросили в подземелье, где хирурги осмотрели его на предмет "отметин". Пять бесчувственных пятен были найдены - несомненное доказательство. Тем временем монахини впали в еще большую истерику, чем прежде; возникло сильное подозрение, что священники, исповедующие монастырь, воспользовались своим положением, чтобы надругаться как над телами, так и над умами предполагаемых бесноватых. Смелость экзорцистов и легкоеверие людей дошли до такой степени, что энцеинтное состояние одной из сестер, которое по истечении пяти или шести месяцев исчезло, объяснили злобной клеветой дьявола, вызвавшего эту скандальную иллюзию. Толпы людей всех сословий стекались из Парижа и из самых отдаленных мест, чтобы увидеть и услышать дикий бред этих истеричных или одурманенных женщин, чье возбуждение было таково, что они не щадили собственной репутации; и некоторые скандальные разоблачения были представлены на потеху или любопытство окружающих зрителей. Некоторые из них, пробудившись от ужасного бреда или устыдившись своего соучастия, признавались, что все их предыдущие откровения были простым вымыслом. Были найдены средства, чтобы эффективно заглушить такие опасные заявления. Обвинители

настаивали на обвинении; влияние его друзей было преодолено, и Грандье в конце концов был приговорен к костру. Опасаясь отчаяния, которое могло бы убедительно предать факты дела собравшейся толпе, они, похоже, уговорили осужденного молчать до последнего момента под обещание более легкой смерти. Но уже привязанный к колу, он слишком поздно узнал о вероломстве своих палачей; вместо того чтобы быть сначала задушенным, он был предан огню живым. Не обошлось и без "последних признаний". Несчастную жертву злобы разъяренных соперников и вражды непримиримого Ришелье изображали по-разному.¹²³ Примечательно, что место действия этого дела находилось в самом сердце завоеванного протестантского региона - Рошель пала всего за шесть лет до казни; а еретики, хотя и были политически усмирены, оставались многочисленными и активными. Этим фактом можно объяснить кажущееся безразличие и даже противодействие большого числа людей в этом деле о дьяволе, которое получило сравнительно небольшое признание. Монахиням внушали, что для блага и славы католицизма будет полезно, чтобы еретики были посрамлены несколькими поразительными чудесами. Сомнительно, чтобы Грандье имел какие-либо явные еретические наклонности; но он писал против безбрачия священства и подозревался в либеральных взглядах на религию. Капуцин по имени Транквилль (современник) предоставил материалы для "Истории дьяволов Лаудуна" протестанта Обена, 1716 год.

¹²³ Мишле, очевидно, принимает обвинение в безнравственности, согласно которому куратор воспользовался своей популярностью среди дам Лаудуна, своими вкрадчивыми манерами соблазняя жен и дочерей горожан. По мнению другого автора (Александр Дюма, *"Знаменитые преступления"*), он был горд и злопамятен, но невиновен в предполагаемых нарушениях.

За двадцать четыре года до этого произошло еще более скандальное дело - Луи Гофриди и монастыря в Эксе, главным действующим лицом которого был Гофриди, развративший нескольких девушек как в самом заведении, так и за его пределами, - при схожих обстоятельствах. Мадлен, одна из послушниц, вскоре после вступления в послушничество была охвачена экстатическими трансами, которые быстро передались ее спутницам.¹²⁴ Эти припадки, по мнению священников, были ничем иным, как эффектом колдовства. Экзорцисты пытались у девушек, что их околдовал Луи Гауфриди, могущественный маг, имеющий власть над демонами по всей Европе. Вопросы и ответы по приказу судей записывались репортерами, которые, пока священники проводили экзорцизм, фиксировали результаты в письменном виде, опубликованном впоследствии одним из них, Михаэлисом, в 1613 году. Среди интересных фактов, полученных через эти спиритические средства, инквизиторы узнали, что антихрист уже пришел; что книгопечатание и его изобретение одинаково прокляты, и другие подобные сведения. Мадлен, подвергнутая пыткам и заключенная в самую отвратительную темницу, была доведена до такого состояния крайнего ужаса и страха, что с этого времени стала лишь орудием своих зверских судей. Будучи в близком знакомстве с волшебником, она могла сообщить им о расположении "тайных знаков" на его лице: они были обнаружены обычным способом, путем укалывания иглами. Различными пытками Гауфриди был вынужден сделать требуемое признание и был заживо сожжен в Эксе 30 апреля 1611 года.

¹²⁴ М. Мори в философском и научном труде *"Магия и астрология в древности и в средние века"* научно исследовал и раскрыл тайны этих и подобных экстатических явлений, столь часто встречающихся как в протестантских, так и в католических странах; в сиротских домах Амстердама и Хорна, а также в монастырях Франции и Италии в XVII веке. И протестантские

возрожденцы нашего времени в значительной степени воспроизвели эти любопытные результаты религиозного возбуждения.

Демоническая одержимость была манией во Франции в семнадцатом веке. История Мадлен Бавент, как о ней рассказывают, показывает крайнюю разнузданность и чудовищную жестокость.¹²⁵ Гиббон справедливо замечает, что Древний Рим с величайшим трудом поддерживал институт *шести* весталок, несмотря на то, что тех, кто не мог сохранить целомудрие, ждала участь живой могилы; а христианский Рим был наполнен многими тысячами представительниц обоих полов, связанных клятвой вечной девственности. Мадлен была соблазнена своим францисканским духовником, когда ей было всего четырнадцать лет; она поступила в монастырь, недавно основанный в Лувье. В этом здании, окруженном лесом и расположенном в подходящем месте, проводились странные обряды. По наущению своего директора, священника по имени Давид, монахини, как сообщается, были охвачены непреодолимым желанием подражать первобытной адамитской простоте: послушниц заставляли возвращаться к простой наготе времен невинности во время упражнений в монастырских садах и даже во время богослужений в часовне. Однажды послушница Мадлен получила выговор за то, что во время причастия скрыла свою грудь алтарной скатертью. Изначально она была чиста и бесхитростна, и лишь постепенно и незаметно ее развратили благочестивые доводы священника. Этот человек, Пикар по имени - один из представителей обширного класса "триста обскурантов", представителями которого являются Анжелос и Тартюф¹²⁶, - занял вакантную должность духовника монахинь Лувьера и сразу же приступил к исповеди. Не повторяя всех последующих отвратительных сцен, описанных Мишле, следует лишь добавить, что несчастная монахиня стала любовницей и беспомощным существом своего соблазнителя. Он использовал ее как магический талисман, чтобы одержать верх над остальными монахинями. Святая облатка, смоченная в крови Мадлен и закопанная в саду, непременно должна была побеспокоить их чувства и разум. Именно в этот год был сожжен Урбан Грандье. По всей Франции люди не говорили ни о чем, кроме дьяволов из Лаудуна. Мадлен казалось, что она околдована и околдована дьяволами; за ней следовала развратная кошка с огненными глазами. Постепенно и другие монахини заразились этим расстройством, которое проявлялось в странных сверхъестественных подергиваниях и извиваниях".

¹²⁵ Это лишь один из примеров бесчисленных любовных походов в тайных чертогах привилегированных монастырских заведений. В темных недрах этих священных учреждений гигантского масштаба, где публичность, эта единственная безопасность, никогда не была известна, какие пороки или даже преступления не могли быть безопасно совершены? Лютер, который самым практическим образом доказал свое презрение к святости монашеских обетов, сбежав с монахиней, уверяет нас, среди прочих скандалов, связанных с монастырской жизнью, о том, что когда в Риме осушили пруд, примыкавший к одному из таких заведений, на обозрение были выставлены шесть тысяч черепов младенцев. Эта история может быть как фактом, так и вымыслом. Но если полностью признать вероятность выдумок и преувеличений в отношениях между врагами, а также тот факт, что неоправданные предрассудки могут несколько преувеличить возможное зло от таинственного и неизвестного, как может быть иначе, чем то, что в течение четырнадцати веков в этих тихих и безопасных убежищах было совершено множество преступлений? Да и опыт не противоречит тому, что высший пыл противоестественного энтузиазма может быть совместим с более человеческими страстями. Девственница, которая,

"Ut flos in septis secretus nascitur hortis
Ignotus pecori,

как восхваляет девственницу хор в прекрасной эпифаламе Катулла, можно было бы узнать в юной "религиознице", если бы только исключить человеческие страсти; но история Элоизы и Абеляра - не единственное доказательство превосходства человеческой природы над невозможной и искусственной духовностью.

126 Как частно признается Тартюф,

"Любовь, которая привязывает нас к вечным красавицам.
N'étouffe pas en nous l'amour des temporelles.

* * * * *

Для того, чтобы стать девицей, я не должен быть меньше мужчиной".

Настоятельница не возражала против публикации этих событий, имея перед собой пример и репутацию Лаудуна. В одержимости и экзорцизме мало нового: по большей части они повторяют те, что происходили в Эксе и Лаудуне. В течение короткого промежутка времени дьяволы были менее агрессивны: кардинал-министр задумывал реформу монастырских учреждений. После его смерти они вновь принялись за дело с не меньшей жестокостью. Пикар был уже мертв, но преследования его жертвы не прекратились. Священники с новой силой принялись творить чудеса. 127 Спасенная от немедленной смерти благодаря удачной или, как можно считать, неудачной чувствительности к телесной боли, она была осуждена до конца своей жизни на одиночное заключение в страшной темнице, на языке ее судей - в *темпе*. Там, лежа под пытками, бессильная в отвратительной камере, их пленница попеременно то уговаривала, то угрожала признаться во всевозможных преступлениях и вовлечь в них кого пожелают. 128 Дальнейшим жестокостям, которым подвергали ее похоть, а затем и злоба тюремщиков, не положило конец вмешательство парламента в августе 1647 года, когда был издан указ об уничтожении Лувьерского заведения. Виновные спаслись, добившись путем запугивания молчания своей узницы, которая так и осталась живым трупом в подземельях епископского дворца Руана. Кости Пикарта были эксгумированы и публично сожжены; куратора Буле, соучастника, потащили на волокуше на рыбный рынок и там сожгли на костре. Так закончилась последняя из трилогических серий. Но истерическая или демоническая болезнь была столь же неистовой, как и всегда в Германии в середине XVIII века; в Вюрцбурге она имела такие же потрясающие последствия, как и в Лувье.

127 Дьявольским видениям одного из них они противопоставили видения "некой Анны Рождественской, девушки сангвинического истерического темперамента, неистовой в нужде и полубезумной - по крайней мере, до такой степени, что она верила в собственную ложь". Между ними завязалась своего рода собачья драка. Они засыпали друг друга ложными обвинениями. Энн видела дьявола совершенно голым рядом с Мадлен. Мадлен поклялась, что видела Анну в субботу с настоятельницей, матерью-помощницей и матерью послушниц. Мадлен без слушания приговорили к позору, к осмотру ее тела на предмет следов дьявола. Они сорвали с нее вуаль и платье и сделали ее жалким объектом гнусного любопытства, которое было готово пронзить ее до крови, лишь бы завоевать право отправить ее на кол. Не оставляя никому другому заботы о проверке, которая сама по себе была пыткой, эти девственницы, действуя как матроны, выясняли, есть ли у нее ребенок или нет; брили все

ее тело и вонзали свои иглы в ее трепещущую плоть, чтобы обнаружить неощутимые пятна" - *Ла Сорсьер*.

128 Ужаснувшийся читатель может ознакомиться с более полными подробностями этого случая в "*Сорсьере*" Мишле, который пользуется случаем, чтобы заявить, что, чем "История Мадлен Бавент, монахини из Лувье, с ее осмотром и т.д., 1652, Руан", он не знает "ни одной более важной, более ужасной или более достойной быть перепечатанной книги". Это самое сильное повествование в своем роде. Книга "*Пораженное благочестие*" капуцина Эсприта де Босрагера - произведение, бессмертное в анналах дурачества. Два превосходных памфлета отважного хирурга Ивелина, "*Расследование*" и "*Апология*", находятся в библиотеке Сент-Женевьев" - "*Ла Сорсьер, ведьма средневековья*", глава viii. Какие бы преувеличения ни содержались в деталях этих и подобных им историй, нет никаких оснований сомневаться в их общей правдивости. Очень хотелось бы, чтобы писатели в таких случаях всегда ограничивались простыми фактами, которые не нуждаются ни в каких выдуманных или придуманных дополнениях.

В Германии в семнадцатом веке ведьмы испытывали на себе ярость как католического, так и протестантского рвения; но в предыдущую эпоху преследования были направлены против протестантских ведьм. Во времена Иннокентия VIII они в изобилии водились в Верхней Германии, и какое количество их было казнено, мы уже видели. Когда революционная партия набрала большую силу и установила свою власть, они наравне с консерваторами предприняли энергичные атаки на империю сатаны.

Лютер испытывал заразительный страх, что великий духовный враг на самом деле сражается в рядах его врагов. Он на личном опыте убедился в его враждебности. Заключение ради своей безопасности в добровольную, но мрачную тюрьму, занятый планом великой революции против самой могущественной иерархии, которая когда-либо существовала, постоянно занятый кропотливой работой по переводу Священного Писания, лишь частично освобожденный от предрассудков воспитания, неудивительно, что антагонист Церкви должен был испытывать инфернальные галлюцинации. Эта слабость поборника протестантизма по крайней мере более оправдана, чем педантичная глупость главы английской церкви. Однако когда Лютер мог всерьез утверждать, что колдовство - это "работа дьявола, которой он, когда Бог позволяет, не только вредит людям, но и лишает их жизни; ибо в этом мире мы - гости и чужаки, телом и душой подвластные дьяволу: Что идиоты, хромые, слепые, немые - это люди, в которых поселились невежественные дьяволы, а все врачи, которые пытаются лечить эти недуги, как будто они происходят от естественных причин, - это невежественные болваны, которые ничего не знают о силе демона", - мы не можем возмущаться слепым轻信 народными массами. Кажется непоследовательным, что Лютер, в целом не приемлющий сверхъестественного, должен был без труда принимать эти иррациональные дьявольские идеи. Обстоятельства его жизни и времени в достаточной степени объясняют это несоответствие. 129

129 Следующая фраза из записанного разговора, когда свободные мысли реформатора были необузданны в присутствии его самых близких друзей, наводит на размышления. "Я хорошо знаю, - говорит он, - дьявола; он снова и снова прижимал меня к себе так близко, что я едва понимал, жив я или мертв. Иногда он повергал меня в такое отчаяние, что я даже не знал, что есть Бог, и сильно сомневался в нашем дорогом Господе Христе. Но Слово Божье быстро восстановило меня" (*Tischreden* или *Table Talk* Лютера, цитируется по *Howitt's History of the Supernatural*). Красноречивый спорщик Боссюэ и католики старательно пользовались стремительностью и неосторожностью великого немецкого реформатора.

Из всех лидеров религиозной революции XVI века цюрихский реформатор был, пожалуй, самым либерально настроенным; а необычное милосердие Цуинглиуса к древним мудрецам и другим людям, не знавшим христианства, побудившее его поместить имена Аристиды, Сократа, Гракхов и т. д. в один список с именами Моисея, в один список с именами Моисея, Исаяи и святого Павла, которые должны встретиться в собрании добродетельных и справедливых в будущей жизни, заставило Лютера открыто признаться своему другу, что "он отчаялся в своем спасении", и вызвало негодование епископа Мо.- *Variations des Eglises Protestantes*, ii. 19 и 20.

Накануне продолжительной и ожесточенной борьбы на континенте между католицизмом и протестантизмом была устроена массовая резня ведьм и колдунов, ставшая достойным прологом к религиозному варварству Тридцатилетней войны. Костры были разожжены почти одновременно в двух разных местах, в Бамбурге и Вюрцбурге; и редко, даже в летописях колдовства, они пылали с большей силой. Князья-епископы этих территорий уже давно стремились искоренить лютеранство в своих епархиях. Фредерик Форнер, суффраган Бамбурга, энергичный сторонник иезуитов, был главным агентом Иоанна Георга II. Он вел войну с еретическими колдунами во "всеоружии Божьем", *Panoplia armaturæ Dei*. Согласно утверждениям заслуживающих доверия историков, в 1625-1630 годах в двух дворах Бамбурга и Цейля состоялось девятьсот судебных процессов. Шестьсот были сожжены епископом Георгом II. Никто не был пощажен. Пострадали канцлер, его сын, доктор Хорн с женой и дочерьми, многие лорды и советники епископского двора, женщины и священники. После пыток самого экстравагантного рода удалось добиться того, что около двенадцати сотен из них объединились, чтобы околдовать всю землю до такой степени, что "в стране не осталось бы ни вина, ни кукурузы, и таким образом люди и звери погибли бы от голода, а люди были бы вынуждены есть друг друга". Среди них было даже несколько католических священников, которые были вовлечены в слишком ужасные практики, чтобы их можно было описать, и они, помимо прочего, признались, что крестили многих детей во имя дьявола. Следует отметить, что эти признания были сделаны под пытками самого страшного рода, гораздо более страшными, чем те, что практиковались во Франции или других странах..... Число людей, привлеченных к суду в ходе этого ужасного процесса, было столь велико, и к ним относились с таким невниманием, что обычно даже не брали на себя труд записывать их имена; их называли обвиняемыми № 1, 2, 3 и т. д. Иезуиты принимали их признания наедине и составляли списки тех, кто, как считалось, был ими осужден".

Еще более разрушительными были сожжения в Вюрцбурге в тот же период под руководством Филиппа Адольфа, который взойшел на епископский престол в 1623 году. Несмотря на энергию его предшественников, была обнаружена большая конфедерация колдунов, которые были сразу же осуждены.¹³⁰

¹³⁰ Каталог девяти и двадцати сожжений за очень короткий период времени, до февраля 1629 года, даст наилучшее представление об ужасном характере этих процессов; он напечатан, - добавляет мистер Райт, - с оригинальных записей в "*Bibliotheca Magica*" Хаубера. Например, в Пятой книге перечислены: (1) Латц, знатный лавочник. (2) Рутшер, лавочник. (3) Экономка декана собора. (4) Старая жена придворного канатоходца. (5) Экономка Йоса Штернбаха. (6) Жена Баунаха, сенатора. (7) Женщина по имени Цникель Бабель. (8) Старая женщина. В шестнадцатом сожжении: (1) знатный паж Ратценштейна. (2) Мальчик десяти лет от роду. (3, 4, 5) Две дочери управителя Сената и его служанка. (6) Жена толстого канатоходца. В двадцатом веке: (1) Ребенок Гобеля, самая красивая девушка Вюрцбурга. (2) Ученик пятого класса, который знал много языков и был прекрасным музыкантом. (3, 4) Два

мальчика из Нового монастыря, каждому по двенадцать лет. (5) Маленькая дочь Степпера. (6) Женщина, которая держала ворота моста. В Двадцать шестом сожжении указаны: (1) Давид Ганс, каноник в Новом монастыре. (2) Вейденбуш, сенатор. (3) Жена трактирщика из Баумгартена. (4) Старая женщина. (5) Маленькая дочь Валькенбергера была казнена и сожжена на козлах. (6) Маленький сын судебного исполнителя городского совета. (7) Герр Вагнер, викарий в соборе, был сожжен заживо. - Рассказы о колдовстве и магии. Факты взяты из книги доктора Солдана *"Geschichte der Hexenprocesse"*, материалы которой можно найти в *"Библиотеке Заубера"* Хорста и *"Библиотеке магии"* Хаубера.

Наибольшее число, по-видимому, составляло девять человек, но иногда на казнь отправляли сразу двоих. Пять человек были сожжены заживо. Жертвы принадлежат ко всем профессиям и ремеслам - викарии, каноники, ювелиры, мясники и т. д. Кроме двадцати девяти зафиксированных пожаров, примерно в то же время было зажжено множество других, имена жертв которых не записаны в Книге смерти. Фредерик Шпее, иезуит, бывший ярым врагом ведьм, но сам уличенный в вымогаемых у них признаниях на этих кострах, перешел на противоположную сторону и написал *"Cautio Criminalis"*, в котором настаивает на необходимости осторожности в получении доказательств - осторожности, без сомнения, "очень необходимой в то время для магистратуры по всей Германии". По всей Германии казни, если и не везде столь огульно, как во Франконии и Вюрцбурге, то уж точно непрерывно, и вряд ли стоит говорить, что ни одна провинция, ни один город, ни одна деревня не обходились без осужденных.

ГЛАВА VII.

Шотландия - одна из самых суеверных стран Европы - Рассказ Скотта о варварствах, совершаемых на процессах над ведьмами под эгидой Якова VI - Судьба Агнес Сэмпсон, Эуфаны МакКалзеан и т. д. - Неразумное поведение судов - Причины добровольных признаний ведьм - Свидетельство сэра Дж. Маккензи и т.д. - Суд и казнь Маргарет Барклай - Подсчет количества ведьм, которые пострадали от смерти в Англии и Шотландии в XVI и XVII веках - Ведьмы, сожженные заживо в Эдинбурге в 1608 году - Ланкаширские ведьмы - Сэр Томас Овербери и доктор Форман - Маргарет Флауэр и лорд Росс.

Шотландия, в силу физических особенностей страны, а также характера и привычек людей, чрезвычайно склонна к восприятию магического и сверхъестественного любого рода;¹³¹ и в течение столетия с 1563 года она почти полностью находилась под властью сатаны. Сэр Вальтер Скотт описал некоторые из наиболее известных случаев и судебных разбирательств в северной части острова. Можно сказать, что эта серия началась с заговора ада с целью предотвратить союз Якова VI с принцессой Анной Датской. Непреодолимая буря на море во время путешествия этих антипапских и антидьявольских королевских особ стала назначенным средством их уничтожения.

¹³¹ Один писатель-философ осмелился сравнить Испанию и Шотландию по уровню суеверий и религиозной нетерпимости. Последняя страна, однако, отказала политикам в том, что уступила священническому правлению: отсюда ее более высокий материальный прогресс и процветание. - *"История цивилизации в Англии"* Бакла.

Агнес Сэмпсон, мудрая жена Кита (одна из лучших, лечила болезни и т.д.); дама Эуфен МакКалзеан, вдова сенатора Коллегии правосудия и католичка; доктор Джон Фиан или Каннингхейм, человек довольно образованный и искусный как в ядах, так и в магии; Барбара Напьер или Дуглас; Гейлис Дункан; и еще около тридцати женщин самого низкого положения. Когда монарх Шотландии вывел эту сильную стаю своей любимой дичи, они обеспечили Тайный совет и его самого спортом на большую часть оставшейся зимы. Он сам присутствовал на экзаменах..... Агнес Сэмпсон, после того как ее целый час пытали, закручивая вокруг головы шнур по обычаю буканьеров, призналась, что советовалась с неким Ричардом Грэхемом о вероятной продолжительности жизни короля и способах ее сокращения. Но Сатана, к которому они в конце концов прибегли за советом, сказал им по-французски: "Король Яков - *это человек Бога*". Бедная женщина также призналась, что она провела собрание с теми из своих сестер, которые с помощью определенных заклинаний очаровали кошку, к лапам которой были привязаны четыре мужских сустава, и бросили ее в море, чтобы вызвать бурю: они высадились на сита с большим весельем и радостью, а изверг катился перед ними по волнам, смутно видимым, и напоминал огромный стог сена по размеру и виду. Они поднялись на борт чужого корабля, богато нагруженного винами, где, невидимые для команды, пировали до тех пор, пока забава не надоела; затем Сатана потопил судно и всех, кто был на борту. Фиан, или Каннингхейм, также подвергался жесточайшим пыткам, обычным и необычным. Кузнечными клещами ему вырывали ногти из пальцев; в места, которые обычно защищали ногти, вбивали булавки; в *сапогах* ему раздробили колени; в *пильневинках* раздробили кости пальцев. В конце концов его стойкость, которая до сих пор поддерживалась, как предполагали посторонние, с помощью дьявола, была побеждена, и он рассказал о большом собрании ведьм в Норт-Бервике, где они ходили вокруг церкви *вразвалку* - то есть в обратную сторону от движения солнца. Затем Фиан дунул в замок церковной двери, после чего засов поддался, нечестивцы вошли внутрь, и их хозяин дьявол предстал перед своими слугами в виде черного человека, занимающего кафедру. Его приветствовали "Аве, хозяин!", но компания была недовольна тем, что он не принес картину короля, которую неоднократно обещал, что должно было отдать его величество на милость этой адской команды..... Дьявол, по этому памяtnому случаю, забыл о себе и назвал Фиана по имени вместо бесовского прозвища Роб Роуэн, которое было присвоено ему как мастеру рядов или роллов. Это было сочтено дурным вкусом, и это правило до сих пор соблюдается на всех сборищах фальшивомонетчиков, контрабандистов и т. п., где считается очень некрасивым называть человека по имени, если это может послужить основанием для улик, которые могут быть выдвинуты против него в день суда. Сатана, несколько обескураженный, завершил вечер дивертисментом и танцем на свой манер. Первый заключался в том, что он откопал свежезахороненный труп и разделил его на части среди компании; а бал поддерживали около двухсот человек, которые танцевали хоровод..... Доктор Фиан, прикрытый мантией, возглавлял кольцо и пользовался большим почетом, обычно выступая в роли секретаря или регистратора. Король Яков был глубоко заинтересован в этих таинственных собраниях и с большим удовольствием присутствовал на допросах обвиняемых. Он послал за Гейлис Дункан и попросил ее сыграть ему ту же мелодию, под которую Сатана и его подручные устроили драку на церковном дворе в Северном Бервике. Его слух был удовлетворен и другим способом: говорят, что на этом собрании ведьмы спросили у дьявола, почему он так враждебен королю, и тот льстиво ответил, что король - самый большой враг, которого он имеет в мире. Почти все эти несчастные были казнены: и положение Эуфаны МакКалзеан в жизни не спасло ее от общей участи - удушения до смерти и последующего сожжения в пепле. Большинство присяжных, судивших Барбару Напьер, оправдав ее за присутствие на собрании в Северном Бервике, сами оказались под угрозой суда за умышленную ошибку на ассамблее и могли избежать

сурового порицания и наказания, только признав себя виновными и подчинившись воле короля. "Переделки и рытье траншей, - добавляет Скотт, - которые недавно проводились на замковом холме в Эдинбурге с целью формирования нового подхода к городу с запада, демонстрировали прах многих погибших таким образом, большая часть которых, должно быть, была казнена между 1590 годом - когда было сделано великое открытие относительно Евфана Маккальзеана и мудрой жены Кита и их сообщников - и объединением корон".¹³²

¹³² Письма сэра В. Скотта о демонологии и колдовстве, ix.

Исключительной участью Евфана было "быть привязанным к костру и сгореть в пепле *быстро* до смерти". Быстрое сожжение было нередким приговором: если менее жестокий приговор - сначала повесить или задушить, а потом сжечь - был более обычным. Тридцать колдунов и ведьм - таково было общее число казненных 25 июня 1591 года. Некоторые из них, как, например, доктор Каннингем, могли быть действительно опытными в использовании яда и ядовитых лекарств. Искусство отравления практиковалось, возможно, почти так же широко, как и колдовство (часто совместно с ним); это огромное и в основном непостижимое преступление, которое науке во все века удавалось скорее скрыть, чем обнаружить.

Два факта наглядно иллюстрируют варварское беззаконие, с которым суды обращаются с заключенными-колдунами. Высказанное проклятие или часто почти неслышное бормотание, за которым следовало случайное исполнение проклятия, судьи охотно принимали как достаточное доказательство (предварительное, вопреки хваленному принципу английского права, который предполагает невиновность обвиняемого, пока его вина не доказана) преступления человека, которому предъявлялось обвинение. И они самодовольно приписывали сознанию вины бред, порожденный мучительной пыткой - этим столь же бесчеловечным и неразумным изобретением судебной жестокости; уверенно хвастаясь, что они тщательно следят за тем, чтобы не выносить приговоров без предварительного признания, сделанного должным образом.

Но нередко эти признания частично вытекали из естественного желания освободиться от преследований соседей, а также от настоящих телесных пыток. Сэр Джордж Маккензи, лорд-адвокат Шотландии в период наибольшей ярости, и сам председатель на многих процессах, верующий, среди прочих случаев в своем *"Уголовном праве"* 1678 года рассказывает об осужденной ведьме, которая призналась ему в судебном порядке и после этого "сказала мне по секрету, что она призналась не потому, что была виновна; но, будучи бедным существом, которое работало, чтобы прокормиться, и будучи оклеветанной ведьмой, она знала, что должна умереть с голоду, ибо никто впредь не даст ей ни мяса, ни жилья, и что все люди будут бить ее и натравливать на нее собак, и что поэтому она хотела бы уйти из мира. После этого она горько заплакала и на коленях призвала Бога в свидетели своих слов. Другая сказала мне, что боится, что дьявол предъявит на нее права после того, как она станет его слугой, и будет преследовать ее, как сказал священник, когда хотел, чтобы она исповедовалась, и поэтому она хочет умереть. "И действительно, - признает ученый судья, - священники часто бывают неосторожны в своем рвении заставить бедняжек исповедоваться в этом; и я рекомендую судьям посылать к ним самых мудрых священников, а тем, кого посылают, быть осторожными в этом вопросе". Другая исповедь в высший момент того же рода, записанная преподобным Г. Синклером в книге *"Невидимый мир сатаны раскрыт"*, столь же значительна и подлинна. О том, какое впечатление она произвела на благочестивого священнослужителя, можно судить по его заключительному выводу. Ведьма, "когда ее несли к месту казни, молчала во время первой, второй и третьей молитвы, а затем, поняв, что ей не остается ничего другого, как встать и пойти на кол, подняла свое тело и

громким голосом воскликнула: "Теперь все, кто видит меня в этот день, знают, что я должна умереть как ведьма по собственному признанию, и я освобождаю всех людей, особенно священников и магистратов, от вины за мою кровь. Я полностью беру это на себя - моя кровь будет на моей собственной голове; и поскольку я должна дать ответ Богу небес, я заявляю, что я свободна от колдовства, как и любой ребенок. Но, будучи обольщенной злобной женщиной и посаженной в тюрьму под именем ведьмы, отрекаясь от своего мужа и друзей и не видя никаких оснований надеяться на то, что я выйду из тюрьмы или когда-либо снова окажусь в кредите, я, по искушению дьявола, составила это признание с целью погубить собственную жизнь, будучи утомлена ею и предпочитая умереть, чем жить" - и так умерла; Эта прискорбная история как поразила тогда всех зрителей, никто из которых не мог сдержать слез, так и может стать для всех демонстрацией сатанинской хитрости, чей замысел по-прежнему состоит в том, чтобы погубить всех, отчасти искушая многих к самонадеянности, а других - к отчаянию.'

Суд над Маргарет Барклай состоялся в 1613 году. Ее преступление заключалось в том, что она с помощью заклинаний привела к гибели корабля в море. По слухам, она поссорилась с владельцем потерпевшего крушение судна, в ходе чего произнесла пожелание, чтобы все на борту утонули на дне морском. Ее проклятие было исполнено, и по свидетельству странствующего жонглера Джона Стюарта она предстала перед судом. С помощью дьявола в виде красивой черной собаки она слепила из глины несколько фигурок обреченных моряков, которые с соблюдением предписанных обрядов были брошены в глубину. Как сообщают нам протоколисты этого допроса, "после применения этого вида мягкой пытки [то есть помещения ног в колодки и наложения на них постепенно увеличивающегося веса железных прутьев], упомянутая Маргарет начала, в соответствии с усилением боли, плакать и просить Бога, чтобы он снял с ее голени упомянутые кандалы, и она должна была честно рассказать обо всем деле. Сняв их, она начала формально отрицать свою вину; и когда ее вновь подвергли пытке, как и прежде, она произнесла такие слова: "Сними, сними! И перед Богом я покажу тебе всю форму". И когда, по ее верному обещанию, сняли упомянутые кандалы, она пожелала, чтобы милорд Эглинтон, четыре судьи и упомянутые мистер Дэвид Диксон, министр бурга, мистер Джордж Данбар, министр Эйра, мистер Митчелл Уоллес, министр Килмарнока, мистер Джон Каннингхэм, министр Далри, и Хью Кеннеди, староста Эйра, пришли сами и удалили всех остальных, и она должна была честно рассказать обо всем, как она должна отвечать перед Богом. Чье желание было исполнено, она сделала свое признание таким образом, без всяких требований, свободно, без допросов: Божье имя в искренней молитве было призвано открыть ее уста и облегчить ее сердце, чтобы она, рассказав правду, прославила и возвеличила Его святое имя и разочаровала врага своего спасения".

Одной из участниц добровольного признания была Изабель Кроуфорд, которую запугали, заставив признать вменяемые ей преступления. В суде на вопрос, желает ли она, чтобы ее защищал адвокат, Маргарет Барклай, чьи надежды и страхи оживились при виде мужа, ответила: "Как вам угодно; но все, в чем я призналась, я сделала в муках пытки; и перед Богом все, что я говорила, - ложь и неправда". Ее признали виновной и приговорили к удушению на костре, а тело - к сожжению в пепел. Изабель Кроуфорд, после короткого перерыва, была подвергнута такому же допросу: для обвинения была назначена новая комиссия, и "после того как помощник министра Ирвина, мистер Дэвид Диксон, вознес искренние молитвы к Богу, чтобы открыть ее упрямое и закрытое сердце, она была подвергнута пытке железными прутьями, положенными на ее голые голени, а ноги были в колодках. Она перенесла эту пытку с невероятной стойкостью, так как "восхитительно, без какого-либо шума или восклицания, перенесла, когда ей на ноги положили более тридцати камней железа, несколько не

уменьшившись при этом, но оставаясь, как бы, непоколебимой". Но стоило изменить положение железных прутьев и переместить их на другую часть голени, как ее стойкость сдала; она разразилась ужасными криками: "Снимай, снимай!" Когда ее освободили от пыток, она сделала обычное признание во всем, в чем ее обвиняли, и в связи с дьяволом, которая существовала в течение нескольких лет. Ей был вынесен соответствующий приговор. После оглашения приговора она открыто отреклась от всех своих прежних признаний и умерла без каких-либо признаков раскаяния, неоднократно прерывая молитвы священника и категорически отказываясь помиловать палача".¹³³ Из существующих исторических записей можно составить неполное представление о том, сколько тысяч человек было принесено в жертву во время якобинских гонений только в Шотландии, что, однако, выражает лишь малую долю действительного числа: приходские регистры все еще могут подтвердить количество топлива, предоставленного за значительную плату, и число костров. По умеренным подсчетам, в среднем двести человек в год, что в общей сложности составляет восемь тысяч, были сожжены за последние сорок лет шестнадцатого века.¹³⁴

¹³³ Письма о демонологии и колдовстве, ix.

Шотландские суды и пытки, среди которых приведенные выше случаи - лишь один или два из сотни подобных, пожалуй, тем более необычны, что являются результатом *простого* суеверия: религиозная или политическая ересь редко служит оправданием для наказания и усугубляет преступление.

¹³⁴ Число жертв больше, чем даже у Священной канцелярии за равный промежуток времени. Согласно Ллоренте (*Hist. de l'Inquisition*), с 1680 по 1781 год, то есть в последний период ее деспотизма (который особенно процветал при Карле II, сам, как он был убежден, ставший жертвой колдовства), от 13 000 до 14 000 человек пострадали от различных наказаний: из этого числа, однако, 1578 были сожжены заживо.

В Англии с 1603 по 1680 год было казнено семьдесят тысяч человек; а за пятнадцать лет, прошедших с момента торжества христианской религии, миллионы людей были принесены в жертву на кровавых алтарях христианского Молоха. Запись в протоколе заседаний Тайного совета за 1608 год показывает, что даже министры Якова начали испытывать некоторый ужас перед последствиями своих указаний. А следующее вольное свидетельство одного из них является поистине "ужасающей записью": "1608 г. - 1 декабря. - Граф Мар объявил совету, что в Бротоне [пригород Эдинбурга] несколько женщин были схвачены как ведьмы, и, будучи преданы суду и осуждены, хотя они упорствовали в своем отрицании до конца, все же были *быстро* сожжены таким жестоким образом, что некоторые из них умерли в отчаянии, отрекшись и хуля Бога; а другие, наполовину сожженные, вырвались из огня и были снова брошены в него, пока не сгорели до смерти".¹³⁵

¹³⁵ Земные и *реальные* изверги, похоже, стремились воплотить на земле и подражать "ужасающему Тартару" (*Tartarus horrificos eructans faucibus æstus*), описанному эпикурейским поэтом-философом (Lucretius, *De Rerum Naturâ*, iii.).

Не менее чудовищными и унижительными были разоблачения в пыточных камерах; многие признавались, что у них были дети от дьявола. Обстоятельства субботы, различные обряды, формы и методы околдовывания, способы сексуальных контактов с демонами - все это было основной темой судебных допросов.

В южной части острова повешение или сожжение ведьм происходило с меньшим ожесточением, чем в Шотландии. Одним из самых известных случаев в начале семнадцатого века (на основе которого Томас Шедуэлл, поэт-лауреат, который под именем Макфлектон был

увековечен сатирой Драйдена, создал пьесу) является история Ланкаширских ведьм. Это преследование разворачивалось в два разных периода: сначала в 1613 году, когда девятнадцать заключенных предстали перед сэром Джеймсом Алтхэмом и сэром Эдвардом Бромли, баронами Экшекера. Элизабет Саузерн, известная как "Мать Демдайк" в драме поэта-лауреата, возглавила преступников. В 1634 году судебное разбирательство было возобновлено исключительно на основании показаний мальчика, который, как выяснили после палаты, был наставлен в своей роли против старой женщины по имени Мать Дикенсон. Свидетельства были самого слабого свойства, и их однообразные подробности не стоят повторения. Из примерно сорока человек, замешанных в обоих случаях, к счастью, большее число избежало наказания. Термин "Ланкаширские ведьмы", столь ненавистный по своему происхождению, долгое время использовался для восхваления превосходных чар (другого рода) ланкаширских дам; а ведьминские чары - это чары естественной молодости и красоты.

Социальное положение сэра Томаса Овербери сделало его судьбу печально известной. Граф Рочестер (Роберт Керр) и графиня Эссекс придумали позорный заговор, чтобы уничтожить препятствие, мешающее их планируемому браку. Практика "адских чар" - лишь эпизод в мрачной тайне. Овербери был слишком хорошо знаком с королевскими секретами (чей отвратительный и противоестественный вид, вероятно, был правильно предположен), слишком важными для хранения даже личным секретарем. Его гибель была предопределена местью благородных любовников и скреплена страхом короля. В конце шести месяцев он был постепенно уничтожен тайным ядом в своей тюрьме в Тауэре (куда он был заключен за мнимое преступление) при помощи доктора Формана, известного "фармацевта", под покровительством графа Рочестера. Этот доктор Форман был ранее нанят леди Эссекс, известной *дамой с почетным званием* при дворе Джеймса, чтобы околдовать графа, внушив ему неодолимую любовь к ней - чары, которые, очевидно, не нуждались в сверхчеловеческих побуждениях. С этим искусным фокусником была связана миссис Тернер, агент графини. Им также было поручено околдовать лорда Эссекса, недавно вернувшегося из-за границы, противоположным способом - отвлечь его любовь от жены.¹³⁶

¹³⁶ Муж оказался непроходимым; его невозможно было *отвратить*. Привороты и чары не помогли, "графине было поручено выдвинуть против графа Эссекса обвинение в супружеской недееспособности": Для рассмотрения дела была назначена комиссия из преосвященных церковных прелатов, в которой председательствовал лично король; а присяжные матроны дали заключение, что леди Эссекс была девицей". Соответственно, был объявлен развод, и король со всей возможной поспешностью, с большой помпой при дворе обвенчал свою фаворитку с апеллянтом. После того как заговорщики были обвинены в общественном негодовании, любопытный эпизод процесса, согласно современному отчету, состоял в том, что в суде "были показаны некоторые изображения мужчины и женщины, сделанные из свинца, а также форма из латуни, в которой они были отлиты; черный шарф, также полный белых крестов, который был у миссис Тернер. Тернер; заколдованные папы и другие картинки [а также список некоторых имен дьявола, используемых в колдовстве], как вдруг с эшафота раздался треск, который вызвал большой страх, суматоху и переполох среди зрителей и в зале; каждый боялся, как бы дьявол не присутствовал и не разгневался, что его работы узнают те, кто не является его собственными учеными" (*Narratives of Sorcery and Magic*, by Thomas Wright). Каким бы ни было преступление или преступления, за знание которых был обречен сэр Томас Овербери, знаменательно, что ради собственной безопасности король был вынужден нарушить клятву (принесенную на коленях перед судьями, которых он специально созвал, с клятвой, что Божье проклятие навечно ляжет на него и его потомков, если он не сможет привести виновных к заслуженному наказанию), и не только помиловать, но и вознаградить своего бывшего фаворита после того, как тот был

торжественно осужден и приговорен к смерти преступника. Преступление, знание о котором предотвратило появление Сомерсета на виселице или эшафоте, было предположено некоторыми, с недостаточными основаниями или, по крайней мере, доказательствами, как убийство королем своего сына принца Генриха. Были высказаны сильные сомнения в причастности фаворита к смерти Овербери: доказательства, представленные на суде по поводу отравления, были, похоже, придуманы, чтобы скрыть или запутать реальные факты.

Две женщины были казнены в Линкольне в 1618 году за то, что околдовали лорда Росса, старшего сына графа Ратленда, и других членов семьи - лорд Росс был околдован до смерти; также за то, что с помощью дьявольских искусств помешали родителям иметь еще детей. Перед лордом-главным судьей общей юрисдикции и одним из баронов казначейства было доказано, что ведьмы добились смерти благородного лорда, закопав его перчатку в землю, и "как та перчатка сгнила и истлела, так и печень этого лорда сгнила и истлела". Маргарет Флауэр призналась, что к ней "присосались два знакомых духа, один белый, другой черный пятнистый. Белый сосал у нее под левой грудью" и т. д.

ГЛАВА VIII.

Литература Европы семнадцатого века доказывает универсальность и ужас колдовства - самые острые и самые либеральные ученые убеждены в его реальности - Эразм и Фрэнсис Бэкон - юристы, предвзято относящиеся к законодательству - судебное утверждение Мэтью Хейла - сэр Свидетельство Томаса Брауна - Джон Селден - Английская церковь наименее свирепая из протестантских сект - Джуэлл и Хукер - Независимая терпимость - Колдовство при пресвитерианском правительстве - Мэтью Хопкинс - "Избранные случаи совести" Гоула - Судебные и народные методы обнаружения ведьм - Обнаружение ведьм - Профилактические чары - Колдуны - легальный и многочисленный класс в Англии и Шотландии - Ослабление суровости преследований под протекторатом.

Если бы мы не имели практических доказательств распространенности кредита черного искусства в свершившихся фактах, литература первой половины семнадцатого века была бы достаточным свидетельством его ужасного господства. Произведения великих драматургов, труды людей всех сословий постоянно говорят о всеобщей силе и ужасе колдовства. Внутренние свидетельства многочисленны. Ведьмы из "Макбета" - не причудливое творение, а изображение Шекспиром судьбы Ла Пюсель - не более чем копия с натуры. Легко представить, каким было вульгарное суеверие, когда люди величайшего гения и образованности признавали возможность, и не только теоретическую, но и реальную, этих inferнальных явлений. Гиббон не в состоянии объяснить тот факт, что острый ум ученого Эразма, который мог видеть сквозь гораздо более правдоподобные басни, твердо верил в колдовство.¹³⁷ Фрэнсис Бэкон, сторонник и второй основатель индуктивного метода и первый апостол утилитарной философии, как ни противился он вульгарным преследованиям, так и не смог избавиться от принципов, на которых основывалось его вероучение.¹³⁸ Сэр Эдвард Коук, его современник, самый остроумный юрист эпохи или (как говорят) любого времени, осмелился даже определить агентов дьявола в колдовстве. Сэр Томас Браун (автор "Псевдодоксии эпидемии" или "Вульгарных ошибок!"), врач и писатель значительных достоинств, и сэр Мэтью Хейл в 1664 году доказали свою веру, один - торжественным свидетельством в открытом суде, другой - своим еще более торжественным приговором.

¹³⁷ См. "Разные произведения": *Abstract of my Readings*.

138 "Общение с ними [нечистыми духами, отпавшими от своего первого состояния] и всякое использование их помощи незаконно; тем более любое поклонение или почитание. Но созерцание и знание их природы, силы, иллюзий, не только из отрывков Священного Писания, но *и из разума или опыта*, составляет не последнюю часть духовной мудрости. Так истинно говорит апостол: "Мы не знаем его хитростей". И в богословии исследовать природу демонов не менее допустимо, чем в физике исследовать природу наркотиков или в этике - природу порока" -*De Augmentis Scientiarum*, lib. iii. 2.

Если богословы были вооружены авторитетом или своим толкованием Священного Писания, то юристы не меньше - авторитетом Свода законов. Судья Хейл, обращаясь к присяжным в суде Бури-Сент-Эдмундс, тщательно взвесил доказательства и, подводя итог, заверил их, что "нисколько не сомневается в существовании ведьм: во-первых, потому что *Писание утверждает это*; во-вторых, потому что *мудрость всех народов*, особенно нашего, *приняла законы* против колдовства, которые подразумевают их убежденность в существовании такого преступления". 139 Сэр Томас Браун, который поделился своим профессиональным опытом на этом суде, заявил, что дьявол часто действует на человеческие тела естественным путем, поражая их более удивительным образом через болезни, которым они обычно подвержены; и что в данном случае припадки (рвота гвоздями, иглами, показанные другими свидетелями) могут быть естественными, только доведенными до большой степени хитростью дьявола, сотрудничающего со злобой ведьм, использует известный аргумент, когда заявляет ("Religio Medici"): "Те, кто, чтобы опровергнуть свою недоверчивость, хотят видеть явления, без сомнения, никогда их не увидят. Дьявол держит их уже в ереси, столь же капитальной, как и колдовство; и явиться им - значит обратить их".

139 К несчастью для дела истины и права, доводы сэра Мэтью Хейла не являются исключительной иллюстрацией беды, которую, согласно опыту Роджера Бэкона, приносят "три очень плохих аргумента, которые мы всегда используем - это было доказано; это принято; это универсально: Поэтому этого следует придерживаться". Сэр Томас Браун, будучи человеком науки, не в силах принять во всех частностях утверждаемую реальность силы дьявола, идет на компромисс и "прибегает к мошенничеству сатаны", объясняя, что на самом деле он всего лишь ловкий жонглер, трансцендентный врач, умеющий совершать то, что по отношению к нам является вундеркиндом, умея использовать природные силы, которые наши знания еще не открыли. Такой недостойный компромисс, конечно же, не мог пробудить людей от их "демонологического каучемара".

Джон Селден, ученый юрист, но либерального склада ума, был одарен большим количеством здравого смысла, и было бы справедливо приписать *изречение*, которое, как предполагается, выдает "затаившуюся веру", скорее избытку юридического, чем дефекту интеллектуального восприятия. Селден, полагая, что "закон против ведьм не доказывает их существование, но наказывает злобу тех людей, которые используют подобные средства для лишения людей жизни", продолжает утверждать, что "если кто-то будет утверждать, что, трижды повернув шляпу и воскликнув "Баз", он может лишить человека жизни (хотя на самом деле он ничего подобного сделать не может), все же это будет справедливый закон государства, что тот, кто повернет свою шляпу.....с намерением лишить человека жизни, должен быть предан смерти". 140

140 *Table Talk or Discourses of John Selden*. Несмотря на то, что следует исключить упрощенный способ юриста разбираться с воображаемым преступлением, мы предпочитаем дать этому выдающемуся патриоту хотя бы преимущество сомнения в том, что он верит в колдовство.

Если люди более либеральных взглядов были поработаны старыми предрассудками, неудивительно, что церковь, не ведущая, а следующая за ними, должна была твердо их поддерживать. К счастью для ведьм, не имея мотивов, по-разному движущих католиками и кальвинистами, и находясь на полпути между обеими партиями, реформированная английская церковь была заинтересована не столько в отождествлении своих преступлений с колдовством, сколько в поддержании менее грандиозных формул Божественного права, апостольского преемства и подобных притязаний. И все же, если они не так яростно занимались преследованием ведьм, англиканские богословы не замедлили явно или косвенно подтвердить реальность дьявольского вмешательства. Самая благосклонная критика также не может избавить их от упрека в том, что они были свидетелями варварских жестокостей, совершаемых во имя небес; и выдающиеся имена епископа Джуэлла, великого апологета английской церкви, и автора "Церковной политики", наряду с другими, менее выдающимися, могут быть названы сторонниками колдовства уважаемыми авторитетами в Установленной церкви. Рассудительный Хукер утверждает, что злые духи рассеяны, одни в воздухе, другие на земле, третьи в водах, четвертые среди минералов, в норах и пещерах под землей, трудясь, чтобы помешать и, если возможно, разрушить дела Божьи. Это были *dii inferi* [старые убеждения] язычников, которым поклонялись в оракулах, идолах и т. д.¹⁴¹ Привилегия "изгонять бесов" была очень ценима и долго сохранялась в Установленной Церкви.

¹⁴¹ Цитируется по книге Хауитта *"История сверхъестественного"*. Автор собрал массу доказательств, "демонстрирующих всеобщую веру", любопытную коллекцию различных суеверий. Он возмущен более холодной верой англиканской церкви более поздних времен.

Во время господства пресвитерианской партии с 1640 года до вступления Кромвеля в должность протектора ведьмы и суды над ведьмами участились как никогда; они заметно уменьшились только тогда, когда Индепенденты получили превосходство. Приверженцы Кромвеля, какими бы фанатичными ни были их собственные эксцессы, были, по крайней мере, свободны от духа нетерпимости, характерного как для их англиканских врагов, так и для их старых пресвитерианских союзников. Проницательный и энергичный ум великого революционного лидера, защитника народа в его борьбе за гражданскую и религиозную свободу, как бы сильно он ни влиял на формы преобладающих религиозных настроений, был слишком проницателен, чтобы не проникнуть с помощью советов автора "Трактата о гражданской власти в церковных делах", который так триумфально отстаивал фундаментальный принцип протестантизма,¹⁴² несколько под поверхность. Как пресвитерианский парламент создавал комиссии по расследованию колдовских преступлений, как рьяно их поддерживало духовенство и народ, как Мэтью Хопкинс - бессмертный в анналах английского колдовства - реализовывал свои таланты в качестве генерального охотника за ведьмами, - эти факты хорошо известны.¹⁴³

¹⁴² "Итак, - заключает Мильтон, величайший из патриотов и поэтов Англии, - что ни один человек, ни синод, ни собрание людей, хотя и называемое церковью, не может окончательно судить о смысле Писания для совести другого человека, что, как известно, является максимой протестантской религии; Отсюда ясно следует, что тот, кто придерживается в религии той веры или тех мнений, которые для его совести и предельного понимания представляются наиболее доказательными или вероятными в Писании, хотя для других они кажутся ошибочными, не может быть более справедливо осужден за ересь, чем его порицатели, которые сами делают то же самое, в то время как они осуждают его за это.... Поэтому для протестантов, чьим общим правилом и критерием является Писание, ничто не может быть более совестливым, более справедливым, ничто не может быть более

протестантским, чем свободное и законное обсуждение в любое время путем письма, конференции или диспута какого бы то ни было мнения, оспариваемого Писанием..... Сколько гонений, тюрем, изгнаний, наказаний и ударов, сколько кровопролития, за которые должны ответить принудители совести - и протестанты, а не паписты!" (*Трактат о гражданской власти в церковных делах.*) Причины, побудившие Мильтона исключить католиков его времени из общей веротерпимости, более понятны и более правдоподобны, чем те, что были приведены пятьдесят или шестьдесят лет назад, когда преподобный Сидней Смит опубликовал "*Письма Питера Плимли*".

143 Проявляется в сатире *Гудибраса*, особенно в части II. канта 3, части III. 1, а также в записках Захария Грея. Автор этой забавной политической сатиры разоблачает пороки великой пуританской партии со всей яростью партизана.

То, что ярые антагонисты деспотических догм, благодаря которым впервые были заложены принципы английской свободы, должны так фанатично отдавать свой разум чудовищной идее, является дополнительным доказательством универсальности суеверных предрассудков. Но убеждение, ставшее результатом непрерывных политико-религиозных преследований их догматов, что если небеса были на их стороне, то Сатана и силы тьмы были еще более враждебны, не может быть полностью понято, если не обратиться к тем сценам убийств и пыток. Их преследовали с неумолимой свирепостью, как диких зверей, они проводили конвенты и молитвенные собрания с мечом над головой, и неудивительно, что в тот период эти английские и шотландские кальвинисты пришли к убеждению, что они являются особым объектом как дьявольской, так и человеческой злобы. Вся их история в течение первых восьмидесяти лет семнадцатого века может объяснить только эту веру. Помимо этого искреннего чувства, духовенство пресвитерианской секты могло быть заинтересовано в поддержании вероучения, которое должно было возвеличить их заслуги как чудотворцев. **144**

144 Автор "*Гудибраса*" в интервью рыцаря и Сидрофеля (Уильям Лилли) перечисляет различные виды астрологии и колдовства, которые были в моде в это время и использовались при дворе и в парламенте с одинаковым рвением и подражанием. Доктор Закари Грей, сочувствующий редактор "*Гудибраса*", предоставляет много любопытной информации по этому вопросу в выдержках из различных старых писателей. Парламент, - как он утверждает, - принял верный способ обеспечить все пророчества, предсказания, альманахи, новости со звезд и т. д. в пользу своей стороны, назначив лицензиара, и строго запретив и наказав всех, кто не получил лицензии. Их человеком для этой цели стал знаменитый Букер, астролог, предсказатель, составитель альманахов и т. д. Слова его лицензии в Рашорте очень примечательны - для математики, альманахов и предсказаний. Если верить Лилли, то и он, и Букер хорошо колдовали и предсказывали для своих друзей - членов парламента. Он рассказывает: "Когда он обратился за лицензией на свой "*Merlinus Anglicus Junior*" (в 1644 году), Букер удивился книге, сделал много дерзких вычеркиваний, выдвинул множество возражений и поклялся, что невозможно отличить короля от парламента; и наконец выдал лицензию в соответствии со своим воображением. Лилли отдал ее печатнику, который, будучи архипресвитерианином, поручил осмотреть ее пяти министрам, которые ничего не смогли в ней найти, но сказали, что она может быть напечатана, ибо в этом он не вмешивался в дела их Дагона". (*Жизнь Лилли.*) Противодействие книге Лилли было вызвано ревностью к тому, что он не был в то время полностью в интересах парламента, что было правдой; ибо он откровенно признается, "что до 1645 года он был больше кавалером, чем круглоголовым, и поэтому его не замечали; но после этого он душой и телом включился в дело парламента". (*Жизнь.*) Лилли

последовательно сменяли его помощник Генри Коли и Джон Партридж, известный объект сатиры Свифта.

1644 и 1645 годы отличаются тем, что особенно изобиловали ведьмами и колдунами. В первом году, в Маннингтри, деревне в Эссексе, во время вспышки, когда несколько женщин были судимы и повешены, Мэтью Хопкинс впервые проявил свой особый талант. Вместе с ним в его признанной юридической профессии участвовал некий Джон Стерн. Они регулярно совершали свои обходы, взимая фиксированную плату за свои услуги в каждом городе или деревне. Безошибочными методами обнаружения были плавание и поиск тайных знаков. Хопкинс, воодушевленный неожиданным успехом, самонадеянно присвоил себе титул "генерала-колдуна". Его скромные расходы (как он сам рассказывал) составляли двадцать шиллингов за город, что покрывало расходы на дорогу и проживание, и еще двадцать шиллингов за голову каждого преступника, доведенного до суда или, по крайней мере, до казни.

В основном он объезжал восточные графства - Хантингдон, Кембридж, Саффолк, Нортгемптон, Бедфорд; и около двух или трех сотен человек, похоже, были отправлены на виселицу или на кол благодаря его активным действиям. Среди них особенно запомнился престарелый *пастор* из деревни близ Фрамлингема, мистер Лоус, который был повешен в Бури-Сент-Эдмундс. Благочестивый Бакстер, очевидец, так вспоминает об этом событии: "Известно о повешении большого количества ведьм в 1645 и 1646 годах. Мистер Калами отправился вместе с судьями на округ, чтобы выслушать их признания и убедиться, что в них не было обмана или неправды. Я беседовал со многими понимающими, благочестивыми, учеными и заслуживающими доверия людьми, жившими в этих графствах, а некоторые из них приходили к ним в тюрьму и слышали их печальные признания. Среди прочих был повешен старый *начитанный* пастор по имени Лоус, неподалеку от Фрамлингема, который признался, что у него было два импа, и один из них постоянно подбивал его на злодеяния; а когда он был недалеко от моря и увидел корабль под парусами, его побудило послать его потопить корабль, и он согласился и увидел, как корабль затонул на их глазах". Стерн, коадьютор Хопкинса, в "Апологии", опубликованной вскоре после этого, утверждает, что Лоус был обвинен в колдовстве за тридцать лет до этого; что он заключил договор с дьяволом, запечатав его своей кровью, и имел тех знакомых или духов, которые присосались к меткам, найденным на его теле; Он признался, что, кроме того, что потопил вышеупомянутое судно и сделал четырнадцать вдов за четверть часа, он совершил много других бедствий; что он не раскаивается в своем злодеянии, а радуется силе своих импов.

Чрезмерные разрушения и жестокость, проявляемые без разбора Генеральным колдуном, побудили мистера Гаула, викария Грейт-Стаутона в Хантингдоншире, выдвинуть некоторые возражения против бесчеловечного характера его метода. Гаул, как и Джон Котта до него и другие представители этого класса, был вынужден оспаривать правомерность обычных судебных преследований не столько из недоверия, сколько из гуманности, которая возмущалась экстравагантностью жестокости судей. В книге "Избранные случаи совести, касающиеся ведьм и колдовства" священник из Грейт-Стоутона описывает один из обычных способов выявления вины обвиняемого, основываясь на личном опыте. Взяв подозреваемую ведьму, ее ставят посреди комнаты на табурет или стол, скрестив ноги, или в какую-нибудь другую неудобную позу, к которой, если она не подчиняется, ее привязывают веревками: Там за ней наблюдают и держат без мяса и сна в течение четырех и двадцати часов (ибо говорят, что в течение этого времени они увидят, как ее импы приходят и сосут); в двери также делают небольшое отверстие, чтобы импы входили, и, чтобы они не приходили в какой-нибудь менее заметной форме, тех, кто наблюдает, учат постоянно подметать комнату, и если они увидят

пауков или мух, убивать их; и если они не могут убить их, тогда они могут быть уверены, что это ее импы.'

Одобренными способами обнаружения были "купание" и "укалывание". В первом случае ведьму раздевали догола, надежно связывали (руки и ноги скрещивали), заворачивали в одеяло или ткань и несли к ближайшей воде, где ее укладывали на спину, предлагая всплыть или утонуть. В первом случае (вода нередко отказывалась принимать несчастных, потому что, по словам Якова I, они нечестиво сбросили с себя святую воду крещения) ее спасали для костра или виселицы; если же она опускалась на дно, то была должным образом и однозначно оправдана в подозреваемой вине. Больше всего Хопкинс гордился своей способностью обнаруживать особые приметы. Раздев подозреваемую женщину догола или до пояса (в зависимости от обстоятельств), иногда прилюдно, этот стигматичный профессор начинал искать скрытые знаки с неусыпным вниманием. Обнаружив родинку, бородавку или любую другую подобную отметину, они проверяли "бесчувственность", втыкая в нее иглы, булавки, шила или любые другие остроконечные инструменты; а у старой и дряхлой короны нетрудно было бы найти более нечувствительное место.

Такие обследования проводились с пренебрежением к человечности и приличиям. Все отвратительные обстоятельства следует искать в работах писателей, посвященных этой теме. Реджинальд Скот собрал многие из самых распространенных. Эти следы считались сосками, к которым присасывались демоны или импы. Много было судебных и вульгарных методов выявления виновных: повторение молитвы "Отче наш", взвешивание по церковной Библии, заставляя проливать слезы - ведь ведьма может проливать слезы только левым глазом, да и то с трудом и в ограниченном количестве. Противодействующие или профилактические чары столь же многочисленны, сколь и любопытны, и не мало из них пользуются популярностью в некоторых регионах и по сей день. Наиболее эффективным было "втягивание крови". Забивание гвоздей в лошадиный башмак - одно из самых известных профилактических средств. Этот эффективный оберег вешали над входом в церкви и дома, и ни один колдун или ведьма не могли отважиться на него.¹⁴⁵ 'Забивание над дыханием' всесильно в Шотландии, где ведьме наносили порезы или 'скотч' на лицо и лоб. Тайно отрезают прядь волос обвиняемой, сжигают солому ее крыши и заколдованную вещь; это лишь некоторые из наименее оскорбительных или непристойных методов противодействия колдовству.¹⁴⁶ В какой степени или в каком виде фетиш-чары африканских дикарей более нелепы или отвратительны, чем те, что были популярны в Англии 200 лет назад, определить нелегко.

¹⁴⁵ Ведьма Гея жалуется:

Соломинки, положенные поперек, замедляют мой шаг.
Конский башмак, прибитый гвоздями, охраняет каждый порог.
Чахлый веник прячут женщины.
Из страха, что я встану и поеду.
Они втыкают булавки в мое кровоточащее сиденье,
И просят меня показать мой тайный сосок".

¹⁴⁶ Различные любовные чары, амулеты и заклинания в колдовской аптеке (как и восковое изображение, известное и древнему, и современному искусству) одинаково чудовищны и абсурдны. Более естественным и приятным был ἰ μὲν ποικίλος, неотразимое очарование Афродиты. Здесь -

θελκτήρια πάντα τέτυκτο •

Ἦθ' ἔνι μὲν φιλότης, ἐν δ' ἴμερος, ἐν δ' ὀαριστὺς,

Πάρφασις, ἥ τ' ἔκλεψε νόον πύκα περ φρονεόντων.

Мэтью Хопкинс в течение нескольких лет с большим успехом и овациями занимался прибыльным ремеслом охоты на ведьм. Его огульные обвинения в конце концов вызвали либо тревогу, либо негодование горожан, если верить традиции, предложенной в известных стихах Батлера, у которого, очевидно, нет никаких оснований для инсинуации ("Hudibras", ii. 3), что этот выдающийся *Маллеус* не умер "обычной смертью всех людей". Как бы то ни было, его смерть отнесена к 1647 году. Незадолго до этого он опубликовал "Апологию" в опровержение распространившегося вредного сообщения о том, что он был в близком союзе с дьяволом, от которого он получил книгу записей, в которую были занесены имена всех ведьм в Англии. Она озаглавлена "Разоблачение ведьм; в ответ на несколько запросов, недавно заданных судье Ассиза графства Норфолк; и теперь опубликованных Мэтью Хопкинсом, охотником за ведьмами, на благо всего королевства. Напечатано для Р. Ройстона, в "Ангеле в Инн Лейн", 1647 г.". ¹⁴⁷ Действительно, достаточно вероятно, что, будучи уверенной в растущем хладнокровии, а возможно, и в желании магистратов, толпа, всегда готовая отомстить опальному фавориту, который долго злоупотреблял терпением публики, отмстила Хопкинсу за тот способ пыток, который он часто применял к другим. ¹⁴⁸

¹⁴⁷ Цитируется сэром В. Скоттом по экземпляру этого "очень редкого трактата", находящегося в его распоряжении.

¹⁴⁸ Доктор Фрэнсис Хатчинсон ("Исторический очерк"), ссылаясь на стихи Сэмюэля Батлера, говорит, что часто слышал, как некие люди, "возмущенные варварством [охотника за ведьмами], взяли его и связали ему большие пальцы рук и ног, как он связывал других; а когда его опустили в воду, он сам поплыл, как они". Но ждала ли его обычная судьба после этого события, неизвестно. Стихи, о которых идет речь, следующие:.

"Не он ли, в течение года,
Не повесил три десятка в одном графстве,

* * * * *

Который после показал себя ведьмой,
И сделал жезл для своей собственной казни?

Рыцарский оруженосец по тому же поводу напоминает своему господину о самых известных проделках дьявола того и прошлого века: - "Разве не являлся дьявол?

"Не явился ли дьявол Мартину
Лютеру в Германии,
И хотел одурманить его хитростью.
Но Март был слишком, слишком политичен?
Не он ли помог голландцам очистить
В Антверпене их соборную церковь?
Пойте гимны святым в Масконе,
И рассказал им все, о чем они пришли его спросить?
Явиться в разных обличьях к Келли,
И говорить с монахиней из живота Лаудуна?

Встретиться с комитетом парламента
В Вудстоке по поводу договора?
... и т. д. и т. п."

Hudibras, ii. 3.

Хопкинс - самый знаменитый из своих коллег благодаря своему выдающемуся таланту; но и в Англии, и в Шотландии охотники за ведьмами, или, как их иногда называли, *колющие*, до и после его времени были многочисленны - разумеется, больше всего там, где суеверие бушевало сильнее всего. В Шотландии они заполнили все уголки страны, занимаясь своим отвратительным, но законным ремеслом совершенно безнаказанно. Шотландские колдуны пользовались большой репутацией за свое мастерство и успех; и по особому случаю, примерно в то время, когда Хопкинс практиковал на юге, магистраты Ньюкасла-на-Тайне вызвали из Шотландии одного человека с большим профессиональным опытом, чтобы он посетил этот город, в то время переполненный ведьмами. Магистраты согласились оплатить ему все дорожные расходы и по двадцать шиллингов за каждого осужденного преступника. По городу был разослан посыльный, чтобы пригласить всех жалобщиков высказать свои обвинения. Около тридцати женщин, приведенных в ратушу, были публично подвергнуты освидетельствованию. Обычным способом была установлена вина двадцати семи женщин, из которых на последующих заседаниях присяжные признали виновными и казнили четырнадцать женщин и одного мужчину.

Считается, что три тысячи человек пострадали за это преступление в Англии во времена верховенства Долгого парламента. После прихода к власти Индепендентов наступила передышка в этом кровавом преследовании, но оно возобновилось с почти такой же жестокостью после возвращения Стюартов. Протекторство было начато рациональным протестом джентльмена, свидетеля одного из судебных процессов, сэра Роберта Филмора, в трактате "Уведомление для присяжных Англии о ведьмах". Через два года последовал аналогичный протест некоего Томаса Эди под названием "Свеча в темноте; или Трактат о природе ведьм и колдовства: совет судьям, шерифам, мировым судьям и присяжным заседателям, что делать, прежде чем вынести приговор тем, кто обвиняется в ведьмовстве". Несмотря на общую веротерпимость Содружества, в 1652 году, за год до вступления Кромвеля в диктатуру (1653-1658), наметилась тенденция к возвращению к старой системе, и несколько человек были казнены в разных частях страны. Шестеро были повешены в Мейдстоне. Некоторые желали, чтобы их сожгли в пепел, утверждая, что среди многих бытует мнение, что если тело ведьмы сжечь, то ее кровь тем самым предотвращает передачу потомству того же зла, а если повесить - то нет; но ошибочно ли это мнение или нет, - добавляет репортер, - я не берусь оспаривать".

ГЛАВА IX.

Sadducismus Triumphatus Гланвила - его взгляды на колдовство и демонологию - "Уверенность в мире духов" Бакстера и т. д. - Суд над ведьмой в Bury St. Эдмунда сэром Мэтью Хейлом, 1664 г. - Доказательства, представленные в суде - Две ведьмы повешены - Три повешены в Эксетере в 1682 г. - Последние ведьмы, казненные в Англии в судебном порядке - Однородность доказательств, представленных на процессах - Нападки Уэбстера на колдовство в 1677 г. - Процессы над ведьмами в Англии в конце XVII в. - Французские

парламенты подтверждают дьявольскую реальность этого преступления - Колдовство в Швеции.

Дерзкая разнузданность и плохо скрывааемый скептицизм Карла II и его двора, чьи деспотические предрассудки, однако, поддерживаемые ревностью церкви, преследовали несогласных с формой религии, которая утверждала "право королей управлять неправыми", могли бы быть безразличны к предрассудкам о колдовстве. Но князья и деспоты прежних времен редко заботились о жизни своих подданных больше, чем о свободе. Официальная апология реальности этого преступления, опубликованная чрезвычайным капелланом Карла II, преподобным доктором Джозефом Гланвилем, против современных саддукеев (весьма незначительной секты), которые отрицали как призраков, так и ведьм, их хорошо подтвержденные явления и действия, уже была замечена. Его философское исследование (так он его называет) природы и действия колдовства (*Sadducismus Triumphatus*, *Sadduceeism Vanquished*, или "Соображения о колдовстве") было вызвано случаем, который попал под личное наблюдение автора - "стуки" демона Тедворта в доме мистера Момпессона. Демон Тедворта, должно быть, принадлежал к той разновидности активных духов, которая в последнее время так помогает просветить спиритические сеансы нашего времени.

Гланвил прослеживает шаги, по которым благонамеренный студент может быть невольно вовлечен в *диаблерию*. Этот философский исследователь замечает: - "Эти мистические студенты, возможно, при первом обращении к науке [астрологии] не имеют иного замысла, кроме удовлетворения своего любопытства к познанию отдаленных и скрытых вещей; однако в дальнейшем, не удовлетворяясь рамками своего искусства, они не раз склоняют любопытного дознавателя к использованию худших средств получения информации; И, несомненно, те злобные духи, которые бдительны, как хищные звери, и следят за всеми случаями, чтобы заполучить нас в свои завистливые руки, более постоянно следят и внимательно наблюдают за действиями и наклонностями тех, чей гений и замыслы готовят их к своим искушениям. Так что я смотрю на судебную астрологию как на честное введение в колдовство и чародейство; и кто знает, не была ли она впервые поставлена на ноги inferнальными охотниками как приманка, чтобы заманить *curiosos* в те силки, которые скрываются за ней. И все же я верю, что это может быть достаточно невинно изучено..... Я полагаю, что среди тех, кто пристрастился к этим странным искусствам гадания и предсказания, найдется очень мало тех, кто подвергся нападению неизвестных адвокатов и был ими соблазнен на более опасные действия и переписку. Ибо, как есть род низменных и подлых духов, которые посещают зависть и злобу невежественных и гнусных людей, и предают их договорам обещаниями мести; так, без сомнения, есть род более воздушных и умозрительных извергов, более высокого ранга и порядка, чем эти жалкие импы, которые применяют себя к любопытным..... Да, и иногда они так осторожны и осмотрительны в разговорах с более утонченными людьми, что никогда не предлагают заключить с ними какой-либо *явный* договор. И с этой целью мне сообщил один очень уважаемый и ученый доктор, что один мистер Эдвардс, магистр искусств Тринити-колледжа в Кембридже, будучи освобожден от колдовства, заявил в своем раскаянии, что демон всегда являлся ему как человек хорошей моды и никогда не требовал от него никаких обязательств: и без сомнения, они сортируют себя в соответствии с уровнем, должностью и гением тех, с кем они общаются. [149](#)

[149](#) *Sadducismus Triumphatus*, раздел xvi.X

Любопытны взгляды королевского капеллана на демонологию . "Поскольку о добрых людях, - рассуждает он, - в их состоянии разделения говорят, что они *ἰ σάγγελοι*, то почему злые не

могут быть *ἰσοδαίμονες* (в худшем смысле этого слова), я не знаю ничего, что помогло бы мне представить. А если предположить, что ведьмины бесы иногда бывают злыми духами нашего рода и природы, и, возможно, теми же самыми, которые были ведьмами и колдунами в этой жизни: это предположение может дать более справедливый и вероятный отчет о многих действиях колдовства и чародейства, чем другая гипотеза, что они всегда дьяволы. И к этому предположению я осмелюсь присоединить другое, которое также имеет свою вероятность, а именно, что это не невероятно, но знакомые ведьм являются мерзким видом духов очень низкого телосложения и природы; и никто из тех, кто когда-то был высшей иерархии теперь выродился в духов, которых мы называем дьяволами..... И что все высшие - да, и низшие - регионы имеют свои несколько видов духов, различающихся по их природным совершенствам, а также по видам и степеням их порочности; что предполагается, "весьма вероятно, что те из самых низких и подлых видов - это те, кто покоряется сервильности".¹⁵⁰ Любопытно предположить, как старые апологеты колдовства отнеслись бы к современным "куриозо" - авантюрным *спиритическим медиумам* наших дней, и являются ли духи, к которым обращаются, "низменными и гнусными" или "своего рода воздушными и более умозрительными извергами". Справедливо предположить, что они относятся к последнему классу.

¹⁵⁰ *Sadducismus Triumphatus*, часть I., разд. 4. К этому труду прилагается "Собрание отношений" с хорошо подтвержденными случаями. Гланвил был одним из первых стипендиатов недавно созданного Королевского общества. Он является автором философского трактата большого достоинства - "*Scepsis Scientifica*", рецензия на который занимает несколько страниц "*Введения в европейскую литературу*", и который положительно оценивает Халлам. Не последним необъяснимым фактом в истории и литературе о колдовстве является абсурдное противоречие, связанное с безграничным доверием писателей (которые скептически относились к почти

Автор "Вечного покоя святых", умеренный и добросовестный Бакстер, был современником англиканского божества. В другой, более поздней работе этот объемный богословский писатель более полно развил свои спиритуалистические идеи. 'The Certainty of the World of Spirits fully evinced by unquestionable Histories of Apparitions, Witchcrafts, Operations, Voices, &c., proving the Immortality of Souls, the Malice and Misery of Devils and the Damned, and the Blessedness of the Justified. Написано для убеждения саддукеев и неверных', - грозная надпись, которая, должно быть, если не покорила, то ошеломила неверность современных саддукеев.¹⁵¹

¹⁵¹ Было бы неинтересно, но меланхолично исследовать процесс рассуждения или, скорее, неразумия, который вовлекал таких честных людей, как Ричард Бакстер, в лабиринт легковерия. Хотя они отвергали принцип постоянно повторяющихся церковных чудес католицизма (столь симпатичный и полезный для пылкой веры), их благочестивое воображение все же нуждалось в помощи настоящего сверхъестественного, чтобы поддержать свою веру среди недоуменных сомнений и трудностей обычной жизни, И они с радостью приняли утешительную веру в то, что нынешние беды - дело рук дьявола, чья временная власть, однако, должна быть свергнута в мире грядущем, когда вера и постоянство его жертв будут вечно вознаграждены.

О приговоре и казни двух старух в Bury St. Edmund's в 1664 году уже говорилось. Этот процесс проходил при обстоятельствах большой торжественности и со всеми внешними формами правосудия - сэр Мэтью Хейл председательствовал в качестве лорда-главного барона: ниже приводится часть доказательств, полученных двести лет назад в английском суде под председательством одного из величайших украшений английской скамьи. Одна из

свидетельниц, женщина по имени Дороти Дюрент, заявила, что она поссорилась с некой Эми Дьюни, сразу после чего у ее младенца начались судороги. И далее указанная свидетельница заявила, что, будучи обеспокоена расстройством своего ребенка, она обратилась к некоему человеку по имени доктор Джоб Джейкоб, который жил в Ярмуте и имел в стране репутацию человека, помогающего заколдованным детям; тот посоветовал ей повесить детское одеяло в углу дымохода на весь день, а вечером, когда она уложит ребенка спать, положить его в это одеяло; и если она найдет в нем что-нибудь, то не должна бояться, а бросить в огонь. Так и поступила по его указанию; а ночью, когда она сняла одеяло, намереваясь положить туда ребенка, из него выпала большая жаба, которая бегала по очагу; и она, имея в доме только молодого юношу, пожелала, чтобы он поймал жабу и бросил ее в огонь, что юноша и сделал, держа ее там щипцами; И как только жаба оказалась в огне, она подняла большой и страшный шум; а через некоторое время в огне раздалась вспышка, как от пороха, и шум, похожий на выстрел из пистолета, после чего жабу больше не было ни видно, ни слышно. Суд спросил, не было ли видно, что после шума и вспышки вещество жабы сгорело в огне; и Дороти Дюрент ответила, что после вспышки и шума его было видно не больше, чем если бы его там не было. На следующий день пришла молодая женщина, родня упомянутой Эми и соседка этого депонента, и сказала ему, что ее тетя (имеется в виду упомянутая Эми) находится в самом плачевном состоянии, лицо ее все опалено огнем, и что она сидит одна в своем доме в плаще без всякого огня. И потому сей депонент отправился в дом упомянутой Эми Дуни, чтобы повидать ее, и нашел ее в том же состоянии, о котором ей рассказывали; ибо лицо ее, ноги и бедра, которые видел сей депонент, казались сильно опаленными и обожженными огнем; на что сей депонент очень удивился и спросил, как она оказалась в таком печальном состоянии. И Эми ответила, что она может поблагодарить ее за это, так как она (депонент) была причиной этого; но она должна была дожить до того времени, когда некоторые из ее детей умрут, а она будет ходить на костылях. И далее эта свидетельница утверждает, что после сожжения упомянутой жабы ее ребенок выздоровел и снова был здоров, и на момент рассмотрения дела был жив". Далее обвиняемые предстали перед судом за то, что околдовали семью мистера Сэмюэля Пэйси, купца из Лоустофта. Ведьма, отвернувшись от их двери, сразу же отомстила им, вызвав страшные приступы и боли в животе, вызванные, по-видимому, внутренним укалыванием булавками; дети неистово кричали, их рвало гвоздями, булавками и иглами, и они выкрикивали обвинения в адрес нескольких женщин города, пользующихся дурной репутацией, особенно двух из них, Эми Дьюни и Роуз Каллендер.

В суд явился друг семьи и дал следующие показания: "В некоторые моменты дети видели, как по дому бегали какие-то существа, похожие на мышей, а один из них вдруг схватил одну щипцами и бросил в огонь, и она взвизгнула, как летучая мышь. В другой раз младший ребенок, выйдя из припадка, вышел за дверь подышать свежим воздухом, и тут ей на лицо налетела маленькая тварь, похожая на пчелу, и забралась в рот, после чего ребенок со всей поспешностью побежал к двери, чтобы снова попасть в дом, пронзительно крича от ужаса. После этого депонент поспешила к ней, но не успела добежать, как ребенок упал в обморок, и наконец, с сильной болью и напряжением, ее вырвало двухпенсовым гвоздем с широкой головкой; на вопрос депонента, откуда у нее этот гвоздь, она ответила, что пчела принесла этот гвоздь и затолкала его ей в рот. В другой раз старший ребенок заявил этому подсудимому, что во время припадков она видела, как к ней прилетали мухи и приносили в рот кривые булавки; после того как ребенок заявил об этом, у нее снова начались сильные припадки, и после этого она подняла несколько булавок. В другой раз старший ребенок заявил этому подзащитному, что, сидя у огня, он внезапно вскочил и сказал, что видит мышь; она залезла под стол и стала ее искать; в конце концов она положила что-то в свой фартук, сказав, что поймала ее. Она тут же побежала к огню и бросила это в огонь, и на нем

появилось что-то похожее на вспышку пороха, хотя она призналась, что ничего не видела в руках ребенка". Другим свидетелем была мать служанки Сюзанны Чандлер, чьи показания во многом схожи, но с добавлением того, что ее дочь иногда поражалась слепоте и немоте по бесовскому наущению в тот момент, когда требовалось ее свидетельство в суде. Когда ее привели в суд на процесс, она внезапно впала в припадок, и когда ее снова вынесли из суда, в течение получаса она пришла в себя и восстановила свою речь; после этого ее немедленно привели в суд и спросили, в состоянии ли она принести присягу и дать показания. Она ответила, что может. Но когда ее привели к присяге и спросили, что она может сказать против кого-либо из заключенных, она не успела ничего ответить, как впала в припадок, жалобно вскрикнув и воскликнув: "Сжечь ее! Сжечь ее!" - и это были все слова, которые она могла произнести". Один или двое из менее доверчивых сомневались в происхождении припадков и искажений, "чтобы избежать этих сомнений, судья в частном порядке пожелал, чтобы лорд Корнуоллис, сэр Эдмунд Бэкон, мистер сержант Килинг и некоторые другие джентльмены, находившиеся в суде, присутствовали при одной из расстроенных особ в самой дальней части зала, пока она будет в припадках, а затем послали за одной из ведьм, чтобы проверить, что произойдет, что они и сделали". Некоторые из одержимых, получив доказательство в виде закрытых глаз и прикосновения к руке одного из присутствующих, упали в конвульсиях, как будто их коснулись ведьмы.

Возникшее таким образом подозрение в самозванстве было быстро заглушено новыми доказательствами. Роберт Шеррингем, фермер, заявил, что "около двух лет назад, проезжая по улице со своей телегой и лошадьми, ось его телеги задела ее дом и сломала часть его; на что она была очень недовольна и пригрозила ему, что его лошади должны пострадать за это. Так и случилось, ибо все эти лошади, числом четыре, умерли в течение короткого времени после этого. С тех пор он понес большие потери от внезапной смерти другого скота. Как только его свиноматки поросятся, свиньи начинают прыгать и капризничать, но тут же падают и умирают. Кроме того, вскоре после этого у него началась такая хромота в конечностях, что он несколько дней не мог ни ходить, ни стоять". [152](#)

[152](#) Этот свидетель закончил свои показания, сообщив суду, что "после всего этого его очень донимало огромное количество вшей, необычайно больших; и хотя он много раз избавлялся от них, лучше ему не становилось, но они снова кишели. Так что в конце концов он был вынужден сжечь всю свою одежду, а именно два костюма, после чего очистился от них" - "Рассказы о колдовстве и т. д., из самых достоверных источников, Томас Райт".

Крайняя нелепость, даже более чем беззаконие, обвинений может считаться главной характеристикой подобных процедур: эти *детские* обвинения были с готовностью приняты обвинителями, присяжными и судьей. После получасового обсуждения присяжные вынесли единогласный вердикт против заключенных, которые были повешены, до конца протеста против своей невиновности. За год до этого в Таунтоне была повешена женщина по имени Джулиан Кокс на основании показаний охотника о том, что заяц, укрывшийся от его преследования в кустах, был найден на противоположной стороне в облике ведьмы, принявшей облик животного и воспользовавшейся возможностью спрятаться, чтобы вернуть себе прежний облик. В 1682 году в Эксетере были казнены три женщины. Их колдовство было того же рода, что и у ведьм из Бури. В английском колдовстве, рассматриваемом в судах, действительно мало разнообразия. В основном они сводятся к истерическим, эпилептическим или другим припадкам, сопровождающимся рвотой различными ведьминскими орудиями пыток. Ведьмы из Эксетера запомнились как последние казненные по суду в Англии.

Нападки на суеверие разной степени убедительности не прекращались ни в один период семнадцатого века. Вебстер, который, отличаясь в этом отношении от большинства своих предшественников, заявил, что все колдовство основано на природных явлениях, легковерии, пытках, самозванстве или заблуждении, заслужил особую славу среди защитников здравого смысла. В юности он был хорошо знаком со знаменитым делом ланкаширских ведьм и имел все возможности изучить абсурдные непристойности многочисленных экспертиз. Его заслуженный труд был представлен миру в 1677 году под названием 'The Displaying of Supposed Witchcraft'. К концу века суды над ведьмами все еще продолжались, но судебные инстанции наконец-то освободились от упреков в законных убийствах.

Великая революция 1688 года, поставившая принципы протестантизма на более прочную основу, не могла не повлечь за собой как интеллектуальных, так и политических перемен. Признание требований здравого смысла (по крайней мере, в отношении дьяволизма), казалось, началось с того времени; и в 1691 году, когда некоторые из преступников предстали перед судом в Фроме, в Сомерсетшире, они были оправданы, не без труда, благодаря усилиям лучшего разума председательствующего судьи, лорда верховного судьи Холта. К счастью для обвиняемых, лорд-главный судья Холт был человеком не только здравомыслящим, но и юридически подкованным, поскольку он присутствовал в качестве судьи на многих судебных процессах в разных частях королевства. Нашлись и обвинители, и присяжные, которые охотно отправили бы осужденных на смерть. Но наступила эпоха, когда, наконец, выяснилось, что огонь и пытки не могут потушить ни колдовство, ни любую другую ересь; и принцы и парламенты Европы, казалось, начали частично признавать философскую максиму, что "ересь и колдовство - два преступления, которые обычно увеличиваются от наказания, и никогда не подавляются так эффективно, как если ими полностью пренебрегают".

Во Франции примерно до 1670 года мало что изменилось в ярости и количестве судебных преследований. В том году несколько женщин были приговорены провинциальным парламентом Нормандии к смертной казни за посещение *Домданиэля* или субботнего собрания. Людовика XIV убедили заменить приговор пожизненным изгнанием. Парламент выразил протест по поводу столь удивительного вмешательства в ход правосудия и представил королю петицию, в которой настаивал на ужасающей реальности преступления, которое "ведет к разрушению религии и гибели народов". [153](#)

[153](#) "Ваш парламент, - протестуют эти законодатели, - счел своим долгом по случаю этих преступлений, величайших из тех, что могут совершить люди, ознакомить вас с общими и едиными чувствами жителей этой провинции по отношению к ним; кроме того, это вопрос, в котором заинтересованы слава Божья и облегчение ваших страдающих подданных, которые стонут под страхом угроз и опасений такого рода людей и ежедневно ощущают их последствия в виде смертельных и чрезвычайных болезней, которые на них нападают, и удивительного ущерба и потери их имущества". Затем они рассматривают различные законы и постановления Церкви и государства с древнейших времен в поддержку своих убеждений: они ссылаются на авторитет Церкви в соборах и на ее самых известных учителей. Особенно они настаивают на мнении святого Августина в его "*Городе Божьем*" как на неопровержимом. После стольких авторитетов и наказаний, предписанных человеческими и божественными законами, мы смиренно умоляем Ваше Величество еще раз задуматься о необычайных результатах, которые проистекают из злобы этого рода людей; о смертях от неизвестных болезней, которые часто являются следствием их угроз; о потере вещей и имущества Ваших подданных; о доказательствах вины, постоянно предоставляемых бесчувственностью следов

на обвиняемых; о внезапной перевозке тел с места на место; о жертвоприношениях, ночных собраниях и других фактах, подтвержденных свидетельствами древних и современных авторов, проверенных столькими очевидцами, состоящими частично из соучастников, частично из людей, не заинтересованных в судебном процессе, кроме любви к истине, и подтвержденных, кроме того, признаниями самих обвиняемых, и, сиречь, с таким согласием и соответствием между различными случаями, что самые невежественные люди, осужденные за это преступление, говорили о тех же обстоятельствах и почти теми же словами, что и самые знаменитые авторы, писавшие о нем; Все это может быть легко доказано к удовлетворению Вашего Величества записями различных судебных процессов в Ваших парламентах.'- Приведено в *"Мемуарах о необычайных народных заблуждениях"*. Людовик XIV, с непривычной заботой о человеческой жизни, сопротивляясь этим убедительным аргументам, остался тверд, и осужденные были спасены от костра.

В то время как большинство европейских правительств довольствовались тем, что оставляли колдунов и ведьм на произвол народа, молчаливо предоставляя толпе право действовать против них по своему усмотрению, без вмешательства закона, в одном из отдаленных королевств Европы преследование ведьм началось с обычной яростью, с прямой санкции правительства. Любопытно, что в последние моменты существования колдовства как легального преступления один из последних костров был разожжен в Швеции, стране, которая, будучи удаленной от континентальной Европы, похоже, до этого времени была свободна от судебных эксцессов Англии, Франции или Германии. История ведьм из Мохры приводится в приложении к "Коллекции отношений" Гланвила, составленном доктором Энтони Хорнеком. Эпидемия вспыхнула в 1669 году в деревне Мохра, расположенной в гористой местности в Центральной Швеции. Несколько детей были поражены болезнью воображения или озорства, которая унесла их в место под названием Блокула, где они общались и праздновали с дьяволом. Эти дети, составлявшие значительную часть окрестной молодежи, были подстрекаемы, по-видимому, самозванством или легковерием служителей Мохры и Эльфдейла, которые рассказывали о различных операциях на спиритических *сеансах*. Страшное волнение народа настолько возросло, что король назначил комиссию, состоящую как из духовенства, так и из мирян, для расследования происхождения и обстоятельств этого дела. Она приступила к работе в августе 1670 года. Были назначены дни для смирения и молитвы, а торжественная служба открыла судебные слушания. В соответствии с догмой самых авторитетных иностранных властей, которые допускали показания самых больших преступников и самого юного возраста, комиссия начала с допроса детей, числом триста, утверждавших, что они околдованы, противопоставив им ведьм, которые, согласно обвинительному заключению, были средством дьявольского обольщения. Их строго допрашивали, уверены ли они в том, что действительно были унесены дьяволом в его собственном лице. Получив утвердительный ответ, королевские комиссары приступили к допросу самих обвиняемых: "Истинны ли признания этих детей, и увещевали их исповедовать истину, чтобы они могли обратиться от дьявола к Богу живому". Сначала большинство из них очень жестко, не проронив ни единой слезинки, отрицали это, хотя и во многом против своей воли и склонности. После этого дети были осмотрены каждый сам по себе, чтобы выяснить, согласны ли их признания или нет; и члены комиссии нашли, что все они, за исключением некоторых совсем маленьких, которые не могли рассказать всех обстоятельств, были точно согласны в своих признаниях в деталях. Тем временем уполномоченные, принадлежавшие к духовенству, допрашивали ведьм, но не могли привести их ни к какому признанию: все они упорно отрицали свою вину, пока наконец некоторые из них не разрыдались, и их признание совпало со словами детей; они выразили свое отвращение к этому факту и просили прощения, добавив, что дьявол, которого они называли *Локита*, затыкал рты некоторым из них, так не хотелось ему расставаться со своей

добычей, и затыкал уши другим. И когда теперь он ушел от них, они не могли больше скрывать этого, ибо теперь они поняли его вероломство". Эльфдейлские ведьмы были побуждены объявить: "Мы, жители провинции Эльфдейл, признаемся, что обычно ходили в гравийный карьер, который находится на пересечении дорог, и там надевали на голову жилет, а затем танцевали вокруг; после этого бежали к пересечению дорог и трижды звали дьявола, сначала тихим голосом, второй раз несколько громче, а третий раз очень громко, с такими словами: "Антецессор, приди и перенеси нас в Блокулу". После этого он сразу же появлялся, но в разных одеждах, но чаще всего мы видели его в сером плаще и красно-синих чулках. 154 У него была рыжая борода, шапка с высоким венцом, обмотанная бельем разных цветов, и длинные подвязки на чулках. Затем он спросил нас, будем ли мы служить ему душой и телом. Если мы были согласны, он посадил нас на зверя, который был у него наготове, и понес через церкви и высокие стены, и в конце концов пришел на зеленый луг, где лежит Блокула [Брокенберг в Гарцском лесу, как полагает Скотт]. Мы раздобыли там обрезки алтарей и опилки церковных часов, а затем он дал нам рог с мазью, которой мы помазали себя, и седло, а также молоток и деревянный гвоздь, чтобы закрепить седло. После этого мы призываем дьявола и уходим".

154 Приспосабливаясь к современной утонченности, дьявол обычно отказывается от старинных рогов, копыт и хвоста; и если, как предположил доктор Меде, "появляясь в человеческом облике, он всегда имеет уродство того или иного неотесанного члена", эти неудобные придатки маскируются настолько, насколько это возможно. Как объясняет гетевский Мефистофель своей ведьме:

"Культура, которая делает человека менее похожим на обезьяну, также придала форму дьяволу".

Было задано множество вопросов. В том числе, как им удалось пройти по дымоходам и через небьющееся стекло (на что был дан ответ, что дьявол устраняет все препятствия); как они смогли перевезти столько детей за один раз и т.д. Они признали, что до последнего времени у них никогда не было сил возить детей, но только в этом и прошлом году: и тогда дьявол принудил их к этому; что раньше им достаточно было взять с собой только одного из своих или чужого ребенка, что случалось редко; но теперь он изводит их и бьет их, если они не приносят ему много детей, так что у них нет для него ни мира, ни покоя. И если раньше им хватало одной поездки в неделю из своего города в вышеупомянутое место, то теперь они были вынуждены бегать за детьми в другие города и места, и каждую ночь они привозили с собой то пятнадцать, то шестнадцать детей". Что касается средств передвижения, то иногда это были люди, в другое время - звери, вертелы и столбы, но предпочтительнее было ехать на козах, чьи спины становились более удобными благодаря использованию волшебной мази, когда нужно было перевезти большой груз, чем обычно. Прибыв в Блокулу, они приступили к дьявольскому посвящению. Сначала их заставили отречься от своего крещения и принести клятву верности новому хозяину, которому они посвятили душу и тело, чтобы верно служить. Их новое крещение было крещением кровью: повелитель отрезал им пальцы и кровью записал их имена в своей книге. После других церемоний они сажаются за стол, и их угощают не самыми лучшими яствами (для такого случая и от такого хозяина) - мясом, беконом, сыром, овсянкой. Танцы и драки (последнее - особенность северной субботы) следуют друг за другом. Они также предаются разврату Юга: ведьмы имеют потомство от общения с демонами, которые вступают в брак и производят на свет беспородную породу жаб и змей. В качестве интерлюдий, как можно предположить, к серьезной части развлечения изверг придумывал различные шутки, притворяясь мертвым; и, более серьезная шутка, он

предлагал им возвести огромное здание из камня, в котором они должны были спастись в приближающийся судный день. Занимаясь этой работой, он обрушивал недостроенный дом на их уши, к ужасу, а иногда и к ущербу для своих вассалов.¹⁵⁵ Некоторые из свидетелей рассказывали о большом драконе, объятom пламенем, и железном стуле; о видении горящей ямы. Священник округа дал показания, что, страдая от мучительной головной боли, он мог объяснить необычную тяжесть приступа только предположением, что ведьмы исполнили один из своих inferнальных танцев над его головой, пока он спал в постели : и одна из них, в соответствии с этим предположением, призналась, что дьявол послал ее с кувалдой, чтобы вбить гвоздь в висок несносного священнослужителя. Его спасла прочность черепа, а единственным результатом, как уже говорилось, стала сильная боль в голове.

¹⁵⁵ *Дьявол Буато* Ле Сажа, который так любезно знакомит испанского студента с тайными реалиями человеческой жизни, как можно заметить, обладает более рациональным и более поучительным характером, чем обычные демоны, появляющиеся на пирах ведьм для совершения своих бессмысленных и фантастических обрядов.

Все убедительные доводы экзаменаторов не смогли побудить ведьм повторить перед ними свои хорошо известные трюки: ведь, как они утверждали, "с тех пор как они признались всем, они обнаружили, что все их колдовство исчезло: И в это время явился дьявол, очень страшный, с когтями на руках и ногах, с рогами на голове и длинным хвостом сзади, и показал им яму, горящую на вытянутой руке; но дьявол снова столкнул человека вниз железной вилкой и внушил ведьмам, что если они будут продолжать исповедоваться, то он поступит с ними таким же образом." Вот некоторые из интересных деталей этого судебного заседания, о которых сообщают современники. Семьдесят человек были приговорены к смерти. Одна женщина при отмене приговора заявила (что было частым явлением), что у нее есть ребенок; остальные упорно отрицали свою вину. Двадцать три человека были сожжены на одном костре в деревне Мохра. Пятнадцать детей также были казнены, а пятьдесят шесть других, осужденных за колдовство в легкой степени, были приговорены к различным наказаниям: бичеванию в каждое воскресенье в течение целого года, что было менее суровым приговором. Судебные разбирательства были прекращены, по-видимому, из-за страха высших классов за свою безопасность. Указ короля, который санкционировал расследование, теперь предписывал его прекратить, а историю комиссии попытались погрузить в тихую неизвестность. Во всех церквях Швеции были вознесены молитвы об избавлении от злобы сатаны, который, как считалось, был выпущен на свободу для наказания страны.¹⁵⁶ Примечательно, что эпизоды шведских процессов в основном воспроизводят доказательства, добытые в судах Франции и Германии.

¹⁵⁶ *Рассказы о колдовстве и т. д.* Томаса Райта, который цитирует авторизованные отчеты. Сэр Вальтер Скотт ссылается на "Рассказ о том, что произошло в королевстве Швеция в 1669, 1670 годах и после этого, переведенный с голландского на английский доктором Энтони Хорнеком, приложенный к книге Гланвила "*Sadducismus Triumphatus*". Перевод ссылается на свидетельства барона Спарра, посла шведского двора при дворе Англии в 1672 году, и барона Лионберга, чрезвычайного посланника той же державы, которые подтверждают признание и казнь ведьм. Сам король Швеции ответил на прямой запрос герцога Голштинского с заметной сдержанностью. "Его судьи и комиссары, - сказал он, - приказали сжечь и казнить мужчин, женщин и детей на основании тех беременных улик, которые были им представлены; но были ли признанные и доказанные против них действия реальными или лишь следствием сильного воображения, он пока не в состоянии определить".

ГЛАВА X.

Колдовство в английских колониях в Северной Америке - Пуританская нетерпимость и суеверие - "Последние памятные события" Коттона Мазера - Одержимость демоническими силами - Доказательства, представленные комиссии - Извинения, принесенные властями - Внезапное прекращение разбирательства - Реакционные настроения против агитаторов - Салемское колдовство - последний случай судебного преследования в больших масштабах в христианстве - Философы начинают разоблачать суеверие - Заслуженные труды Вебстера, Беккера, и других - их аргументы могли дойти только до образованных и богатых слоев общества - они лишь частично были освобождены - суеверие продолжало преобладать среди простолюдинов - отмена закона о ведьмах в Англии в 1736 году - судебные и народные преследования в Англии в восемнадцатом веке - Суд над Джейн Уэнхем в Англии в 1712 - Мария Рената сожжена в Германии в 1749 - Ла Кадьер во Франции - Последняя ведьма сожжена в Шотландии в 1722 - Последние случаи колдовства - Протестантские суеверия - Колдовство в экстра-христианском мире. Христианский мир.

Обзор суеверий, связанных с колдовством, был бы неполным без упоминания о салемских ведьмах в Новой Англии. В 1688-1692 годах колонию Массачусетс охватил столь же меланхолический и зловещий приступ фанатичного легковерия, в котором участвовало множество демонов и их человеческих сообщников; обстоятельства того времени благоприятствовали усилению заблуждения. В начале своей колонизации жители Новой Англии были, как правило, единой общиной; их мало беспокоила ересь; а если они и были заражены, то были слишком заняты борьбой с трудностями и опасностями опасного положения, чтобы уделять много внимания различиям в религиозных убеждениях. Но вскоре *чистота* их веры оказалась под угрозой развращения еретическими иммигрантами. Пуритане были самыми многочисленными и влиятельными из беглецов от политической и религиозной тирании в Англии, а доминирующая секта в Северной Америке почти так же жестоко притесняла анабаптистов и квакеров в колониях, как они сами, религиозные изгнанники от церковного деспотизма, страдали в старом мире. Они оказались достойными последователями гонителей Сервета. Другие враги извне также активно стремились к уничтожению истинно верующих. Непрерывно велись ожесточенные войны и борьба с окрестными дикарями, которые смотрели на растущее благосостояние и численность вторженцев с справедливым страхом и недовольством.

Поскольку колонисты были наделены демоническими наклонностями, неудивительно, что они считали свое поднимающееся государство окруженным духовными врагами; и, возможно, к счастью, что дикие земли Северной Америки не были еще более плодотворны на извергов и ведьм, и более разрушительные резни, чем та, что произошла в 1690-92 годах, не опозорили их колониальную историю. Из-под пера доктора Коттона Мазера, стипендиата Гарвардского колледжа, и его отца (который был директором) до нас дошли факты этой истории. Эти два прорицателя и их мнения пользовались большим уважением во всей колонии. Они благочестиво приняли ортодоксальное вероучение, изложенное в трудах древних авторитетов по демонологии, твердо убежденные в реальности нынешних скитаний сатаны "вверх и вниз" по земле; доктор Коттон Мазер был в то же время главным сторонником и историком начавшейся демонической войны. Начало ей положила казнь паписта, ирландца по имени Гловер, который был обвинен в околдовывании дочерей бостонского масона по фамилии Гудвин. Эти девочки в младенческом возрасте страдали от судорожных

припадков - обычного симптома "одержимости". Мазер принял одну из них в своем доме, чтобы провести эксперименты и, по возможности, изгнать злых духов. Она внезапно, в присутствии множества зрителей, впадала в транс, поднималась, садилась верхом, как будто отправляясь на шабаш, и вела беседу с невидимыми существами. Особенностью случая этой пациентки было то, что под воздействием "адских чар" она получала огромное удовольствие от чтения или прослушивания "плохих" книг, что ей разрешалось делать совершенно свободно. В число этих книг входили Молитвенник английской епископальной церкви, труды квакеров и произведения папистов. Всякий раз, когда она брала в руки Библию, дьявол ввергал ее в самые страшные конвульсии.

В результате этого *диагноза* появилась публикация "Памятных случаев, связанных с колдовством и одержимостью", которая вместе с работой Бакстера "Уверенность в мире духов", которую Мазер тщательно распространял и рекомендовал людям, усилила лихорадку страха и фанатизма до высшей точки. Вышеописанные инциденты были лишь прелюдией к настоящей драме Салемских ведьм. В 1692 году две девушки, дочь и племянница священника мистера Парвиса, страдавшие от болезни, похожей на ту, что была у Гудвинов, были объявлены сверхъестественно больными. Два несчастных индейца, муж и жена, слуги в семье, которые неосмотрительно пытались вылечить больных-колдунов с помощью каких-то чар или снадобий, сами были заподозрены как виновники и отправлены на казнь. Лекари, которые, похоже, были совершенно не осведомлены о происхождении этих приступов и столь же легковжны, как и непрофессионалы, добавляли новые свидетельства реальности "одержимости".¹⁵⁷ Сначала обвиняли только людей из низших слоев общества и тех, кого, в силу их дурной репутации, было бы легко распознать как дьявольских агентов. Но по мере нарастания ажиотажа стали указывать на других, более высокого ранга. На сцену был выведен *чернокожий* человек в образе индейца ужасного вида и внушительных размеров, который угрожал христианизирующимся колонистам истреблением за вторжение в их веру к неохотному язычнику. В мае 1692 года новый губернатор, сэр Уильям Фиппс, прибыл с новой хартией (действие старой было приостановлено) из Англии; этот чиновник, не успокоив существующие предрассудки, подтолкнул местные власти к еще большей экстравагантности. Экзамены проводились в обычном и наиболее одобренном порядке: молитва Господня и тайные знаки были непогрешимыми испытаниями. В конце мая были повешены две женщины, Бриджет Бишоп и Сюзанна Мартин.

¹⁵⁷ Говорят, что в последнее время на юге Франции большое внимание привлекает явление, похожее на то, которое так часто происходило в Средние века и в XVII веке. Газета *Courrier des Alpes* рассказывает о необычной сцене, произошедшей в одной из церквей коммуны Морзин среди женщин по случаю визита епископа этого округа. Похоже, что болезнь, о которой идет речь, поражает в основном женское население, а пациенток уверенно называют и утверждают, что *они одержимы*. Она "производит все эффекты безумия, не имея его характера", и, как говорят, ставит в тупик все ресурсы медицинской науки, не знающей ее природы. В течение некоторого времени конвульсии были прекращены, но теперь они появились вновь с большей силой, чем когда-либо. - Газета "Таймс", 6 июня 1864 года.

2 июня состоялось заседание официальной комиссии, на котором были даны самые нелепые показания и так же нелепо приняты. Джон Лаудер дал показания против Бриджет Бишоп, "что после небольшого спора с Бишоп о том, что ее птицы хорошо ложатся спать, он проснулся ночью при свете луны и ясно увидел подобие этой женщины, жестоко угнетавшей его, и в таком жалком состоянии она держала его, не в силах помочь себе до следующего дня. Он рассказал об этом епископу, но она отрицала это и сильно угрожала ему. Вскоре после этого, находясь дома в Господний день с закрытыми дверями, он увидел, как к нему

подошла черная свинья, которую он хотел пнуть, но она исчезла. Сразу же после того, как он сел, он увидел, как в окно впрыгнула черная тварь, подошла и встала перед ним. Телом оно было похоже на обезьяну, ноги - на петушиные, а лицо - на человеческое.¹⁵⁸ Он был так напуган, что не мог говорить, но это чудовище заговорило с ним и сказала: "Я посланник, посланный к тебе, ибо я понимаю, что ты в некотором затруднении, и если ты будешь управляться со мной, то ничего не будешь иметь в этом мире". Тогда он попытался хлопнуть по нему руками, но ничего не почувствовал; тогда он снова выпрыгнул из окна, но тут же вошел на крыльцо (хотя двери были закрыты) и сказал: "Тебе лучше прислушаться к моему совету". Тогда он ударил по нему палкой, но ударился только о землю и сломал палку. Рука, которой он наносил удары, вскоре отказала, и она исчезла. Выйдя через заднюю дверь, он увидел в саду епископшу, которая шла к своему дому, но у него не было сил ступить к ней ни шагу; тогда, вернувшись в дом, он сразу же столкнулся с тем чудовищем, которое видел раньше, и этот гoblin теперь собирался лететь на него; тогда он закричал: "Вся броня Божья да будет между мной и тобой!", и оно отпрыгнуло назад и перелетело через яблоню, стряхнув с нее много яблок в своем полете. В прыжке оно швырнуло грязь ногами в живот мужчины, после чего тот онемел, и так продолжалось три дня подряд". Другой свидетель заявил в суде, что, "лежа в постели в день Господень, ночью он слышал шум за окном; затем он увидел, как вошла Сюзанна Мартин и спрыгнула на пол. Она ухватила за ногу этого свидетеля и, свалив его тело в кучу, лежала на нем почти два часа, и все это время он не мог ни говорить, ни шевелиться. Наконец, когда он смог пошевелиться, он схватил ее за руку и, поднеся ее ко рту, прокусил несколько пальцев, как он полагал, до кости; после этого она вышла из палаты по лестнице через дверь" и т. д.

¹⁵⁸ 'Rara avis in terris'. Дворняга и аномальный вид, подобный немецким кошкам-обезьянам *Meerkatzen*.

19 июля пять женщин, а 19 августа шесть человек были отправлены на виселицу, среди которых был мистер Джордж Берроуз, священник, который спровоцировал своих судей, усомнившись в самом существовании колдовства. В последние минуты он произвел столь благоприятное впечатление на собравшихся зрителей своей красноречивой речью, что присутствовавший при этом доктор Мазер счел необходимым предотвратить развитие реакционных чувств, заявив, что преступник не был рукоположенным священником, а дьявол часто превращался в ангела света. Их действия стали настолько беззаконными и абсурдными, что один из подчиненных властей, в чьи обязанности входил арест обвиняемого, отказался выполнять свою ненавистную работу и, будучи сам осужденным как соучастник, обратился в бегство. Его схватили и казнили как раскольника и колдуна. Восемь колдунов понесли высшую меру наказания по закону 22 сентября. Джайлс Гори, за несколько дней до этого возмущенно отказавшийся признать свою вину, был "зажат до смерти" - привычный способ наказания упрямых заключенных; и, как говорят, во время этой пытки, когда язык жертвы вывалился изо рта в агонии боли, председательствующий шериф с большим *остервенением* заставил его вернуться обратно своей тростью. На этом этапе разбирательства магистрат счел необходимым опубликовать оправдательный мемуар по поводу уничтожения двадцати человек обоего пола, и, по настоятельному желанию губернатора, Коттон Мазер составил "Апологию" в форме трактата "Больше чудес невидимого мира", в котором казни в Салеме оправдываются прецедентом подобных и печально известных случаев в родной стране, а также общепризнанными доктринами различных выдающихся авторов всех времен и стран. Инкризу Мазеру, директору Гарвардского колледжа, также было поручено решить вопрос, может ли дьявол иногда принимать облик святого, чтобы осуществить свой конкретный замысел. Преподобный автор решил этот вопрос утвердительно в научном трактате, который он назвал (кажущийся

плагиат) "Случаи совести, касающиеся колдовства и злых духов, вселяющихся в людей". К этому начинанию его подтолкнуло непредвиденное и неприятное обстоятельство. Жена священника, одного из самых активных сторонников обвинения, была вовлечена в беспорядочные обвинения доносчиков, которые начали нацеливаться на более возвышенную добычу. Министр, встревоженный неожиданным результатом своей агитации, теперь был убежден в ложности всей затеи. Это был счастливый случай. С этого момента казни прекратились.¹⁵⁹

¹⁵⁹ Однако если представители рода человеческого были освобождены от смертной казни, то собачьи особи были принесены в жертву, возможно, в качестве заместителя. Две собаки, осужденные, как сообщается, за соучастие, были торжественно повешены!

Причиной прекращения судебных процессов стал опасно растущий класс доносчиков, которые, как "делаторы" ранней Римской империи, делали прибыльную профессию из своей подлости и не щадили даже самих нежелающих или отказывающихся от своих слов магистратов. Чтобы сохранить собственные жизни или хотя бы репутацию, власти и судьи сочли необходимым сразу же остановить распространение заразы. Около ста пятидесяти ведьм и колдунов все еще находились под арестом (еще двести собирались арестовать), когда губернатор Фиппс, отозванный правительством страны, из чувства заинтересованности или справедливости был вынужден освободить заключенных, к удивлению и ужасу людей. С этого момента началась реакция. Те, кто за четыре года до этого стоял у истоков судебных процессов, внезапно стали объектами ненависти или презрения. Даже духовенство, принимавшее в них активное участие, стало непопулярным. Несмотря на упорные попытки доктора Коттона Мазера и его учеников возобновить агитацию, общественное мнение или чувства изменились, и люди начали признавать недостаточность доказательств и возможную невиновность осужденных. По всей колонии были объявлены общественные посты и молитвы. Судьи и присяжные подражали друг другу, признавая, что "мы сильно заблуждались и ошибались". Доктор Мазер был менее переменчив и менее раскаян. В одном из своих трактатов на эту тему, перечисляя некоторые признаки и доказательства реального преступления, он заявляет: "Это и десятой доли не стоит из тех проделок, что выпали на долю жителей Новой Англии. *Плотские* люди могут преувеличивать эти вещи: но когда сотни самых торжественных людей в стране, где они так же уверены в себе, как и все остальное человечество, знают, что это правда, ничто, кроме хмурого духа саддукейства, не может подвергнуть их сомнению". Я еще не упомянул (уверенно утверждает он) ни одной вещи, которая не была бы оправдана, если потребуются, клятвами более внимательных людей, чем те, кто может высмеять эти странные явления".¹⁶⁰

¹⁶⁰ *Рассказы о колдовстве и магии*, глава xxxi. Можно предположить, что вера стипендиата Гарвардского колледжа укреплялась пропорционально его сомнениям. Отдавая должное, он признал, что *некоторые* из заявленных обстоятельств могут быть преувеличены или даже выдуманы.

Так закончилось последнее из публичных и судебных преследований колдовства в христианстве. Что касается высшего разума, то философия теперь могла смело подтвердить, что разум "должен быть нашим последним судьей и проводником во всем". Однако глупость, как и тупость, "рожденная богиней, никогда не умирает"; и многие представители высших классов, должно быть, испытывали молчаливое сожаление по поводу взорвавшегося вероучения, в котором утверждалась реальность постоянного личного вмешательства демонов в человеческие дела. Вряд ли стоит настаивать на том факте, что большая часть населения всех стран Европы осталась почти столь же твердо верующей, как и их предки, вплоть до настоящего времени; о том, что их вера *была живой*, свидетельствуют постоянно

повторяющиеся вспышки суеверного невежества, которые как в этой стране, так и на континенте часто приводят к гибели объектов их дьявольского страха.

Такие аргументы, как аргументы Уэбстера в Англии, Беккера и Томазиуса в Германии по специальному вопросу о колдовстве, а также общие аргументы Локка или Бейля, могли быть адресованы лишь немногим.¹⁶¹ Да и не философски было бы ожидать, что вульгарные люди смогут проникнуть в закоренелые суеверия, которые еще недавно пользовались всеобщим признанием в ученом мире.

¹⁶¹ Доктор Бальтазар Беккер, профессор богословия в Амстердаме, опубликовал свой еретический труд на голландском языке под названием "Околдованный мир, или Критическое исследование общепринятого мнения о духах, их природе, силе и действиях, а также всех тех необыкновенных подвигов, которые, как говорят, люди совершают с их помощью"; 1691 год. Он основывает свои аргументы на двух великих принципах: что по своей природе духи не могут воздействовать на материальные существа и что Писание представляет дьявола и его спутников как запертых в адской тюрьме. Объяснение текстов, которые противоречат его системе, очевидно, стоило ему большого труда и недоумения. Его толкования, по большей части, схожи с теми, на которые до сих пор опираются верующие в его доктрину" (Примечание Мердока в "*Институтах церковной истории*" Мосхайма). Обычно откровенный Мосхайм с презрением замечает "Заколдованный мир", пространный и обильный труд, в котором он извращает и объясняет, с не меньшей изобретательностью, но и с не меньшей дерзостью, все, что священный том рассказывает о людях, одержимых злыми духами, и о силе демонов, и утверждает, что несчастное существо, которое священные писатели называют сатаной и дьяволом, вместе со своими служителями, связано вечными цепями в аду, так что оттуда оно не может выходить, чтобы устрашать смертных и замышлять против праведников.' Бальтазар Беккер, один из самых заслуженных противников дьяволизма, был смещен со своего поста церковным синодом и осужден как атеист. Его позиция и смелость аргументов вызвали необычайное внимание и враждебность, и "огромное количество" лютеранских богословов поднялись, чтобы опровергнуть его атеистическую ересь. Беснаказанность, которой он пользовался от мести дьявола (он дерзко бросил вызов божеству ада, чтобы оно отомстило за его опрокинутые алтари), ортодоксальные богословы объясняли хитростью сатаны, который был уверен, что в конце концов он окажется в наибольшем выигрыше от неверия. Христос. Томазиус, профессор юриспруденции, был автором нескольких работ против народных предрассудков в период между 1701 и 1720 годами. Эннемозер считает, что он мог добиться большего благодаря своему профессиональному положению, чем гуманно настроенный Беккер. Но, в конце концов, свержение дьявольских алтарей было вызвано в гораздо большей степени открытиями науки, чем всеми трудами философов-литераторов. Даже в Южной Европе и в Испании (насколько это было возможно в этой нетерпимой стране) разум начал подавать слабые признаки существования; и Бенито Фейхоо, чьи аддисоновские труды в XVIII веке в стране инквизиции заслужили благодарность своих соотечественников (в его "*Tempo Критико*"), осмелился возвысить свой голос, пусть и слабый, в его защиту.

Прекращение судебной процедуры против ведьм было скорее негативным, чем позитивным: постановления в сводах законов оставались не отмененными и, казалось, не отменяли полностью сомнительных предрассудков. Закон о ведьмах 1604 года был официально и окончательно отменен лишь на девятом году правления Георга II, в 1736 году. По запоздалому порыву здравого смысла и справедливости Законодательное собрание постановило, что в будущем не должно возбуждаться никаких преследований по поводу колдовства, чародейства, ворожбы, околдовывания и т. д. против любого человека или

людей. К сожалению, для репутации цивилизации, было бы легко перечислить длинный список *незаконных* убийств как до, так и после 1736 года. Один или два наиболее примечательных случая, ясно показывающих, как считает Скотт, что ведьминская болезнь "только спит и может в отдаленных уголках снова пробудиться для кровавых деяний", слишком значительны, чтобы не упомянуть о них вкратце. В 1712 году Джейн Уэнхем, бедная женщина из деревни Уокерн в графстве Хартфорд, была торжественно признана виновной присяжных на основании показаний шестнадцати свидетелей, из которых трое были священнослужителями; председательствовал судья Пауэлл. Она была приговорена к смерти как ведьма в обычном порядке, но по представлению судьи была освобождена от наказания. Она была широко известна в окрестностях своего дома как злобная ведьма, которая получала огромное удовольствие, стравливая скот фермеров и причиняя им подобные беды. Преподобный мистер Гардинер, настоятель Уокерна, полностью разделял предрассудки своих прихожан и, не пытаясь развеять их подозрения, полностью с ними согласился. Был получен ордер от магистрата, сэра Генри Чонси, на арест обвиняемой, и она предстала перед этим местным чиновником; были взяты показания, и ее обыскали на предмет "следов". Викарий Ардли, соседней деревни, проверил ее виновность или невиновность молитвой "Отче наш", которую она повторяла неправильно: угрозами и другими способами он заставил признаться, что она действительно была агентом дьявола и имела с ним связь.

Но даже в середине XVIII века ведьмы время от времени представляли перед судом и осуждались судебными трибуналами. В 1749 году Мария или Эмма Рената, монахиня монастыря Унтерцелль, расположенного недалеко от Вюрцбурга, была осуждена духовной властью и казнена гражданской. По милосердию принца надлежащая смерть через сожжение заживо была заменена на более мягкий приговор - обезглавливание и последующее сожжение трупа в пепел, ибо после смерти не должно было остаться ни малейшего следа такой проклятой преступницы. В юности Мария Рената была совращена в колдовство одним из офицеров и привыкла посещать собрания ведьм. В монастыре она практиковала свои inferнальные искусства, околдовывая сестер-монахинь.¹⁶² Примерно в то же время одна монахиня на юге Франции подверглась варварскому обличению и обращению ведьмы: Отец Жирар, обнаружив, что у его хозяйки необыкновенные скрофулезные отметины, задумал объявить всему миру, что она одержима *стигматами - отпечатками* следов от гвоздей и копы на распятом Господе, которые, как считается, воспроизводятся на лицах тех, кто, подобно прославленному святому Франциску, наиболее близко уподобил свою жизнь Его жизни. Иезуиты с нетерпением ухватились за возможность совершить чудо, которое могло бы смутить их соперников-янсенистов, чьи сенсационные чудеса грозили затмить их собственные.¹⁶³ Сэр Вальтер Скотт утверждает, что последний смертный приговор за колдовство в Шотландии был приведен в исполнение в 1722 году, когда капитан Дэвид Росс, шериф Сазерленда, приговорил женщину к костру. Что касается незаконных преследований, то М. Гарине ("История магии во Франции") приводит список из двадцати случаев, произошедших в Франции между 1805 и 1818 годами. В последний год три трибунала были заняты судом над убийцами.

¹⁶² Эннемозер приводит историю этой ведьмы из "Христианского обращения при сожжении Марии Ренаты из монастыря Унтерцелль, которая была сожжена 21 июня 1749 года; это обращение было произнесено перед многочисленной толпой, а затем напечатано по приказу властей". Проповедник убедительно настаивал на божественной санкции и обязательности Моисеева закона "Не позволяй ведьме жить", который был взят в качестве текста, и на том факте, что христианская церковь не только не отменила его, но и сделала более настоятельным.

163 Жертва удовольствия, а затем и честолюбия отца Жирара известна под именем Ла Кадьер. Она была уроженкой Тулона и в юности стала свидетелем разрушительных последствий чумы, опустошившей город в 1720 году. Среди смятения общества она отличалась чистотой и доброжелательностью. История Ла Кадьер и отца Жирара красноречиво рассказана М. Мишеле в "*Сорсьере*". Конвульсии флагеллантов XIII века и протестантского возрождения наших дней в значительной степени повторяют пароксизмы французских монастырей и голландских приютов XVII века. Если верить сообщениям, поступающим время от времени с континента, дьявольская "одержимость" в христианстве еще не изжита. Недавно монастырь августинских монахинь в Лоретто, по сообщению анконской газеты *Corriere delle Marche*, подвергся нападению, схожему с нападением в Лаудуне. Затем последовали рвота иглами и булавами, старые дьявольские пытки и строгий допрос обвиняемых.

Если у вас возникнет убеждение, что нынешние "вульгарные" представления о колдовстве давно устарели в Англии, то оно будет разрушено просмотром нескольких газет и периодических изданий последних ста лет; и достаточно объемный труд может быть занят достижениями современных Сидрофелов и записями убийств или увечий, совершенных невежественной толпой. 164

164 Не обращая внимания на другие столь же печально известные случаи последних лет, будет достаточно (чтобы развеять любые возможные иллюзии) привести абзац из статьи в газете "*Таймс*" от 24 сентября 1863 года. "Это несколько необычный факт, - пишет автор, описывая недавнее печально известное преследование ведьм в графстве Эссекс, - что почти все шестьдесят или семьдесят человек, вовлеченных в возмущение, которое привело к смерти покойного, принадлежали к классу мелких торговцев, и никто из сельскохозяйственных рабочих не был замешан в этом деле. Также утверждается, что никто из участников не находился в состоянии алкогольного опьянения. Вся эта позорная сделка возникла на почве глубокой веры в колдовство, которая в плачевной степени владеет торговцами и низшими слоями населения района". Не похоже также, что деревня Хедингем (место убийства ведьмы) претендует на превосходство в доверчивости над другими деревнями в Эссексе или в Англии. Подстрекателем и главным агентом в деле Хедингема была жена трактирщика, которая была убеждена, что ее околдовал старый волшебник, пользующийся известностью в округе, а способом наказания был популярный способ - утопление или удушение в ближайшем пруду. Обрывки бумаг, найденные в лачуге убитого волшебника, свидетельствуют о многочисленных обращениях любовников, жен и других встревоженных искателей. Среди других недавних возрождений "черного искусства" в Южной Европе, о которых уже упоминалось, показателен случай инквизиции в Риме известного английского или американского "спиритуалиста", когда, как мы узнаем от него самого, его заставили дать торжественное отречение от того, что он не отдавал свою душу дьяволу.

Также не будет безопасным предположить, как некоторые авторы, что дьяволизм, как вульгарный предрассудок, в настоящее время полностью искоренен в протестантском христианстве и сохранился только в самых ортодоксальных странах католицизма или в отдаленных частях северной или восточной Европы. Суеверие, как бы оно ни смягчалось, существует даже в более свободных протестантских странах Европы и Америки; и если протестанты способны с улыбкой относиться к религиозным верованиям или обрядам других сект, то, вероятно, в их собственном вероучении есть нечто менее пагубное, но, возможно, почти столь же абсурдное. 165 Но после пятнадцати веков деспотии христианство наконец-то сбросило адское иго, чья ужасная тирания была насыщена бесчисленными жертвами. О

некогда огромной силе инфернальных искусств высшие слои общества нынешнего века помнят лишь в своих пословицах, но она неизгладимо запечатлена в общеевропейской литературе. У диких народов африканского континента и варварских регионов земного шара колдовство или чародейство под названием фетишизм процветает с такой же силой и с такими же разрушительными последствиями, как и в Европе в XVI веке; и каждый путешественник, возвращающийся из Восточной или Западной Африки, или из южной части Тихого океана, свидетельствует о распространенности практики ужасных и кровавых обрядов религиозной обрядности, состоящей из чародейства и заклинаний. У тех народов, которые не имеют дальнейшего представления о религиозных чувствах, по большей части сохраняется, по крайней мере, магическое использование колдовства.¹⁶⁶ Суеверие, постоянно меняющееся, в будущем может принять, даже в Европе, форму, столь же пагубную или иррациональную, как любая из прошлых или нынешних эпох; ибо в каждый век "религия, которая должна больше всего отличать нас от зверей и возвышать нас как разумных существ над грубыми, является той, в которой люди часто оказываются наиболее иррациональными и более бессмысленными, чем сами звери".¹⁶⁷

¹⁶⁵ Современный философ хорошо проиллюстрировал эту очевидную истину (*Natural History of Religion*, sect. xii.). "Век суеверий, - говорит один известный эссеист с совершенной правдой, - не прошел; и, - добавляет он более сомнительный тезис, - мы не должны желать, чтобы он прошел". Некоторые из самых выдающихся писателей (например, Плутарх, Фрэнсис Бэкон, Бейл, Аддисон) справедливо или несправедливо согласились считать фанатичное суеверие более пагубным, чем атеизм. Если учесть, что научная философия Аристотеля, созданная более 2000 лет назад, была возрождена сравнительно недавно, трудно не поверить в *циклический*, а не прогрессивный ход человеческих идей, по крайней мере в метафизике. Факт, отмеченный Маколеем, что две основные части христианства в Европе остаются почти в тех же пределах, в которых они находились в шестнадцатом или в середине семнадцатого века, является неоспоримым. Да и нынешние факты и симптомы не столь неблагоприятны, как принято считать, для вероятности окончательной реакции в пользу католической доктрины и правления даже среди тевтонских народов в ходе революций, которым постоянно подвержены человеческие идеи.

¹⁶⁶ Среди многочисленных свидетельств недавних путешественников можно особо отметить свидетельство известного путешественника Р. Ф. Бертон (*The Lake Regions of Central Africa*) об обычаях восточных африканцев. На африканском континенте и в других местах, как и у древних евреев, демонов умиляют человеческими жертвоприношениями. О том, насколько суеверие ведьм распространено среди индусов, свидетельствует историк Британской Индии. "Вера в колдовство и чародейство, - говорит мистер Милл, - по-прежнему распространена повсеместно и каждый день является причиной величайших преступлений. Нередко брамины, судимые за убийство английскими судьями, в качестве мотива преступления называют то, что убитый их околдовал. Не менее пяти несчастных в одном районе были судимы и казнены за колдовство в 1792 году. Сами жители деревни берут на себя право вершить суд над этим мнимым преступлением, а единственным инструментом доказательства служат самые жалкие из всех заклинаний (*История Британской Индии*, кн. 2. 7). Определенный инстинктивный или традиционный страх перед злыми духами вызывает ужас у тех народов, которые не имеют твердой веры в провидение или существование благосклонного Божества. Даже среди китайцев - наименее религиозной нации в мире, чья банальная формула скептицизма "Религий много: Разум один", выражает их безразличие к любой форме религии - существует своего рода демонический страх (Huc's *Chinese Empire*, xix.). Дьявольские и магические суеверия мусульман представлены в "*Коране*" Сейла и "*Современных египтянах*" Лейна.

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИПТОРА

Сноски были перемещены и перенумерованы для удобства чтения; в результате некоторые номера страниц в HTML-версии искажены.

Страница 27: Удалено лишнее "the".

Страница 39: Удалена запятая после "скандинавов".

Страница 90: Добавлена недостающая кавычка.

Страница 107: Исправлена опечатка "Hutchison's".

Страница 165: Исправлена опечатка "transsubstantiated".

Страница 232: Исправлена опечатка "ἰ μάς".

Стр. 278: Добавлена точка после "xix".